

Успенский А.

ПОДВИЖНИКЪ
НИЛО-СОРСКОЙ ПУСТЫНИ
ІЕРОСХИМОНАХЪ НИЛЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

КИРИЛЛОВЪ

1891

Отрадны и назидательны примѣры подвижничества духовнаго вообще; тѣмъ драгоценнѣе они для нашего скуднаго благочестіемъ вѣка, въ которомъ служеніе міру и пристрастіе къ его благамъ стало какъ бы преобладающею стихіей. Часто слышатся теперь вопросы: есть ли нынѣ спасающіеся, возможно ли нынѣ спастись? И вотъ какъ-бы въ отвѣтъ на нихъ, въ разныхъ мѣстахъ благословеннаго отечества нашего воздвигаетъ Господь подвижниковъ духовныхъ, жизнью и подвигами своими ясно свидѣтельствующихъ, что милостію Божіею и теперь есть на святой Руси не только спасающіеся, но и достигающіе высокаго совершенства духовнаго, и что слѣдовательно вполне возможно и нынѣ спастись всякому, кто только этого пожелаетъ отъ искренняго сердца. Къ числу таковыхъ подвижниковъ Христовыхъ нашего времени по всей справедливости принадлежитъ присно памятный старецъ Нило-Сорской пустыни, Новгородской губерніи, Кирилловскаго уѣзда, іеросхимонахъ Нилъ. Недавно, въ 1870 году, отошелъ въ блаженную вѣчность іеросхимонахъ Нилъ, и духовное благоуханіе святоподвижнической его жизни еще не испарилось на мѣстѣ его подвиговъ: тамъ живы еще его современники, сподвижники, друзья о Господѣ, межъ которыми сохранилось много свѣдѣній и воспоминаній о блаженномъ старцѣ; онъ и самъ оставилъ по себѣ собственноручную краткую свою автобіографію, въ которой просто и откровенно повѣствуетъ о достопримѣчательныхъ событіяхъ своей жизни. Затѣмъ ближайшій свидѣтель и очевидецъ его жизни келейникъ его, іеродіаконъ Нило-Сорской пустыни, впослѣдствіи настоятель Филиппо-Ирапскаго монастыря, Новгородской губерніи, отецъ Герасимъ, тоже записалъ о немъ много достопримѣчательнаго, что видѣлъ и слышалъ, живя при старцѣ Нилѣ, довѣріемъ и любовію котораго особенно пользовался.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о прозорливости и благодатныхъ дарахъ старца сохранилъ въ воспоминаніяхъ своихъ Нило-Сорской пустыни монахъ Ѳеодоръ, проходившій тамъ послушаніе гостинника при жизни старца и видѣвшій нерѣдко замѣчательныя проявленія благодатныхъ даровъ старца надъ посѣтителями обители. Нѣсколько достопримѣчательныхъ сказаній о старцѣ сохранилъ въ воспоминаніяхъ о немъ другъ его, настоятель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Новгородской губерніи, отецъ архимандритъ Іаковъ. Онъ поусердствовалъ всѣ эти записки и воспоминанія о старцѣ собрать, и по его желанію изъ всего этого матеріала составляется предлагаемый очеркъ жизни незабвеннаго для многихъ іеросхимонаха Нила. Въ очеркѣ этомъ найдутъ мѣсто и краткія біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ подвижникахъ Нило-Сорской пустыни, современникахъ старцу Нилу, подъ его руководствомъ духовно-воспитавшихся; эти свѣдѣнія необходимы для полноты сказанія о немъ. Старецъ Божій при подвигахъ духовныхъ, отличался и просвѣщеніемъ доховнымъ, былъ весьма начитанъ, хорошо владѣлъ перомъ, имѣлъ даръ учительный, любилъ составлять молитвословія и пѣсноиѣнія церковныя. Послѣ него осталось довольно поученій, писемъ, размышленій, молитвъ и службъ; всѣ эти писъма помѣститъ въ очеркъ жизни его неудобно, но обращенія ихъ, для ознакомленія съ характеромъ его писательства, по возможности будутъ помѣщены. Остается пожелать, чтобы благая жизнь іеросхимонаха Нила доставила такое и душеназидательное чтеніе всѣмъ, любящимъ назидаться примѣрами подвижничества хрістіанскаго.

Избарникъ Божій іеросхимонахъ Ниль родился 1801 года 21 ноября, на праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, коея усердный почитатель и служитель былъ онъ во всю свою жизнь и которая видимо осѣняла его своимъ особымъ благоволеніемъ. Родина его—село Васильевское Владимірскаго губерніи, Шуйскаго уѣзда, вотчина графа Шереметева, въ крѣпостной зависимости отъ котораго состояли родители старца, Іоаннъ и Анна Прихудаловы. Они имѣли 12 сыновей и дочерей, и старецъ былъ послѣднимъ изъ дѣтей ихъ по времени рожденія, родился, когда они были уже довольно преклонныхъ лѣтъ.

При святомъ крещеніи наименованъ Николаемъ, въ честь святителя и чудотворца Николая 6 декабря. Благочестивые родители его, необладавшіе богатствомъ земнымъ, вели тихую христіански-благочестивую жизнь, о которой не излишне сказать нѣсколько словъ. Отецъ родителя его Іоаннъ управлялъ имѣніемъ графа Шереметева, но сынъ не пошелъ по его слѣдамъ, а совершенно удалялся мірскихъ занятій: онъ весь погруженъ былъ въ изученіе священнаго писанія, творенія святоотеческихъ и вообще книгъ душеполезныхъ, которыя доставалъ, прочитывалъ и даже списывалъ съ великимъ усердіемъ. Черезъ это обогатился онъ обширными званіями духовными, былъ ревнитель православія и искусный обличитель раскольническихъ лжеученій, которыя опровергалъ на основаніи слова Божія и ученія святоотеческаго. Обладая свѣтлымъ умомъ и прекрасною памятью, умѣлъ онъ склонять раскольниковъ къ принятію православія, чѣмъ и былъ очень извѣстенъ во всей окрестности, изобиловавшей раскольниками. Лица духовныя, даже іерархи обращались къ нему съ уваженіемъ, испрашивали себѣ его разъясненій относительно способа словонреній съ раскольниками, присылали къ нему для увѣщанія закоренѣлыхъ въ своихъ раскольническихъ убѣжденіяхъ. Самые раскольники уважали его и съ довѣріемъ выслушивали его, ибо видѣли въ немъ челоуѣка жизни праведной, начетчика, обладавшаго силою слова благодатнаго. Много раскольниковъ возвратилъ онъ словами своими въ лоно святой церкви, и этимъ занимался во всю жизнь, какъ подвигомъ истинно богоугоднымъ. Жажда знаній духовныхъ была въ немъ велика: не было кажется ни одной книги духовной, которую бы онъ не постарался достать, прочесть, почерпнуть въ ней полезныя для себя свѣдѣнія и ими воспользоваться въ пользу душевную, свою и ближнихъ своихъ. Несмотря на званіе мірянина и жизнь семейную, проводилъ онъ жизнь строго-подвижническую, недозволялъ себѣ ни въ чемъ излишества, не упустительно посѣщалъ свой приходскій храмъ при богослуженіяхъ. былъ усердный молитвенникъ и дома. Современные ему подвижники иноки, проводившіе жизнь духовную, имѣли съ нимъ сношенія и личныя и письмен-

ныя: такъ извѣстный великій старецъ, архимандритъ Молдовлахійскаго Нѣмецкаго монастыря, Паисій Величковскій, имѣлъ съ нимъ переписку, и ученикамъ своимъ, уходившимъ изъ обители его въ Россію, нерѣдко приказывалъ побывать у благочестиваго раба Божія Іоанна Прихудалова въ селѣ Васильевскомъ и поучиться отъ него благочестивому и вѣрному пониманію ученія духовнаго. Домъ Іоанновъ всегда былъ гостепріимнымъ пріютомъ для иноковъ ближнихъ и дальнихъ: въ немъ находили они ласковый пріемъ и душеполезное слово, которымъ хозяинъ весьма иногда благовременно угощалъ своихъ духовныхъ гостей. Весь погруженный въ занятія духовныя, Іоаннъ мало заботился о дѣлахъ житейскихъ: весь домъ и всѣ попеченія о немъ лежали преимущественно на его супругѣ, отличавшейся тихостію нрава, благочестіемъ и безропотнымъ терпѣніемъ въ скорбяхъ, которыя очень не рѣдко посѣщали пхъ домъ. Слѣдую слову апостола: „имуще пишу и одежду, сими довольни будемъ.“ Іоаннъ не искалъ и даже чуждался стяжаній житейскихъ, лишнимъ всегда дѣлился съ неимущими, поэтому недостатокъ и нѣжда въ потребностяхъ жизненныхъ очень нерѣдко ощущались въ его домѣ. Семья была велика, се нужно было и накормить, и одѣть, и обуть, а ремесла особаго Іоаннъ не имѣлъ: поэтому благочестивая Анѣа, сама большею частію трудилась чтобы всѣмъ этимъ обезпечить свою семью. Но она не роптала и не укоряла мужа, который, весь погруженный въ книги, мало объ этомъ заботился, напротивъ того глубоко его уважала и всячески покоила, отдаляя отъ него всѣ тѣ попеченія, которыя могли нарушить его богомысліе и сосредоточенность молитвенную. Рѣдкій поистинѣ примѣръ богоугоднаго супружества и святой жизни мірской! Младенецъ Николай родившійся у этихъ примѣрныхъ христіанскихъ супруговъ, почти подъ старость, какъ нѣкогда Исаакъ у Авраама и Сары, пользовался особою ихъ любовію и попеченіями. Они видимо предпочитали его прочимъ своимъ дѣтямъ, видѣли въ немъ залогъ благоволенія къ нимъ Божія, что нерѣдко и выражали своими о немъ отзывами. Такъ мать его Анна часто говорила своимъ дѣтямъ? указывая на Николая: „вы что?

этотъ только и будетъ намъ кормилецъ!“ Слова эти были поистинѣ пророческими въ устахъ благочестивой женщины. ибо изъ всей ея семьи одинъ Николай сподобился благодатнаго дара священства и былъ усердный молитвенникъ за родителей своихъ у престола Божія,— духовный кормилецъ ихъ. Вся многочисленная семья Иоаннова, братья и сестры Николая цитали къ нему большую любовь; но въ этомъ особенно отличался старшій братъ его Власій юноша благочестивый и искусный иконописецъ, который своими трудами много помогать матери своей въ содержаніи всей семьи. Власій нерѣдко бралъ на свои руки младенца Николая, любовался имъ съ благоговѣніемъ и правую его руку лобызаль неоднократно. Когда ему говорили, для чего онъ, старшій по рожденію, такъ усердно цѣлуетъ руку младшаго брата младенца, Власій, въ духѣ пророческомъ отвѣчалъ: „Вы не знаете, въ свое время и всѣ будутъ цѣловать его руку.“ Робъ Божій Іоаннъ горячо любилъ своего младенца сына Николая, но любилъ по своему: съ младенчества старался онъ насаждать въ душѣ его благочестіе, чувство страха Божія, спасительнаго для человѣка. Посадивъ младенца на свои колѣни, часто говорилъ онъ ему: „человѣкъ, знай, что будетъ судъ и мука дѣлающимъ зло;“ или: „бойся Бога и люби Его,“ или подобныя этимъ слова. Слова эти падали какъ сѣмя благое на землю сердца невиннаго младенца, вкоренялись въ въ немъ и приносили добрые плоды. Николай отличался кроткимъ нравомъ, усердіемъ къ молитвѣ. Любовь къ Богу, какъ свѣточъ благодатный, возжигалась въ юномъ и неиспорченномъ страстями сердцѣ его и привлекала къ нему любовь и благоволеніе Божіе. Все мірское ему было противно: не принималъ онъ участія въ дѣтскихъ играхъ своихъ сверстниковъ, не любилъ даже смотрѣть на эти игры, не терпѣлъ слышать пѣсни веселія деревенской молодежи, и всегда убѣгалъ и скрывался отъ ней гдѣ-либо въ глубинѣ дома. Мысль о смерти всегда была ему присуща: еще столь юный, только начинающій жить, переносился онъ мыслию къ концу неизбежному своей жизни, какъ бы видѣлъ его мысленнымъ взоромъ и преисполнялся чувствомъ страха Божія. Чув-

ство это освѣжительно дѣйствовало на душу его: онъ жилъ какъ бы предъ очами Божиими и оберегался всякаго слова, дѣла и помышленія грѣховныхъ. Подростая, изучилоъ онъ при помощи родителя своего грамоту, а при помощи старшаго брата всего Власія—священное искусство иконописанія. Пяти лѣтъ началъ онъ учиться грамотѣ, и выучился необыкновенно скоро: спустя мѣсяць могъ онъ уже свободно читать всю Псалтирь, а вскорѣ за тѣмъ читалъ безъ труда другія книги церковныя. Но любимымъ чтеніемъ его были Четыри-Минеи или житія святыхъ, которыя чудными примѣрами святыхъ угодниковъ Божіихъ плѣняли его душу и служили ему прекраснымъ училищемъ благочестія. Писать тоже научился онъ безъ особаго труда, почти самоучкой. Иконописаніемъ подъ руководствомъ старшаго брата благочестиваго Власія занимался съ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ, видя въ этомъ священномъ занятіи не столько ремесло, сколько служеніе Богу. Любившіи посѣщать храмъ Божій, родитель Іоаннъ внушалъ любовь эту и дѣтямъ своимъ: каждый воскресный и праздничный день водилъ онъ ихъ со собой ко всѣмъ службамъ церковнымъ и требовалъ отъ нихъ внимательнаго и благоговѣйнаго въ церкви предстоянія. Николай особенно любилъ сопутствовать родителямъ своимъ въ церковь, гдѣ все его плѣняло, восхищало, назидало, такъ что всегда жалѣлъ, когда кончалась служба Божія и предстояло ему идти изъ церкви домой. Родитель скоро замѣтилъ такое усердіе къ церкви младшаго своего сына, сердечно радовался этому, и всячески способствовалъ развитію въ немъ ревности къ неупустительному посѣщенію службъ церковныхъ. Бывало раннимъ утромъ, собираясь идти въ церковь къ утреннему богослуженію, разбудить онъ Николая, говоря: „вставай, пора въ церковь къ утрени,“ и Николай съ радостію спѣшитъ отрасти сонъ съ очей, и отвѣчаетъ отцу псаломскимъ словомъ: „возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ.“ Отрадно было родителю слышать изъ устъ сына эти слова святаго псалмопѣвца и видѣть, какъ отрокъ, побѣждая сонъ, столь обычный въ его годы, спѣшилъ въ храмъ Божій и благоговѣино выстанвалъ въ немъ службу всю до кон-

па. Иоаннъ, наблюдая за всеми движеніями душевными сына, нерѣдко спрашивалъ его то о содержаніи паремій, Апостола и Евангелія, читанныхъ въ церкви, то о количествѣ бывшаго въ церкви народа, желая испытать степень вниманія его молитвеннаго. Обладая хорошей памятью, онъ всегда отчетливо расскажетъ бывало отцу своему содержаніе чтеній церковныхъ, касательно же количества богомольцевъ отзовется незнаніемъ, ибо мало вниманія обращалъ на людей, старался въ церкви не оглядываться по сторонамъ и смотрѣть только на святые иконы. Въ церкви становился онъ всегда позади всѣхъ, усердно молился, до конца службы никогда не выходилъ изъ нея, да и послѣ конца любилъ немного постоять въ церкви, пока разойдется народъ, чтобы тѣмъ избѣжать встрѣчъ и разговоровъ съ своими родными и знакомыми, затѣмъ въ молчаніи спѣшилъ домой. Кромѣ церкви Божіей трудно было его увидѣть гдѣ-либо на селѣ: какъ заразы грѣховной, бѣгалъ онъ мірскихъ разговоровъ, игръ, веселія, свойственныхъ его возрасту, и слышавъ иногда нечаянно веселыя пѣсни своихъ сверстниковъ онъ часто обливался слезами. Единственнымъ утѣшеніемъ служили ему книги святые и разговоры душеполезные его богомудраго родителя: онъ читалъ и перечитывалъ святую Библию, Четы-Минеи, творенія святоотеческія. Всѣмъ этимъ снабжалъ его отецъ, имѣвшій очень много духовныхъ книгъ, и печатныхъ и писанныхъ его рукой, такъ какъ хорошо писалъ и много переписывалъ книгъ на своемъ вѣку. Отецъ его, обладавшій опытностью духовною, руководилъ выборомъ книгъ для его чтенія, давалъ ему именно такія книги которыя подходили къ его душевному устроенію, и тѣмъ весьма способствовалъ его воспитанію духовному. При этомъ часто входилъ съ нимъ въ бесѣды, спрашивалъ его о прочтенномъ въ книгахъ, наставлялъ его къ вѣрному пониманію слова Божія, объяснялъ неудобопонятное его юному разуму въ священномъ писаніи. Юный Николая нерѣдко поражалъ и удивлялъ его вѣрностію своего пониманія ученій духовныхъ: въ непорочной душѣ его благодать Божія видимо дѣйствовала и наставляла его на всякую истину. Такъ мирно текла жизнь отрока въ домѣ родительскомъ до семи-

лѣтняго возраста: въ это время болѣзнь—горячка постѣтила семью Іоаннову, всѣ дѣти ея захворали, и двое изъ нихъ, въ томъ числѣ старшій сынъ Власій, одновременно скончались. Горестна была потеря эта для всей семьи. Власій былъ главнымъ ея кормилцемъ, ибо остальные за нимъ дѣти Іоанна были все еще малолѣтки и не могли зарабатывать средства къ жизни. Потрясающее зрѣлище представляли похороны: два гроба вмѣстѣ вынесены были изъ дома Іоаннова; за ними слѣдовали убитые горемъ родители и еле двигавшіеся, больные еще братья и сестры почившихъ. Иные изъ нихъ отъ слабости падали на землю, не могли встать и ползкомъ слѣдовали за покойниками, оглашая воздухъ стонами и рыданіями. Николай также сильно былъ боленъ, но оправился и тоже провожалъ съ горькими слезами добраго и любимаго брата, въ которомъ потерялъ и учителя иконописному искусству. Благочестивый Іоаннъ, по смерти старшаго сына, приложилъ особое стараніе о христіанскомъ его поминаеніи, для чего употребилъ всѣ бывшія у него средства: онъ глубоко вѣрилъ въ благотворность милостыни и молитвъ церковныхъ для души отшедшей въ вѣчность, почему не щадилъ ни чего для дорогаго покойника. Средства его между тѣмъ истощились, и семья его стала чувствовать сильный недостатокъ во всемъ. Не безъ скорби сердечной пришлось ему отдать троихъ сыновей въ томъ числѣ и семилѣтняго Николая, въ другое село для обученія ихъ иконописному искусству, гдѣ и пробыли они цѣлый годъ. Это было первое испытаніе юному Николаю на жизненномъ пути, ибо лишенный надзора и руководства родителя своего, предоставленный самому себѣ среди міра и его искушеній, между людьми ему чужими, онъ естественно подвергался не малой опасности нравственной порчи. Но Господь хранилъ его, и прежній навѣкъ къ благочестивой жизни помочь ему и въ чужомъ домѣ, между чужими людьми, сохранить непорочность души. Хорошо изучивъ иконописаніе, возвратился онъ въ домъ родительскій такимъ же благонравнымъ и богобоязненнымъ отрокомъ, какимъ и прежде былъ. Въ это время скончалась его мать, раба Божія Анна, напутствованная таинствами святой церкви къ це-

реходу въ вѣчность, отецъ же его Іоаннъ, уже весьма преклонныхъ лѣтъ, страдалъ мучительною каменною болѣзною и тоже видимо клонился къ закату дней своихъ. Старшія сестры Николая стали завѣдывать хозяйствомъ по дому, а братья вмѣстѣ зарабатывали средства къ жизни и покоили родителя. Николай особенно заботился о немъ, развлекалъ его духовными бесѣдами, утѣнялъ его своимъ благонаравіемъ и благочестіемъ. Престарѣлый Іоаннъ видѣлъ въ немъ ясно избранника Божія, и старался всячески обогатить его опытностію духовною. Въ послѣдствіи высоко цѣнили это подвижникъ Божій и въ своей автобіографіи искренно благодарилъ Бога, что рожденъ въ лонѣ святой православной церкви и отъ такого духовно-просвѣщеннаго родителя. Благодарилъ онъ Бога и за сохраненіе отъ смертныхъ опасностей въ дни юности: отъ потопленія въ водѣ, паденія съ высокаго зданія, тяжкаго недуга. Все это, полагать нужно, относится ко времени пребыванія его въ домѣ родительскомъ, но подробныя свѣдѣнія объ этомъ не сохранились, запечатлѣлись они лишь въ душѣ испытаннаго на себѣ силу спасающей десницы Божіей и вызывали въ немъ глубокія благодарныя чувства къ Богу—Спасителю нашему. Благочестивый Іоаннъ, какъ бы предвидя будущій образъ жизни своего любимаго сына Николая, очень нерѣдко рассказывалъ ему про подвиги иноческіе въ монастыряхъ и пустыняхъ, въ Египтѣ, Палестинѣ, святой горѣ Аѳонской и въ Россіи. Нерѣдка посѣщали домъ ихъ гости иноки, ученики великаго Молдовлахійскаго старца Паисія Величковскаго, изъ числа тѣхъ, которые въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія обновляли упадавшее въ Россіи подвижничество и многія обители привели въ цвѣтущее состояніе. Въ лицѣ ихъ Николай плѣнялся отрѣшенною отъ мірскихъ попеченій жизнью. Молитва, которой прилежалъ онъ отъ младенчества, сдѣлалась на-сущною потребностію его боголюбивой души: онъ стремился къ тому чтобы молиться непрестанно, чему жизнь въ домѣ родительскомъ не всегда представляла удобства. Служба въ приходскомъ сельскомъ храмѣ, краткостью своею тоже неудовлетворяла его, къ тому же совершалась лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ: въ эти

дни, приходя въ церковь, по обычаю своему, ко всѣмъ службамъ церковнымъ ранѣе всѣхъ, выходилъ онъ изъ церкви по окончаніи службы неудовлетвореннымъ. Ему хотѣлось подолѣе стоять въ церкви и молиться, и съ теченіемъ времени эта неудовлетворенность службою сельскою все болѣе въ немъ увеличивалась. Однажды идя изъ церкви домой, услышалъ онъ разговоръ своихъ односельчанъ о томъ, какъ хорошо, внятно и продолжительно совершается служба Божія въ Флорищевой пустыни, недалекой отъ ихъ села. Флорищева пустынь Владимірской губерніи, Гороховецкаго уѣзда, основана въ XVII вѣкѣ старцемъ Меѳодіемъ. Въ 1654 году, ученикъ Меѳодія инокъ Иларіонъ, посвященный въ іеромонаха патриархомъ Никономъ, сталъ первымъ ея строителемъ, и ради благочестивой подвижнической жизни своей, пользовался уваженіемъ и любовью царя Θεодора Алексѣевича, который посѣщалъ его лично. При Иларіонѣ пустынь процвѣла внутренно и наружно: стала извѣстна подвигами своихъ иноковъ и обогатилась храмами и зданіями отъ щедротъ царскихъ. Возведенный въ санъ митрополита суздальскаго. Иларіонъ не забывалъ ее, пекся о ея благосостояніи. Святитель сей почилъ въ преклонной старости кончиной праведника, погребенъ въ Суздальскомъ соборѣ и мѣстно чтится, ибо гробъ его ознаменованъ благодатными исцѣленіями; любимая же имъ пустынь. Флорищева, послѣ его смерти, продолжала процвѣтать духовно. Чинное и продолжительное богослуженіе, подвижническая жизнь иноковъ этой пустыни, привлекали къ ней уваженіе народное. Въ началѣ XIX вѣка обитель эта особенно пришла въ цвѣтущее духовное состояніе, въ которомъ и находилась она въ то время, когда услышалъ о ней Николай. Заинтересованный разсказами о ней своихъ односельчанъ, Николай пожелалъ ее посѣтить, помолиться имѣющейя въ ней чудотворной иконой Успенія Богоматери и присмотрѣться къ богослуженію и жизни монашескимъ. Приближался храмовой праздникъ Флорищевской пустыни—Успенія Богоматери: и въ которые изъ сосѣдей Николая собирались идти туда на богомолье. Николай сталъ просить родителя своего благословить его сходить съ ними, помолится въ обитель

Царицы небесной. Родителю было очень пріятно это желаніе сына; онъ хорошо зналъ Флорищеву пустынь и былъ увѣренъ, что все въ ней оставитъ самое доброе впечатлѣніе въ душѣ благочестиваго юноши. Съ радостью и любовью благословилъ онъ его идти туда помолиться. Николай отправился въ обитель пѣшкомъ, съ великою охотой. 6-ти-часовая праздничная всенощная, потомъ божественная литургія, на праздникъ Успенія Богоматери во Флорищевой пустыни, самое мѣстоположеніе ея, удаленное отъ шума суеты мірской, трогательное пѣніе, чистое богослуженіе и весь порядокъ монастырской въ ней жизни, очень понравились Николаю: раемъ Божиимъ показалась ему святая обитель, и не хотѣлось ему съ ней разлучаться. Но долъь сыновній къ родителю требовалъ возвращенія его домой, и онъ пришелъ туда съ запасомъ самыхъ благихъ и утѣшительныхъ воспоминаній. Послѣ этого онъ довольно часто хаживалъ въ Флорищеву пустынь. Въ ней испыталъ онъ на себѣ чудесное знаменіе милости къ нему Царицы небесной. Было это въ слѣдующій праздникъ Успенія Богоматери, на который опять выпросился онъ у родителя своего. Пришедъ туда, захотѣлъ онъ искупаться въ протекающей тамъ рѣчкѣ, и только что исполнилъ это, какъ почувствовалъ сильнѣйшую боль въ правомъ глазѣ. Отъ боли не могъ онъ вовсе имъ смотрѣть, слеза обильно шла изъ него, и страданія были такъ сильны, что онъ плакалъ на взрыдъ и громко стоналъ. Заблаговѣстили къ праздничному всенощному бдѣнію. Николай не смотря на свои страданія, которыя не унимались, пошелъ въ церковь, но какъ ослабленный, не могъ устоять въ ней на одномъ мѣстѣ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, и наконецъ во время чтенія каѳизмъ прилегъ на лавочкѣ у стѣны церковной, и отъ изнеможенія впалъ въ безпамятство. Очнувшись, услышалъ онъ, что кончилось чтеніе утренняго Евангелія и поютъ припѣвъ: „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что вестерпимая боль глаза прошла и что онъ вполне здоровъ. Съ чувствомъ искренней благодарности поспѣшилъ онъ къ чудотворной иконѣ Успенія Богоматери, излилъ предъ нею въ горячій молитвѣ свою признательность за свое исцѣленіе,

которое приписалъ онъ Царицѣ небесной, почему и благодарилъ Ее отъ души. Событіе это еще болѣе сроднило его съ Флорищевою пустынью: все чаще и чаще сталъ онъ туда ходить, гащивалъ тамъ по нѣскольку дней прибрѣлъ себѣ добрыхъ знакомыхъ въ числѣ тамошней братіи, и твердо рѣшился навсегда посвятить себя подвигамъ иноческой жизни, какъ только представится возможность къ тому со стороны родителя, престарѣлаго и требовавшаго его услугъ въ своей немощи. Желаніе оставить міръ и его суету возрастало въ немъ,—онъ сталъ тяготиться жизнью своею въ домѣ родительскомъ, сталъ задумчивъ: часто, забившись куда-либо въ темный уголь, плакалъ безъ видимой причины, что замѣчали его братья и сестры, наконецъ замѣтилъ и старецъ отецъ, и сталъ спрашивать его наединѣ: что все это значитъ? Отъ него не скрылъ юноша свое состояніе душевное: со слезами признался онъ отцу, что міръ его тяготитъ, что суета его пагубно вліяетъ на его душу, и упавъ къ ногамъ родителя, умолялъ его благословить и отпустить его въ монастырь. Горестно было это признаніе престарѣлому и болѣзненному родителю ибо чувствуя, что не долго проживетъ онъ уже на землѣ, жалѣлъ онъ разстаться съ любимымъ сыномъ; но привыкнувъ всегда руководиться не столько своими желаніями, какъ словомъ Божіимъ, сознавалъ онъ, что погрѣшительно будетъ съ его стороны препятствовать въ этомъ сыну. Помолившись усердно Господу Богу, рабъ Божій Іоаннъ благословилъ сына своего Николая на поступленіе въ монашество и отпустилъ его въ Флорищеву пустынь, но съ тѣмъ, чтобы проживалъ онъ тамъ до его смерти только временно, въ качествѣ богомольца, и чтобы въ случаѣ надобности, при первомъ требованіи его, могъ безпрепятственно возвратиться въ домъ родительскій. Такимъ образомъ юный богомольецъ поступилъ подъ кровъ святой обители, былъ принятъ въ ней съ любовью, ибо настоятель и братія хорошо знали его родителя и его самого, и рады были, что такой благоправный и духовновоспитанный юноша къ нимъ въ обитель постуасть. По правиламъ строгаго общежитія, содержимаго Флорищскою пустынью, новоначальнаго послушника послали на испытаніе въ хлѣбню, трудиться

въ хлѣбопеченіи, занятіи не легкомъ и требовавшемъ силы физической. Но Николаю послушаніе въ хлѣбнѣ очень понравилось, съ усердіемъ проходилъ онъ его, и неупустительно посѣщаль все богослуженія. Служба Флорищевой пустыни, внятная и продолжительная, со многими святоотеческими поученіями на утрени и литургіи ежедневно, очень полюбилась Николаю: прежде всѣхъ старался онъ приходить въ церковь и позднѣе всѣхъ уходить изъ ней, и по собственному потомъ признанію, все это казалось ему такъ легко и утѣшительно, что объ отдыхѣ тѣлесномъ онъ почти и не помышлялъ тогда, но прійдя изъ церкви, прямо устремлялся къ трудамъ своего послушанія: рубилъ дрова, носилъ воду, мѣсилъ тѣсто для хлѣбовъ и прочее. Такъ проходили дни за днями, и время въ трудахъ молитвы и послушанія проходило для него незамѣтно. Но недолго пришлось ему потрудиться такимъ образомъ: чрезъ мѣсяцъ по водвореніи его въ Флорищевой пустыни, за нимъ прибылъ посланный отъ родителя его—духовный другъ сего послѣдняго, съ извѣстіемъ, что родитель его при смерти и желаетъ его видѣть. Пришлось юношѣ оставить святую обитель и идти въ домъ родителя. Рабъ Божій Іоаннъ радостно встрѣтилъ сына-послушника, и вскорѣ затѣмъ на рукахъ его мирно и праведно скончался. За три минуты до кончины своей принялъ онъ св. тайны, и съ молитвой на устахъ предалъ душу свою въ руки Божиі. Оплакивалъ искренно Николай благочестиваго старца родителя своего, въ коемъ лишился друга, совѣтника, и наставника во всемъ добромъ. Похоронивъ отца онъ объявилъ братьямъ старшимъ свое непремѣнное намѣреніе посвятить себя подвигамъ монашескимъ, и устраняясь всякаго наслѣдія послѣ отца, просилъ ихъ объ одномъ—выхлопотать ему увольнительную бумагу на поступленіе въ монашество, какъ отъ общества, такъ и отъ помѣщика ихъ, графа Шереметева. Это была новость въ ихъ селѣ, тамъ не было еще примѣровъ подобнаго увольненія кого-либо въ монашество, почему всемъ казалось это увольненіе очень труднымъ, почти невозможнымъ, такъ какъ обществу нужно было уплачивать за уволеннаго все повинности, а предъ помѣщикомъ нужно было сильное чье-либо

ходатайство за Николая, чего Николай не имѣлъ въ виду. Но твердо вѣруя въ слова Христа Спасителя, говорящаго въ святомъ Евангеліи, что „невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога“ (Лук. 18, 27). Николай не падалъ духомъ, крѣпился въ своемъ намѣреніи и ждалъ помощи единственно отъ Бога, которому усердно молился упредить путь его во спасеніе. Очень скорбно было ему пребываніе въ домѣ родителя послѣ его кончины: старшіе братья не совсѣмъ сочувствовали ему въ его желаніи идти въ монахи, старались отклонить его отъ этого, выставляя ему всю трудность добыть ему увольненіе отъ общества и помѣщика. Графъ Шереметевъ жилъ въ Петербургѣ, имѣніями его въ Владимірской губерніи завѣдывалъ довольно строгій управляющій, доступъ къ которому былъ не легокъ; да къ тому же, прежде чѣмъ явиться къ нему съ просьбою объ увольненіи въ монастырь, нужно было заpastись письменнымъ согласіемъ на то общества, чего добыть тоже оказалось весьма трудно. Всѣмъ этимъ пользовались братья Николая, чтобы убѣдить его остаться въ мірѣ, чѣмъ причиняли ему великую скорбь. Онъ ясно видѣлъ, что долѣе пребывать ему въ мірѣ опасно, что нужно разъ навсегда съ нимъ разстаться. Идти опять въ Флорищеву пустынь онъ теперь нерѣшился, ибо хотя очень полюбилъ ее и очень она ему нравилась, но были тамъ и неудобства ему, имено отъ близости пустыни къ его родному селу, откуда рѣдкій праздничный день не бывали тамъ посѣтители-богомольцы, которые и къ нему заходили, развлекали его своими разказами о родныхъ его и знакомыхъ и тѣмъ мѣшали ему всецѣло отрѣшиться отъ міра и его суеты. Сталъ онъ молиться Господу Богу указать ему обители пустынную гдѣ-либо подалѣе, удобную для подвиговъ духовныхъ, и вскорѣ узналъ о Троицкой Кривозерской пустыни, Костромской губерніи, Макарьевскаго уѣзда. Пустынь эта, основанная въ 1644 году, находится на возвышенномъ берегу рѣки Волги, насупротивъ г. Юрьевца Поволгскаго, и съ 1709 года стала извѣстна по чудесамъ чудотворной иконы Іерусалимскія Богоматери. Икона написана инокомъ обители Корниліемъ, въ мірѣ царскій иконописцемъ Бирилломъ Улаповымъ, родомъ изъ Моск-

вы,—онъ списалъ ее съ подлинной чудотворной иконы Иерусалимскія Богоматери, обрѣтающейся въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ, и поставилъ ее въ Кривозерской пустыни, въ соборной церкви, гдѣ она вскорѣ прославилась многими чудотвореніями. Обитель эта отличалась строгимъ общежитіемъ, чпннымъ богослуженіемъ и удаленностію отъ мірскихъ селеній, пбо городъ Юрьевецъ хотя и былъ близокъ отъ нея, но раздѣлялся отъ нея Волгою, такъ что отнюдь не нарушалъ ея пустыннаго безмолвія; она представляла прекрасный пріютъ для ищущихъ спасенія душевнаго въ подвигахъ иноческихъ и какъ нельзя болѣе подходила къ желаніямъ боголюбиваго юноши Николая. Началъ онъ проситься у братьевъ своихъ побывать въ Кривозерской пустыни; тѣ едва отпустили его туда только помолиться, но Богъ устроилъ иначе и послалъ ему тамъ все желаемое и нужное для служенія и благоугожденія Ему въ иночествѣ. Былъ у него единомысленный товарищъ, уроженецъ того же села Васильевскаго, по имени Андрей *), юноша благонравный и простодушный, который подобно ему желалъ посвятить себя подвигамъ иноческимъ, такъ же зависѣлъ отъ помѣщика и общества какъ и Николай и желалъ получить увольненіе къ поступленію въ монашество, но не видѣлъ къ тому никакой возможности. Вмѣстѣ обсуждали оба юноши свое скорбное положеніе, вмѣстѣ совѣтывались, какъ имъ быть, и вмѣстѣ рѣшились путешествовать въ Кривозерскую пустынь, надѣясь найти тамъ желаемый пріютъ. Помолившись усердно Господу Богу, оба юные странника вышли изъ роднаго села и направились въ Кривозерскую пустынь: они вѣровали искренно, что обрѣтутъ тамъ то, чего издавна желали и о чемъ усердно молили Бога. Но прежде чѣмъ достигнуть святой обители, ихъ встрѣтило неожиданное для нихъ искушеніе со сто-

---

*) Иеросхимонахъ Нилъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ прямо называетъ этого товарища своего братомъ Андреемъ; но былъ ли онъ ему дѣйствительно братъ по плоти, это осталось неизвѣстно. Судя по дальнѣйшимъ ихъ отношеніямъ межъ собою, скорѣе можно предполагать, что былъ онъ ему братъ не по плоти, а только по духу, то-есть искренній другъ о Господѣ.

роны міра и его слугъ. Поздно вечеромъ достигли они города Юрьевца: было это въ четвергъ на сырной седмицѣ; день былъ торговый въ городѣ, и народу разнаго не мало собралось въ немъ. Сырная седмица извѣстна на Руси разгуломъ народнымъ, почему въ городѣ не мало было гулявшаго люда. Странники не знали гдѣ имъ пріютиться на ночь въ незнакомомъ городѣ; наконецъ попросились ночевать въ одинъ домъ, хозяйки котораго—дѣвѣ женщины пустили ихъ къ себѣ на ночлегъ. Только что улеглись они на отдыхъ, какъ вдругъ послышались шумъ и крикъ у оконъ дома, толпа нетрезвыхъ людей врывается въ домъ, перепугала хозяекъ дома, которыя волей-неволей должны были отпереть двери и впустить незванныхъ гостей. Въ это время подоспѣлъ на шумъ квартальный надзиратель города съ полицейскою стражею, взошелъ въ домъ и увидѣвъ буйную и нетрезвую толпу гулявшихъ, всѣхъ ихъ забралъ подъ стражу и повелъ въ кварталъ на съѣзжій дворъ, а съ ними взялъ и юныхъ странниковъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Очень было это тяжело и прискорбно цѣломудреннымъ и кроткимъ юношамъ. На съѣзжемъ дворѣ, гдѣ содержалось не мало разныхъ безнравственныхъ и испорченныхъ людей, наслушались они много душевредныхъ разговоровъ, насмотрѣлись вдоволь на душевную порчу людей, что естественно очень болѣзненно повліяло на нихъ внутренняго челоуѣка. Два дня пришлось имъ провести на съѣзжемъ дворѣ, и хотя товарищъ Николая ходилъ и къ квартальному, и къ городничему, ходатайствуя, чтобы ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, выпустили; однако этого они достигли не скоро, и то уплативъ 7 рублей квартальному. Возблагодаривъ Господа Бога за избавленіе отъ этого тягостнаго заключенія, юноши поспѣшили переправится черезъ Волгу и пришли въ Свято-Троицкую Кривозерскую пустынь. Настоятель пустыни въ то время былъ благоговѣйный игумень Θεодосій, старецъ добраго подвижническаго нацрaвленія, нечуждый благодатнаго дара прозорливости. Когда пришли къ нему юноши Николай и Андрей, чтобы повѣдать ему скорбь свою, что желая поступить въ монашество, не имѣють на это законнаго уволяненія отъ своего помѣщика—графа Шереметева, игумень Θεодосій

принялъ ихъ съ великою любовью, обласкалъ и успокоилъ, прозорливо говоря, что Господь все устроитъ къ пользѣ ихъ душевной, и что если поступать они въ обитель Богоматери Иерусалимскія, то она сама приметъ въ нихъ участіе, доставитъ имъ увольненіе и поможетъ въ подвигахъ духовныхъ. Особенно Николай привлекъ къ себѣ вниманіе добраго старца игумена. Видя его въ скорбномъ раздумьи, онъ сказалъ ему пророчески: „Не скорби, будешь сослужитель и служитель Богородицы! Ты нашъ, здѣсь съ нами будешь жить.“ „Но какъ же батюшка, это будетъ, отвѣчалъ Николай, вѣдь меня не отпустятъ къ вамъ общество и помѣщикъ?“ Съ веселою улыбкою отвѣчалъ ему на это старецъ: „Отпустятъ и будешь нашъ собратъ и сослужбникъ. Тебя сама Владычица призвала сюда, поступаи къ намъ, и все выхлопочу и увольненіе тебѣ достану. Помѣщикъ вашъ графъ челоувѣкъ добрый, я его знаю, и надѣюсь, что все онъ сдѣлаетъ вамъ по моей просьбѣ, только живите себѣ съ Богомъ.“ Обнадеженные такимъ образомъ, юноши съ радостію рѣшились остаться въ обители Кривозерской: поклонившись до земли игумену, испросили они на это его благословеніе, были зачислены имъ въ число братіи и получили келью отъ него для совместнаго пребыванія. Николаю было тогда около 20 лѣтъ отъ роду: въ полной силѣ молодости принялъ онъ на себя окончательное подвижничество и сталъ проходить ихъ съ особеннымъ рвеніемъ. Какъ способнаго къ чтенію и шѣнію, игуменъ Θεодосій опредѣлилъ его на клиросное послушаніе, самъ руководилъ его къ познанію церковнаго устава, наставлялъ словомъ и примѣромъ своимъ къ стяжанію добродѣтелей христіанскихъ, и вообще заботился о немъ съ отеческою любовію, о которой съ признательностію вспоминалъ потомъ Николай до конца своей жизни. Озабоченъ онъ выхлопотать обоимъ послушникамъ увольненіе у графа Шереметева: для этого было приготовлено отъ ихъ имени прошеніе къ графу, съ одобреніемъ ихъ отъ игумена Θεодосія и усердною просьбою его уволить ихъ на поступленіе въ монашество въ Кривозерской пустыни. Прошеніе это повезъ въ Петербургъ товарищъ Николая — Андрей, которому удалось лично представить его гра-

фу. Графъ принялъ его ласково и въ виду просьбы игумена Θεодосія, охотно выдалъ обоимъ имъ увольнительныя свидѣтельства, съ которыми вскорѣ и воротился Андрей въ обитель, къ общему удивленію всѣхъ, что дѣло, казавшееся столь труднымъ, такъ скоро и легко окончилось. Такимъ образомъ Николай и Андрей стали всецѣло чадами пріютившей ихъ Кривоезерской обители, порвалъ навсегда всѣ связи свои съ міромъ и его служеніемъ. 26 мая 1822 года Николай на законномъ основаніи былъ опредѣленъ въ число послушниковъ Троицкой Кривоезерской пустыни. Жили оба товарища совместно въ одной кельѣ: Николай проходилъ послушаніе клироснаго и кононарха, и занимался въ часы, свободные отъ богослуженія, священнымъ искусствомъ иконописанія, на потребу святой обители Кривоезерской; Андрей трудился на черныхъ послушаніяхъ,—въ хлѣбнѣ, въ поварнѣ и на скотномъ дворѣ, и въ самой келии своей прислуживалъ Николаю вполне добровольно, по чувству любви о Христѣ и уваженія къ нему, превосходившему его начитанностію духовною, развитостію ума и подвижническимъ настроеніемъ души. Совершенно незамѣтно сталъ онъ въ отношенія ученика къ Николаю, и хотя тотъ отнюдь не считалъ себя къ этому способнымъ, однако невольно принужденъ былъ руководить своимъ землякомъ и дѣлать его соучастникомъ своихъ подвиговъ духовныхъ. По собственному сознанію своему, Николай, съ самаго поступленія своего въ Кривоезерскую пустынь, чувствовалъ особенную радость и утѣшеніе въ душѣ своей: его радовали и чинъ богослуженія обители, и опытность ея настоятеля, и доброе настроеніе ея братіи, но особенно чудный чудотворный ликъ Богоматери, на иконѣ Ея Иерусалимской, главной святыни Кривоезерской пустыни. Добрый старецъ игумень Θεодосій особенно полюбилъ Николая: провидѣлъ онъ въ немъ избранный сосудъ Божій, и отличалъ его своимъ вниманіемъ и попеченіями о его духовномъ усовершенствованіи. Любилъ онъ ему толковать уставъ церковный, темныя мѣста въ книгахъ Священнаго Писанія и твореніяхъ свято-отеческихъ, преподавалъ ему науку изъ наукъ—молитвы Иисусовой, блюденія помысловъ и храненія чистоты душевной. Рядя ус-

пѣхъ Николая въ духовной жизни, игумень Θεодосій облекъ его сперва въ рясофоръ, а потомъ 1823 года 25 декабря, постригъ и въ мантию, наименовавъ Никономъ, въ честь преподобнаго Никона Сухаго, Печерскаго чудотворца, празднуемаго церковію 11 декабря. Усовершенствуясь все болѣе въ подвигахъ духовныхъ, мопахъ Никонъ отличался особымъ усердіемъ къ службѣ церковной и особенною склонностію къ уединенію въ жизни келейной: прежде всѣхъ являлся онъ въ церковь къ богослуженіямъ и позднѣе всѣхъ выходилъ изъ нея; въ кельѣ же своей устранился знакомствъ съ верстниками и другими братіями, избѣгалъ празднословія, пересудъ и всякаго сближенія съ людьми, памятуя примѣръ и слова преподобнаго Арсенія великаго: „бѣгай людей и спасешься,—и: удаленіе отъ людей есть корень безгрѣшнѣя.“ Простодушный Андрей много способствовалъ ему въ подобномъ душеполезномъ уединеніи: принявъ на себя всѣ заботы по келии, соединенныя съ неизбежными столкновениями съ людьми, онъ предоставилъ Никону полную возможность уединяться отъ людей и углубляться въ самаго себя. Радовался игумень Θεодосій, видя такую благую жизнь юнаго монаха и всячески старался утвердить его на пути спасительномъ. Кривоезерская обитель, прославленная чудотворною иконою Богоматери Іерусалимской, на поклоненіе которой стекалось не мало богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ, многолюдствомъ ихъ начала нѣсколько смущать уединеннаго инока Никона: ему стала теперь понятна пѣснь церковная: „Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ“ (Октоихъ воскресный, 1 антифонъ 1 гласа). Желаніе пустыннаго уединенія и совершеннаго удаленія отъ людей, преисполнило его душу: онъ жаждалъ и искалъ уединенія, что не укрылось отъ прозорливыхъ очей игумена Θεодосія. Въ то время въ Кривоезерской пустыни состояла приписною Николаевская Надѣвская пустынь, отстоявшая отъ ней въ 90 верстахъ. Пустынь эта среди непроходимыхъ лѣсовъ, основана старцемъ пустынножителемъ іеромонахомъ Тимономъ, собесѣдникомъ и другомъ великаго Саровскаго пустыножителя и затворника Серафима. Обитель, основанная Тимо-

номъ, не отличалась удобствами и красотой своихъ зданій: убогая деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, убогія; ветхія, деревянные кельи подлѣ нея, убогія святыя врата безъ ограды,—вотъ все что было тогда изъ зданія въ Надѣвской пустыни, все цѣло зависѣвшей отъ Кривоезерской пустыни, близъ хутора которой она возникла и отъ которой получала содержаніе. Священнослужители и братія тоже посылаемы были туда изъ Кривоезерской пустыни, и въ виду удаленности и убогости Надѣвской пустыни, очень неохотно туда отправлялись. Однажды въ субботу первой седмицы Четырдесятницы, игумень Ѳеодосій зоветъ къ себѣ монаха Никона и предлагаетъ ему, не хочетъ ли онъ вмѣстѣ съ послушникомъ Андреемъ пожить нѣкоторое время въ Надѣвской пустыни, исправляя тамъ,—оноклиросное послушаніе, а Андрей—поваренное. Никон охотно на это согласился и былъ даже очень радъ пожить въ настоящей пустыни, куда давно тянуло его тайное непреодолимое желаніе. Вкупѣ съ Андреемъ и с отправившимся туда изъ обители для священнослуженія іеромонахомъ Павломъ пошли они ищкомъ изъ Кривоезерской въ Надѣвскую пустынь. Никонъ отличавшійся нестяжаніемъ, имѣлъ всего одни кожаные сапоги, и старые, стоптанные и тѣсные. Идя въ Надѣвскую пустынь, не рѣшился онъ попросить себѣ другіе сапоги болѣе крѣпкіе и просторные, и пошелъ въ своихъ ветхихъ и тѣсныхъ. Идти пришлось по глубокому снѣгу мѣстами лѣсными; путь былъ не гладокъ и тѣсные сапоги вскорѣ такъ натерли ему ноги, что невозможно было болѣе въ нихъ идти. Обратившись къ іеромонаху Павлу, сказалъ онъ: „Батюшка, благослови мнѣ снять сапоги и идти босому.“—„Да какъ же пойдешь ты босой по такому холоду и снѣгу? удивленно спросилъ его іеромонахъ,—ты ноги обморозишь навѣрно.“ Но Никонъ продолжалъ настойчиво просить его благословить ему идти босымъ, говоря, что иначе не можетъ онъ далѣе идти въ тѣсныхъ сапогахъ. „И оботру ноги снѣгомъ, говоритъ онъ іеромонаху—и надѣюсь, что за святыя молитвы отца игумена нашего дойду безъ вреда до Надѣвской пустыни.“ Послѣ долгаго раздумья іеромонахъ Павелъ и

конецъ благословиль его идти босимъ, и Никонъ, снявъ сапоги свои и обтеревъ ноги снѣгомъ, бодро пошелъ босой и благополучно пришелъ въ Надѣевскую пустынь, безъ всякаго вреда для своихъ ногъ и здоровья. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ Никонъ тогдашнюю Надѣевскую пустынь: „Церковь деревянная святи-теля Николая чудотворца одна только составляла всю ея сущность, а прочія постройки все только были развалины. Трапеза, вмѣстѣ и келарня, была просто изба крестьянская червал; ограды не имѣлось, только значился остатокъ обителя—святые врата, ветхія; но при всемъ томъ что-то непонятное наполняло душу чувствомъ благоговѣ-нiя и радости, которыхъ пояснить даже не могу.“ Здѣсь-то, въ этой совершенной пустыни Никонъ вмѣстѣ съ Андреемъ прожили нѣкоторое время довольно спокойно и уединенно: Никонъ исправлялъ клиросное послушанiе по церкви, читаль, пѣлъ, коноаршилъ; Андрей готовилъ трапезу, екъ хлѣбъ, носилъ воду, рубилъ дрова; всѣ вмѣстѣ прислуживали обремененному лѣтами старцу пустынножителю отцу Тимону, и почерпали отъ него уроки духовной опытности его многолѣтней. Старецъ поучалъ не столько словами, какъ примѣромъ своей жизни, которую и въ глубокой старости проводилъ въ подвигахъ неослабныхъ поста и молитвы. Здѣсь случилось съ Андреемъ одно событiе, достопримѣчательное по силѣ вѣры, сотворившей во очю чудо. Андрей, по послушанiю своему поварскому, рубилъ однажды дрова и по неосторожности топоромъ разѣкъ себѣ ногу такъ сильно, что страшно было смотрѣть на рану его. Самъ онъ очень испугался и точно омертвѣлъ, такъ что не могъ позвать никого къ себѣ на помощь. Въ это время случайно зашелъ къ нему въ трапезу Никонъ и увидѣвъ его всего въ крови, которая обильно текла изъ раны, не потерявъ присутствiя духа и съ улыбкой сказалъ Андрею: „что это ты такъ испугался, братъ?“ Андрей показалъ ему рану на ногѣ, говоря: „не знаю что и дѣлать, ну какъ умру?“—„Нѣтъ, не умрешь, возразилъ ему Никонъ,— а живъ и здоровъ будешь ко славѣ Гожiей.“ Потомъ взявъ платокъ и завязалъ имъ рану на ногѣ Андрея, говоря ему ободрительно: „не бойся: ничего не будетъ.“

Завтра будешь совершенно здоровъ, а теперь дѣлай свое дѣло.“ Андрей недовѣрчиво сперва отнесся къ этимъ словамъ, но видимо потомъ ими ободрился и сталъ, хотя не безъ труда, готовить трапезу. На утро Никонъ опять зашелъ навѣстить товарища земляка своего, о которомъ самъ безпокоился, ибо думалъ найти его въ болѣзненномъ положеніи; но войдя въ трапезу къ удивленію всему нашель его у печи стоящимъ и бодро готовящимъ пищу. Видъ у него былъ веселый и вполне здоровый, и когда увидѣлъ онъ входившаго къ нему Никона, то сказалъ ему: „вотъ я, братъ, по твоему слову, вполне здоровъ.“—„А покажика рану твою,“ сказалъ ему Никонъ. Тотъ показалъ ногу свою,—на ней и признака раны не имѣлось: нога была вполне цѣлая. „Это вашими молитвами Богъ меня исцѣлилъ,“ сказалъ ему Андрей. „Нѣтъ, братъ, не моими, возразилъ ему смиренный Никонъ, а молитвами батюшки нашего отца игумена и за твое послушаніе.“ Вышеизложенный случай ясно свидѣтельствуетъ какъ о возвышенномъ духовномъ устроеніи монаха Никона, такъ и о силѣ вѣры простосердечнаго послушника Андрея,—обоихъ добрыхъ тружениковъ царствія Христова. Такимъ образомъ проживая то въ Надѣвской пустыни, то опять въ Кривоезерской пустыни, Никонъ проходилъ ревностно назначенныя ему отъ игумена послушанія, былъ весьма свѣдуецъ въ уставѣ церковномъ, отличался благоговѣйно-подвижническою жизнью, почему, несмотря на его молодые годы, игумень Феодосій представилъ его, какъ вполне достойнаго, къ рукоположенію въ іеродіакона. Старецъ игумень видимо спѣшилъ возвести своего любимца на первую священную степень служенія алтарю Господню, при своей жизни, желая, безъ сомнѣнія, наставить его лично къ достойному прохожденію этого высокаго служенія. 25 августа 1824 года, рукоположенъ монахъ Никонъ въ іеродіакона съ великою ревностью сталъ проходить чреду священнослуженія діаконскаго, къ которому готовился усиленнымъ подвигомъ молитвеннымъ: ночи безъ сна почти проводилъ онъ предъ служеніемъ, вычитывалъ все правило молитвенное, полагалъ многіе подвиги и бдительно наблюдалъ за собою, за своими помы-

слами и движениями душевыми. Любилъ онъ очень служить, и очень часто, сверхъ чреды своей, служилъ за другихъ собратій своихъ іеродіаконовъ. Всѣ знали въ обители, что іеродіаконъ Никонъ всегда готовъ къ служенію, по своей трезвенной и молитвенной жизни. Радовался игуменъ Θεодосій подобному духовному преуспѣянію своего любимца и всячески старался утверждать его въ добромъ шестви по тѣсной и многотрудной стезѣ спасенія. Въ часы свободные отъ богослуженія, іеродіаконъ Никонъ занимался иконописаніемъ, занимался благоговѣнно, съ молитвеннымъ пригостовленіемъ, за что труды рукъ его благословлены были Богомъ и ознаменованы дѣйствіями благодатными. Такъ онъ сподобился своими руками обновить чудотворную икону Іерусалимской Богоматери въ Кривоозерской пустыни. Икона и послѣ обожженія сего продолжала чудотворить по прежнему. Еще списалъ съ иконы сей вѣрный списокъ, по мѣрѣ и изображенію во всемъ съ нею сходный; онъ находится въ Кривоозерской же пустыни и тоже ознаменовался знаменіями Гожіей благодати. Для себя тоже списалъ онъ въ уменьшенномъ размѣрѣ вѣрный списокъ съ этой чудотворной Іерусалимской Богоматерней иконы, и этотъ списокъ, при самомъ освященіи его, ознаменованъ пророческимъ словомъ о немъ одного благоговѣйнаго старца Кривоозерской пустыни, предсказавшаго чудотворную силу сей иконы. Ее по семь хранилъ всегда при себѣ въ своей кельѣ отецъ Никонъ съ особеннымъ благоговѣніемъ и удостоивался съ нею неоднократно благодатныхъ знаменій; потомъ же, по повелѣнію Богоматери, перенесъ ее на Асось, въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, о чемъ будетъ въ послѣдствіи сказано подробнѣе. Довольно разныхъ снятыхъ иконъ, кромѣ упомянутыхъ, написалъ іеродіаконъ Никонъ для Кривоозерской и Надѣвской пустынь. Сдѣланный имъ одинъ изъ списковъ съ чудотворной иконы Іерусалимской Богоматери, былъ посланъ отъ обители Слаженной памяти Государю Императору Александру I. Придерживаясь строго греческой иконописи, очень искусно и благоговѣнно изображалъ онъ Божественныя лъки Христа и Его пречистой Матери. Такимъ образомъ, въ трудахъ богослуженія

и иконописанія прстекали мирно дни жизни Никона въ Кривозерской и Надѣвской пустыняхъ; но вотъ скончался старецъ-игумень Θεодосій, и потеря его была невозназродима для іеродіакона Никона: онъ лишился въ немъ отца, благодѣтеля, наставника, сотаинника и почувствовалъ себя вполнѣ осиротѣлымъ. Скорбь была его очень сильна: при погребеніи игумена Θεодосія, находясь въ числѣ священнослужителей въ діаконскомъ стихарѣ, отъ сильной скорби онъ вдругъ почувствовалъ себя крайне больнымъ, такъ что еле смогъ выйти изъ церкви, и прійди къ себѣ въ келью, упалъ безъ чувствъ на полъ. После этого онъ продолжительное время былъ сильно боленъ, врачи отчаивались въ его выздоровленіи, надъ нимъ совершили таинство елеосвященія, неоднократно готовили къ смерти причащеніемъ святыхъ Христовыхъ таинъ и не думали уже видѣть его въ живыхъ; но Господь воздвигъ его къ жизни, онъ сталъ выздоравливать и наконецъ совершенно поправился въ здоровьи. Преемникъ Θεодосія, новый настоятель игумень Макарій тоже хорошо расположился къ іеродіакону Никону, ибо видѣлъ въ немъ добраго подвижника и цѣнилъ его труды и благочестіе. Онъ предложилъ ему принять санъ іеромонаха; но смиренный Никонъ всячески отказывался отъ сего сана, признавая себя недостойнымъ не только священства, но и діаконства. Игумень Макарій не настаивалъ, оставилъ его на нѣкоторое время еще іеродіакономъ, но потомъ вдругъ призвалъ его и сталъ настоятельно требовать отъ него, послушанія ради, согласія на рукоположеніе въ іеромонахи. Никонъ, сколько не старался отказать, не могъ противустать волѣ настоятеля, который грозно ему сказалъ, что воля Божія быть ему іеромонахомъ и что если воспротивится онъ волѣ Божіей, то будетъ за это сильно наказанъ. 29 мая 1828 года рукоположенъ Никонъ въ іеромонаха, и сталъ по прежнему проживать то въ Кривозерской, то въ Надѣвской пустыняхъ, совершая чередное богослуженіе, исправляя и послушаніе клпросное, къ которому имѣлъ хорошія способности: обладалъ приятнымъ теноромъ, зналъ основательно напѣвы церковныя и уставъ, и отличаясь усердіемъ ко храму Божію, съ любовью служилъ ему своими сло

собностями. Впрочемъ, по рукоположеніи своемъ въ іеромонаха, отецъ Никонъ большею частью проживалъ въ Надѣвской пустыни, уединеніе которой было ему весьма по душѣ; да и полезенъ былъ онъ тамъ болѣе ибо изъ Привоезерской пустыни іеромонахи неохотно отправлялись туда для богослуженія, не подолгу тамъ проживали. снѣша обратно въ свою обитель, чрезъ что въ Надѣвской пустыни богослуженіе совершалось несправно. Старецъ пустынножитель отецъ Тимоѣй очень полюбилъ іеромонаха Никона и сталъ просить его переселиться на постоянное житье въ Надѣвскую пустынь. Никонъ и самъ этого желалъ, ибо переходы изъ пустыни въ пустынь бывали ему не по душѣ. Игуменъ Макарій благословилъ ему жить постоянно въ Надѣвской пустыни, совершать тамъ богослуженіе и завѣдывать клиросомъ. Никонъ, при помощи родныхъ своихъ, построилъ себѣ въ Надѣвской пустыни уединенную деревянную келью и думалъ тамъ окончить дни свои въ пустынныхъ подвигахъ поста и молитвы; но воля Божія была иная, и пожить въ Надѣвской пустыни пришлось ему настолько, чтобы привести ее по наружному и внутреннему состоянію въ лучшей порядокъ. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о старцѣ пустынножителѣ іеромонахѣ Тимоѣѣ, основателѣ Надѣвской пустыни. (*) Родомъ онъ Нижегородской губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія, и окончивъ полный курсъ ученія въ Нижегородской семинаріи, женился и рукоположенъ въ діакона въ сельскій приходъ, но вскорѣ овдовѣлъ и сталъ все болѣе и болѣе тяготиться мірскою жизнью. Онъ часто посѣщалъ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время свѣтили благочестивою подвижническою жизнью старцы Маркъ и Серафимъ, съ которыми познакомился и сблизился вдовый діаконъ. Видя въ немъ искренное стремленіе къ иноческой жизни, старцы руководили его своими совѣтами и наставленіями, подъ вліяніемъ которыхъ оставилъ онъ мѣсто свое діаконское въ селѣ и поступилъ въ число

---

*) Свѣдѣнія о старцѣ Тимоѣѣ заимствованы изъ сочиненія игумена Парфенія: „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Св. землѣ,“ страницы 190—195

братіи Нижегородскаго архіерейскаго дома, гдѣ постриженъ въ монашество съ именемъ Тимона и назначенъ экономомъ архіерейскаго дома. Тогдашній владыка Нижегородскій полюбилъ его и желалъ сдѣлать его іеромонахомъ; но Тимонъ всячески отъ этого уклонялся, прося преосвященнаго оставить его іеродиакономъ и объясняя ему, что единственное желаніе его души,—это уйти въ пустыню и пустынножитьельствовать тамъ по примѣру саровскихъ старцевъ-подвижниковъ Марка и Серафима. Но преосвященный въ пустыню его не опустилъ, а продержалъ не малое время экономомъ, сдѣлалъ его потомъ строителемъ Городецкаго монастыря, гдѣ и нехотящаго хиротонисалъ въ іеромонаха, признавая неприличнымъ быть строителю іеродиакономъ. Оттуда Тимонъ въ послѣдствіи уволился въ Кривоозерскую пустынь на покой; тамъ съ благословенія Кривоозерскаго игумена, поселился онъ при монастырскомъ хуторѣ въ лѣсу, гдѣ и прожилъ въ строгомъ пустынножитіи около двадцати лѣтъ. Хуторъ этотъ отстоялъ отъ Кривоозерской пустыни на разстояніи 90 верстъ; близъ него находилась ветхая деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая; старецъ же Тимонъ желъ въ глубинѣ лѣса, поодаль отъ церкви и хутора, съ котораго доставлялась ему пища. Живя въ пустыню, старецъ-пустынножитель имѣлъ откровеніе свыше, основать близъ вышепомянутой церкви монастырь. Не хотѣлось ему разлучаться съ пустыней, почему и не послушалъ онъ велѣнія Божія, за что былъ наказанъ—разбитъ параличемъ и лежалъ нѣкоторое время еле живъ. Привезенный на хуторъ, онъ здѣсь вскорѣ получилъ исцѣленіе отъ Господа и спяты повелѣніе, устроить обитель на указанномъ мѣстѣ. При помощи Божіей онъ это и исполнилъ, основалъ обитель общежительную и въ ней настоятельствовалъ, въ зависимости впрочемъ отъ Кривоозерской пустыни, что не мало причиняло скорбей стаіцу. Какъ увидимъ, это обстоятельство имѣло вліяніе и на отношенія его къ іеромонаху Никону; къ нему былъ онъ сперва очень расположенъ, потому что нашелъ въ немъ усерднаго себѣ помощника по сооруженію каменнаго храма, колокольни и другихъ зданій въ Надѣвской пустыни, и по укроще-

нью церкви ея святыми иконами и священною утварью, потомъ же смутился въ отношеніи его, и самого Никона смутилъ, о чемъ будетъ говорено далѣе въ своемъ мѣстѣ. Старецъ Тимоѣй ходилъ къ саровскому подвижнику старцу Серафиму, за 400 верстъ отъ него жившему, ходилъ лѣшій и почерпалъ отъ устъ Серафимовыхъ душеспасительныя совѣты. Между прочимъ говорилъ Тимоѣю богоносный Серафимъ: „Сѣй, отецъ Тимоѣй, сѣй всюду лавру тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣ-нибудь прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не срывавай въ землѣ, да не пстязанъ будеши отъ своего Господина, но отдавай его торжникамъ: пусть куплю дѣютъ. Еще скажу тебѣ, отче Тимоѣе: не води дружбы и не имѣй союза, вопервыхъ, со врагами Христовой церкви, то-есть съ еретиками, съ раскольниками; вовторыхъ съ тѣми, которые святыхъ постовъ не соблюдаютъ; втретьихъ съ женами, ибо онѣ много насъ иноковъ повреждаютъ. А въ своей новоустроенной обители положи и утверди уставъ совершеннаго общежитія, по правиламъ и уставу св. отецъ, чтобы никто не творилъ своей воли; винное питіе и табакъ употреблять отнюдь никому не позволяй; даже сколько возможно, удерживай и отъ чаю: чревоугодіе не монашеское дѣло.“ Совѣты эти старецъ Тимоѣй въ точности старался прилагать на дѣлѣ въ своей пустыни: тамъ было строгое во всемъ общежитіе, женщинамъ не было къ ней входа; трапеза была не роскошная, служба продолжительная, и, самъ старецъ, несмотря на преклонные годы, не мзмѣнилъ пустыннаго устава жизни своей: питался сухарями съ водой, не употреблялъ въ пищу ни рыбы, ни молочнаго, ни даже постнаго масла. Винопитіе, употребленіе табаку и чаю, были строго преслѣдуемы имъ въ своей пустыни, гдѣ въ послѣдствіи около двадцати человѣкъ братія подвизалось подъ его руководствомъ. Ревностно содѣйствовалъ іеромонахъ Никонъ старцу Тимоѣю во всѣхъ этихъ благихъ поспеченіяхъ о благоустройствѣ Надѣевской пустыни, не выходя однако изъ повиновенія старцу Тимоѣю и оказывая ему достодолжное во всемъ уваженіе. Такъ продол-

жалось нѣкоторое время, и миръ царилъ между подвижниками Божиими: оба заботились о построеніи каменнаго храма Божія, на мѣсто ветхой деревянной, грозившей разрушеніемъ Николаевской церкви. Иеромонахъ Никонъ имѣлъ довольно зажиточныхъ родственниковъ, которые помогли ему на построение церкви; нашлись и сторонніе усердствовавшіе къ нему благодѣтели, которые приносили лепты свои на построение новаго каменнаго храма въ Надѣвской пустыни, и такимъ образомъ общими силами храмъ былъ построенъ, а при немъ и колокольня съ достаточнымъ количествомъ колоколовъ. Построена была и деревянная ограда вокругъ монастыря, и другія зданія вновь воздвигнуты, хотя деревянные и скромныя по виду, но очень удобныя для пустыннаго иноческаго житія. Построена была и просторная гостиница для пріѣзжающихъ богомольцевъ, которыхъ довольно бывало въ Надѣвской пустыни: слава о благодатныхъ дарахъ и душеполезныхъ совѣтахъ старца Тимона далеко шла, и къ нему изъ разныхъ мѣстъ приходили и пріѣзжали люди разныхъ званій и состояній, кто испросить себѣ его благословеніе и молитвы, кто выслушать отъ него совѣтъ душеполезный, кто изложить предъ нимъ свои недоумѣнія и получить на нихъ должное разрѣшеніе. Всѣхъ таковыхъ посѣтителей старецъ принималъ любвеобильно и каждому старался быть полезенъ своими молитвами и совѣтами богомудрыми, заботился, чтобы посѣтители были удобно помѣщены и накормлены въ гостиницѣ, куда самъ часто хаживалъ для личнаго надзора. Это не совсѣмъ нравилось іеромонаху Никону особенно всегда прилежавшему уединенію и избѣгавшему бесѣдъ и свиданій съ людьми мірскими. Это и было началомъ нѣ котораго разногласія его съ старцемъ Тимонемъ, которому онъ подчасъ почтительно заявлялъ, что наплывъ мірскихъ людей въ пустыню ихъ не полезенъ для ея братіи. Старецъ Тимонъ однако держался иныхъ взглядовъ, и видя въ замѣчаніяхъ Никона какъ-бы по ползновенію на нѣкую власть въ обители его, сталъ помышлять о томъ, какъ бы устроенную имъ пустыню сдѣлать самостоятельную, независящую отъ Кривоезерской пустыни. Въ этомъ поддержали его нѣкоторые благотво-

рители изъ мірянъ, общая ему свое содѣйствіе предъ преосвященнымъ костромскаѣ Владиміромъ. Старецъ Тимонъ подалъ о семъ прошеніе Владыкѣ, о чемъ естественно стало извѣстно и игумену Кривозерской пустыни; послѣдній въ свою очередь сталъ хлопотать передъ владыкой объ оставленіи Надѣвской пустыни по прежнему въ вѣдѣніи Кривозерской пустыни, во владѣніяхъ которой она основалась. Между тѣмъ Кривозерскій игумень Макарій прислалъ письменное приказаніе іеромонаху Никону принять въ свое завѣдываніе отъ старца Тимона Надѣвскую пустынь и считаться ея настоятелемъ, оказывая притомъ всякое уваженіе старцу Тимону, но не допуская его къ начальственнымъ распоряженіямъ въ той пустыни. Тяжкое иго было возложено на отца Никона, и онъ съ немалою скорбію принялъ его на себя: при всемъ желаніи своемъ сохранить миръ и согласіе со старцемъ Тимономъ, онъ вызвалъ въ немъ непріятныя къ себѣ чувства, и это особенно тяготило его боголюбивую и миролюбивую душу. Но дѣлать пришлось, то что приказывалъ Кривозерскій игумень, почему волей-неволей вступилъ онъ въ права настоятеля и сумѣлъ подчинить себѣ старца Тимона, не столько насиліемъ, сколько любовью и снисхожденіемъ къ старцу. Тимонъ, обремененный лѣтами и огорченный неудачей своею въ исканіи самостоятельности Надѣвской пустыни, прошеніе о чемъ было не уважено тогда преосвященнымъ, покорился обстоятельствамъ и сталъ къ Никону въ отношенія подначальныя повидимому мирно и охотно, но это было не надолго. Врагъ спасенія человѣческаго не замедлилъ воздвигнуть тайное соперничество между подвижниками Христовыми Тимономъ и Никономъ, которое особенно тягостно отзывалось на семъ послѣднемъ, ибо принявъ послушаніе начальственное внезапно и почти поневолѣ, не искалъ онъ въ Надѣвской пустыни ничего иного, кромѣ ея блага и блага вмѣстѣ Кривозерской пустыни; то и другое казалось ему вполне совмѣстнымъ, но старцу Тимону напротивъ казалось это несомѣстнымъ, и онъ хлопоталъ о пользѣ Надѣвской только пустыни, въ ущербъ Кривозерской, которую недолюбливалъ. 8 лѣтъ продолжалось подобное начальственное положеніе Никона въ

Надѣвской пустыни; уступая всё почести настоятельскія старцу Тимону, онъ несъ на себѣ всю тяготу настоятельскаго сана въ этой пустыни и всю отвѣтственность предъ Кривозерскимъ игуменомъ; много потрудился при построении каменнаго храма колокольни и прочихъ монастырскихъ зданій въ Надѣвской пустыни, украсилъ храмъ ея иконами своихъ трудовъ, много приобрѣлъ для него священной утвари и ризницы, и вообще, послѣ старца Тимона, много послужилъ къ внутреннему и внѣшнему благоустроению этой обители. Къ концу настоятельскаго послушанія отца Никона въ Надѣвской пустыни, постигло его не малое искушеніе по поводу одного послушника, который состоялъ при немъ въ качествѣ ученика и келейника, отличался по видимому благочестіемъ и благопріемъ и потому пользовался его довѣріемъ и любовью. Послушникъ этотъ, по любви къ увиденію отца Никона, нерѣдко былъ имъ посылаемъ по дѣламъ обители въ міръ, къ родственникамъ отца Никона и къ знакомымъ ему благодѣтелямъ и въ самой обители часто замѣнялъ его въ надзорѣ за послушаніями братскими. Онъ сумѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ довѣріе и къ старцу Тимону, и переноса ему въ измѣненномъ видѣ слова и отзвыы о немъ отца Никона, сильно вооружилъ его противъ послѣдняго. Не подозрѣвая, что любимый имъ ученикъ служилъ переносчикомъ къ старцу Тимону его словъ, Никонъ сталъ замѣчать сильное неудовольствіе противъ него старца, и не видя къ тому съ своей стороны причины, очень недоумѣвалъ и скорбѣлъ. Наконецъ рѣшился объясниться съ старцемъ Тимonomъ, и тутъ только узналъ отъ него всю истину о предательствѣ своего ученика, который этимъ еще не ограничился, но отъ имени Никона собралъ довольную сумму денегъ отъ его родныхъ и благодѣтелей и съ нею скрылся изъ обители. Больно все это было перенести боголюбивому Никону; видѣлъ онъ въ этомъ и свою оплошность, причинившую вредъ обители и лишившую ее не малаго пожертвованія; сознавалъ, что негоденъ быть поэтому долѣе въ званіи начальственномъ, почему, съ согласія съ старца Тимона, передалъ ему обитель Надѣвскую всецѣло, себѣ же испросилъ увольненіе отъ Кривозерскаго игумена и

позволеніе проживать въ ней уединенно, не вмѣшиваясь ни въ какія въ ней начальственныя дѣла. Вообще замѣтно изъ записокъ отца Никона, что послѣ вышепомянутаго событія съ его ученикомъ, которое признаетъ онъ для себя „крестомъ велимъ,“ положеніе свое въ самой Кривоезерской пустыни признавалъ онъ для себя неудовлетворительнымъ, искалъ изъ него исхода и гдѣ-либо себѣ по душѣ пустыннаго пріюта. Въ Надѣвской пустыни, которую стали тогда во множествѣ посѣщать міряно-богомольцы, онъ лишенъ былъ возможности уединиться отъ людей и началъ усердно молить Господа Бога указать ему такое уединенное мѣсто, гдѣ бы могъ онъ безъ помѣхи отъ людей служить Богу подвигами поста и молитвы. Господь услышалъ молитву его и послалъ ему указаніе въ лицѣ одной благочестивой странницы-подвижницы. Въ городѣ Костромѣ, у тамошняго протоіерея Іоанна, проживала пожилыхъ лѣтъ дѣвица Татіана Павлона, которая всю жизнь свою посвятила благочестивымъ странствіямъ по святымъ мѣстамъ, пѣшкомъ обошла почти всѣ монастыри русскіе, въ иныхъ изъ нихъ бывала по нѣскольку разъ и хорошо знала внутренній бытъ этихъ монастырей. Жизнь вела она строго-подвижническую, обладала даромъ учительнымъ, и всегда старалась пріобрѣтать Христу души человѣческія, въ которыхъ примѣчала способность къ богоугожденію: ея убѣжденіями около 50 человѣкъ поступили въ монашество, и она была хорошо извѣстна настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, какъ истинная раба Божія и ревнительница монашества. Зналъ ее и іеромонахъ Никонъ, ибо бывала она въ Надѣвской пустыни. Пришла она и теперь во нее помолиться Богу. Отецъ Никонъ пригласилъ ее къ себѣ въ келью и чистосердечно разсказалъ ей свою скорбь, что тяготится многолюдствомъ Надѣвской пустыни и желалъ бы найти себѣ мѣсто болѣе уединенное. „Не знаешь ли ты, раба Божія, подобнаго мѣста?“ спросилъ онъ Татіану Павловну. „Знаю,“ отвѣчала ему она, и предложила ему на выборъ три уединенныя пустынныя обители крайняго сѣвера: Нило-Сорскую, Кирилловскаго уѣзда Новгородской губерніи, Шалоцкую, Устюжскаго уѣзда, тойже губерніи и Александро-Ошевенскую. Карго-

польскаго уѣзда, Оленецкой губерніи, подробно описавъ ему какъ мѣстоположеніе, такъ внутреннее и наружное состояніе каждой изъ сихъ обителей. При этомъ ея описаніи, Нило-Сорская обитель болѣе остальныхъ ложилась на сердце отца Никона, и онъ преимущественно пожелать избрать ее мѣстомъ своихъ подвиговъ. Но привыкнувъ на все испрашивать благословеніе Божіе, онъ, отпустивъ Татіану Павловну сталъ усердно молить Господа Бога, указать ему свою волю насчетъ того, какую изъ трехъ сказанныхъ ему обителей избрать. Призывалъ онъ въ молитвѣ своей и угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ тѣхъ обителяхъ, преподобныхъ отцевъ: Нила Сорскаго, Гурія Шалоцкаго и Александра Ошевенскаго, прося ихъ испросить ему отъ Господа вѣрное указаніе, кому изъ нихъ послужить ему на мѣстѣ ихъ посмертнаго покая. Послѣ молитвы этой, сдѣлалъ онъ три жребія, на которыхъ написалъ имена обителей—Нило-Сорской, Шалоцкой и Александро-Ошевенской, и положилъ ихъ предъ иконою Божіей Матери, прося Ее всеблагую указать ему ту обитель гдѣ будетъ воля Божія ему обитать. По взятіи жребія имъ отъ святой Богоматерней иконы, оказалось въ немъ имя Нило-Сорской обители, и такъ было сряду три раза, послѣ чего отецъ Никонъ вполне убѣдился, что есть воля Божія жить ему именно въ Нило-Сорской пустыни, которую съ тѣхъ поръ и зналъ онъ своимъ Богомъ даннымъ жребіемъ. Призвавъ Татіану Павловну рассказалъ онъ ей подробно, какъ молился объ указаніи воли Божіей, гдѣ ему подвизаться изъ трехъ указанныхъ ею обителей, какъ бросилъ объ этомъ жребій, какъ жребій трижды палъ на Нило-Сорскую пустынь, и просилъ ее лучше разузнать касательно Нило-Сорской обители и ему сообщить, чтобы ему современемъ туда переселиться. Татіана Павловна, отправлявшаяся въ Вѣлозерскій край, общала ему это. Когда пришла она въ Кирилло-Вѣлозерскій монастырь и посѣтила настоятеля этого монастыря, архимандрита Иннокентія, старца благочестиваго подвижническаго настроенія, то онъ спросилъ ее: „Вотъ ты, раба Божія, ходишь по всеѣмъ монастырямъ и все ихъ хорошо знаешь, знаешь вѣрно и старцевъ въ нихъ хорошихъ; не укажешь ли ты мнѣ старца пустыннолюбив-

ваго. способнаго переселиться въ зависящую отъ нашего монастыря Нило-Сорскую пустынь и привести ее въ лучший порядокъ?“ — „Знаю такого старца, отвѣчала странница, — который жаждетъ подобнаго уединеннаго мѣста и давно желаетъ туда переселиться.“ — „Кто же онъ, и гдѣ его мнѣ найти?“ спросилъ ее архимандритъ Иннокентій. „Это Надѣвской пустыни іеромонахъ Никоиъ,“ сказала ему Татьяна Павловна, и подробно рассказала о жизни и свойствахъ отца Никона, какъ онъ тяготится многолюдствомъ Надѣвской пустыни и ищетъ изъ нея переселиться въ болѣе уединенное мѣсто, какъ спрашивалъ ее указать ему какую-либо пустынную обитель, какъ предложила она ему на выборъ три подобныя обители, и какъ, послѣ усердной его молитвы, троекратнымъ жребіемъ указана ему именно Нило-Сорская пустынь въ мѣсто Богомъ определенное ему для подвиговъ духовныхъ. Архимандритъ Иннокентій вслѣдъ затѣмъ написалъ отцу Никону любезное письмо, приглашая его нисколько медля пріѣхать въ Кирилло-Бѣлосзерскій монастырь и принять въ свое завѣдываніе Нило-Сорскую пустынь, запущенную и требующую особыхъ заботъ о ея возстановленіи. Но отецъ Никоиъ медлилъ ѣхать на зовъ архимандрита Иннокентія: каменный храмъ въ Надѣвской пустыни приходилъ къ окончанію; не мало потрудился онъ при его сооруженіи и желалъ потрудиться въ украшеніи его святыми иконами, почему и остался онъ еще на нѣкоторое время въ Надѣвской пустыни, заканчивать богоугодныя труды свои къ благолѣпію сего храма. Архимандритъ Иннокентій неоднократно опять писалъ ему и усленно звалъ его потрудиться къ возстановленію Нило-Сорской обители. Покончивъ иконы для Надѣвскаго храма, пожелалъ онъ храмовую икону его — Успенія Богоматери, своего письма, украсить благолѣпною серебропозолоченною ризою. Для этого отправился онъ за сборомъ къ роднымъ своимъ и знакомымъ, и при ихъ помощи украсилъ икону эту цѣнною серебропозолоченною ризою, съ украшеніями изображеній на ней Спасителя и Богоматери жемчугомъ и драгоценными камнями; кромѣ того собралъ и денегъ для potreбы обители, при чемъ и себѣ у родныхъ своихъ испросилъ средства предпринять бо-

гомольное путешествіе въ Тихвинъ, на поклоненіе чудотворной иконѣ Тихвинской Богоматери, по давнему своему туда обѣту, намѣревался оттуда захватить въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь къ архимандриту Иннокентію и лично обозрѣть Богомъ данный жребій свой— Нило-Сорскую пустынь. Но врагъ рода человѣческаго, обыкшій поставлять препоны благимъ начинаніямъ людей богоугодныхъ, воздвигъ и на отца Никона не малую скорбь, что поущено Господомъ для испытанія твердости его духа и рѣшимости служить Богу на свыше указанномъ ему мѣстѣ. Возвратившись изъ поѣздки къ роднымъ своимъ, подь праздникъ Воздвиженія честнаго креста Господня, 14 сентября, отецъ Никонъ приготовилъ себѣ повозку и коня, подговорилъ и нѣкоего послушника Петра, выходца изъ Соловецкаго монастыря, ѣхать съ собою въ путь въ Тихвинъ и намѣревался вскорѣ послѣ праздника отправиться. Келью занималъ онъ двухъ-этажную, вверху самъ жилъ и тамъ же сложены были у него пожитки и свои и монастырскія, хранились цѣнныя вещи и деньги, стояла и икона Успенія Богоматери въ дорогой ризѣ. Въ Надѣвской пустыни иноки жили тихо и необязненно, часто не запирали своихъ келлій, и все было въ нихъ цѣло, почему о татѣбѣ не имѣли тогда тамъ и понятія. Ночь подь 14 сентября была темная и бурная; отецъ Никонъ спокойно отдыхалъ въ верхней своей кельѣ и ничего не слышалъ, что происходило внизу, гдѣ жили его келейные. Послѣ полуночи, когда заблагоувѣстили въ обители къ всенощному бдѣнію, отецъ Никонъ спокойно пошелъ въ церковь, не заходя въ нижнія кельи своихъ келейниковъ; но они вскорѣ прибѣжали къ нему въ церковь и въ испугѣ звали его скорѣе въ келью. Пришедъ на зовъ ихъ въ свою келью нашель онъ окно въ ней выставленнымъ, и всѣ пожитки свои, вещи и деньги, какъ свои, такъ и монастырскія уворованными. Все было втято, ни одной копѣйки денегъ не осталось, а было ихъ свыше 1000 рублей; только осталась цѣлою и нетронутою дорогая икона Успенія Богоматери, которая хотя и стояла на видномъ мѣстѣ въ кельѣ и блистала позолотой своей драгоценной ризы, осталась не взятою, что было сочтено отцемъ

Иконою за особое чудо милосердія къ нему Царицы небесной, весьма ободрило и утѣшило его въ постигшей скорби. Видя въ татѣбѣ этой скрытую сѣть врага, отецъ Іконоу не изложилъ намѣренія своего не медля послѣ праздника ѣхать въ задуманный путь. Не имѣя ни копейки денегъ, взялъ онъ заимообразно у старца Тимона двадцать рублей и съ ними выѣхалъ мирно и съ благословеніемъ старца Тимона въ дальній путь. По дорогѣ у одного знакомаго помѣщика призянאלъ онъ еще 50 рублей, далѣе же въ дорогѣ все нужное посылалъ ему Господь отъ благотворительныхъ людей, такъ что съ пути могъ уже отослать занятыя деньги, какъ старцу Тимону, такъ и вышеозначенному помѣщику, и безъ нужды, благополучно исполнить свое обѣщаніе—поклониться чудотворной Тихвинской иконѣ Богоматери. Изъ Тихвина пріѣхавъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, былъ онъ съ любовью принятъ настоятелемъ его, архимандритомъ Иннокентіемъ, который былъ весьма обрадованъ его пріѣздомъ и снова началъ его упрашивать поселиться въ Нило-Сорской пустыни и принять ее въ свое управленіе. Нимало не медля отправилъ онъ его въ эту пустынь, осмотрѣть ея мѣстоположеніе и зданія и ознакомиться съ ея внутреннимъ состояніемъ, которое было въ то время весьма незавидно. Основатель этой древней обители преподобный Нилъ былъ первоначальникомъ скитскаго жительствова въ Россіи; бывъ постриженъ въ иночество въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ XV вѣкѣ, онъ путешествовалъ на Востокъ, долгое время подвизался на святой Аѳонской горѣ и по подобію тамошнихъ скитовъ строго общежительныхъ, вернувшись въ отечество свое, въ 15 верстахъ отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ лѣсной болотистой пустынѣ при небольшой рѣчкѣ Сорѣ, основалъ первый общежительный скитъ въ Россіи и для него написалъ строгій уставъ, исполненный душеспасительныхъ совѣтовъ и законоположеній, способныхъ возвести уединенныхъ подвижниковъ духовныхъ на высоту совершенства о Аристѣ, и оставшійся вѣчнымъ памятникомъ этого великаго отечественнаго подвижника и святаго отца Русской церкви. Избѣгая всякихъ пристрастій временныхъ, преподобный Нилъ

устроить скитъ свой смиренно и убого: зданія въ немъ были деревянныя, необширныя; самая церковь была деревянная и весьма убогая; братія должны были у него трудиться и трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе; приобрѣтеніе сель было запрещено скиту сему его основателемъ, ибо находилъ онъ это неполезнымъ для иноковъ вообще, держась строго аскетическаго взгляда на иночество. Послѣ смерти преподобнаго Нила, продолжавшей 7 мая 1508 года, чудеса отъ священной раки его удостовѣрили его святость и привлекли къ пустынной обители его благоговѣніе народное. Царь Грозный, во время посѣщенія своего Кириллова, посѣтилъ и Нило-Сорскую пустынь и пожелалъ въ ней воздвигнуть каменный храмъ, вмѣсто бывшаго тамъ деревяннаго; но преподобный Нилъ, явившись ему въ видѣніи, запретилъ ему это, говоря, что желаетъ, чтобы въ обители его нищета иноческа я соблюдалась по его уставу, и что каменный храмъ ея не соответствуетъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ убогой пустынной обители Нило-Сорскій скитъ просуществовалъ до нашего вѣка. При установленіи штатовъ XVIII вѣка сдѣланъ онъ приписнымъ къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, отъ котораго и зависѣлъ въ то время, когда прибылъ въ него іеромонахъ Никонъ. Братія въ немъ было всего 8 человекъ; тр іеромонаха, одинъ іеродіаконъ и четыре послушника. Службы постоянной тамъ не совершалось, ибо братія по большей части изъ штрафныхъ Кириллова монастыря посланные туда въ наказаніе, проводили жизнь нетребуемую и беспорядочную. Изъ зданій монастырскихъ, въ на возвышенномъ бугрѣ, насыпанномъ руками преподобнаго Нила и его учениковъ на низменной болотистой почвѣ, тѣснились двѣ не большія ветхія церкви, одна—въ имя Срътенія Господня, другая—во имя святаго Іоанна Предтечи, гдѣ стояла и рака преподобнаго Нила да третья малая деревянная церковь Покрова Богоматери, теплая, недавно пристроенная. Во всѣхъ этихъ церквахъ обители все было ветхо и убого, требовало обновленія и улучшенія. Ограды вокругъ церквей не было никакой; небольшія ветхія кельи настоятельскія стояли бокомъ близкія къ падсию; братскія кельи, тѣсныя деревянныя

тоже всё были вестма ветхи и полуразвалились; скотный дворъ, погрязшій въ болотъ, лежалъ въ развалинахъ и лишь овинъ на дорогѣ въ пустынь изъ Киприллова, и водяная мельница на пустынной болотистой рѣчкѣ Соркѣ, давшей наименование преподобному Нилу и его обители—Сорскихъ, еще имѣли нѣкоторый видъ цѣлости; всё же остальные хозяйственныя зданія обители представляли лишь безобразныя развалины. Елепутствованный благословеніемъ отца архимандрита Иннокентія, поѣхалъ іеромонахъ Никонъ впервые посѣтить и обозрѣти Богомъ назначенный жребій свой—Нило-Сорскую пустынь. Не доѣзжая двухъ верстъ до пустыни, послышались ему веселые голоса и женское пѣніе, и вскорѣ толпа женщинъ работницъ, съ веселыми пѣснями, порогаялась съ нимъ, что не мало удивило отца Никона и довольно огорчило его, ибо никакъ не ждалъ онъ здѣсь себѣ подобной встрѣчи. Спросивъ женщинъ, откуда онѣ идутъ, узналъ онъ, что были онѣ на работѣ въ пустыни, рубили тамъ капусту для братіи, и вотъ возвращаются домой. Видно было по всему, что работницы были хорошо угошены въ пустыни и возвращались домой въ веселомъ настроеніи. Но въ очень невеселомъ настроеніи духа, по поводу встрѣчи этой, пріѣхалъ въ Нило-Сорскую пустынь отецъ Никонъ. Іеромонахъ, считавшійся въ ней за настоятеля, отговорившись блѣзнью, не вышелъ къ нему, прочая братія очень недружелюбно смотрѣли на прибывшаго въ обитель ихъ посѣтителя, о которомъ и прежде вѣроятно слышали, что назначается сюда въ настоятели для возобновленія обители. Зато пустынное мѣстоположеніе обители, убогія ея храмы, священная гробница ея основателя—преподобнаго Нила, духовно плѣнили собою боголюбивую душу отца Никона. Нѣкое тонкое духовное благоуханіе ощущалось имъ въ самомъ воздухѣ пустыни этой, и показала она ему раемъ сладости духовной. Все скорбное и непріятное, что видѣлъ и встрѣтилъ онъ въ ней, уступало этому благодатному чувству, и онъ отъ души благодарилъ Господа Бога, что привелъ его обрѣсти себѣ столь вождельнное по уединенію и святости мѣсто для подвиговъ духовныхъ. Поживъ нѣсколько дней въ

Нило-Сорской пустыни и хорошо разсмотрѣвъ незавидное внутреннее ея положеніе, помолися онъ усердно преподобному чудотворцу Нилу и поѣхать въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь къ отцу архимандриту Иннокентію, чтобы дать ему отчетъ о томъ впечатлѣніи, которое вынесъ онъ изъ обозрѣнія этой пустыни. Архимандритъ Иннокентій встрѣтилъ его распросами, какъ и что нашелъ онъ въ Нило-Сорской пустыни? „Хорошо, батюшка, очень хорошо тамъ, сказали ему отецъ Никонъ, да болѣе этого не знаю, что Вамъ объ остальномъ и сказать.“ Архимандритъ понялъ его наконецъ, и помолчавъ немного, сталъ откровенно ему говорить о всѣхъ безпорядкахъ Нило-Сорской братіи. убѣдительно прося отца Никона помочь ему привести обитель эту въ лучшій порядокъ. „Человѣка не имамъ на это способнаго, говорилъ ему между прочимъ архимандритъ Иннокентій чуть не со слезами; есть поэтому и выпнсалъ я тебя, старецъ Божій, ибо чувствуетъ моя душа, что ты на это силенъ и способенъ Божіею благодатію. Прошу тебя, ради Господа и великаго угодника Его—преподобнаго Нила, не облѣнясь и не откажись принять обитель эту въ свое полное управленіе, заведи въ ней строгій чинъ и уставъ пустынныхъ монастырей, а я во всемъ буду тебѣ помогать и содѣйствовать. Авось при помощи Божіей ты успѣешь привести сію святую обитель въ лучшій порядокъ.“ Убѣдительныя просьбы архимандрита Иннокентія не могли не тронуть боголюбивую душу отца Никона: Онъ изъявилъ свое согласіе поселиться въ Нило-Сорской пустыни и принять въ ней званіе настоятеля. Къ этому былъ онъ кромѣ того убѣжденъ видѣніемъ преподобнаго Нила Сорскаго, который во снѣ бесѣдовалъ съ нимъ и повелѣвалъ ему не отказываться отъ предлагаемаго послушанія начальственнаго въ его обители, обѣщая ему свою помощь. Отправившись въ Нило-Сорскую пустынь вторично, іеромонахъ Никонъ все еще жительствовалъ въ ней въ качествѣ гостя, строптелемъ же пустыни состоялъ престарѣлый и болѣзненный іеромонахъ Константинъ. Но архимандритъ Иннокентій вскорѣ прислалъ въ пустынь своихъ Кирилловскихъ нахѣтника и эконома, съ предписаніемъ передать формально пустынь въ завѣдываніе от-

ца Никона, которому написалъ по этому поводу трогательное письмо, прося его именемъ Божиимъ неуклоняться отъ этого назначенія. Отецъ Никонъ не былъ еще въ то время перечисленъ изъ Костромской епархіи въ Новгородскую, тѣмъ не менѣе принялъ на себя строительство Нило-Сорской пустыни, постановилъ условіемъ неперемѣннымъ: 1) чтобы служба церковная ежедневно и неупустительно совершалась въ Нило-Сорской пустыни, по чину общежительныхъ монастырей Кривоезерскаго и Надѣвскаго, какъ-то вечерня, повечеріе утрени и литургія въ будничные дни, а въ воскресенье, праздничные и полувечерные дни, чтобы совершаемо было и всенощное бдѣніе; 2) чтобы въ пустыни было полное во всемъ общежитіе и 3) чтобы отнюдь не было въ ней нетрезвой братіи, и даже вино чтобы отнюдь не употреблялось при пустынной трапезѣ. Архимандритъ Иннокентій одобрилъ эти условія отца Никона и письменно предписалъ ихъ въ точности соблюдать въ Нило-Сорской пустыни. Но какъ было все это соблюдать, при малочисленности и разстроенности братіи и при скудныхъ доходахъ обители, имѣвшей въ годъ денежнаго прихода не свыше 300 рублей ассигнаціямъ? Это однако не остановило ревностнаго подвижника: возложившись на Господа и укрѣпляемый Господомъ, ежедневную службу совершалъ онъ по началу строительства своего въ Нило-Сорской пустыни самъ неизмѣнно, выполнялъ въ точности все правило пустынное и мало по малу приучалъ къ тому свою братію. Общежитіе тоже вводилъ начиная съ себя, и собою подавая примѣръ другимъ. Что же касается искорененія винопитія, то не мало скорбей и горестныхъ испытаній пришлось ему перенести, пока искоренилъ это зло въ своей обители. Но и въ этомъ Богъ видимо ему помогалъ: начала собираться къ нему пустынная и подвижническая братія со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ собралось ея около 20 человекъ, такъ что могъ онъ прежнихъ неисправныхъ братій замѣнить болѣе исправными и поставить обитель свою въ подобающій ей строго-пустынный порядокъ. Съ увеличеніемъ братіи встрѣтилась однако новая скорбь для ревностнаго строителя: ветхія кельи обители не могли вмѣщать собрав-

шуюся уже къ нему братію, были крайне ветхи и грозили ему разрушеніемъ, средствъ же никакихъ не было въ обители къ ихъ возобновленію, ибо доходы ея еле хватали на прокормленіе братіи и на расходы ежедневной службы церковной. Но отецъ Никонъ, повинувъсь какому-то особому побужденію свыше, не остановился предъ неимѣніемъ средствъ для постройки новыхъ келій, и помолвившись усердно Господу Богу и преподобному чудотворцу Нилу, испросилъ благословеніе и разрѣшеніе архимандрита Иннокентія, начать перестройку братскихъ келій. Получивъ указъ о переводѣ своемъ изъ Костромской епархіи въ Новгородскую и о назначеніи своемъ строителемъ Нило-Сорской пустыни, въ 1837 году, съ этого времени дѣятельно сталъ онъ обновлять зданія пустыни: въ этомъ помогали ему благочестивые жители недалекихъ отъ пустыни и небѣдныхъ посада Крохина и уѣзднаго города Вѣлозерска, а также многіе богомольцы изъ разныхъ концовъ Россіи. Всякую почти почту получалъ онъ довольное количество денежныхъ писемъ, отъ разныхъ совсѣмъ незнакомыхъ ему лицъ, нерѣдко даже безымянныя, съ приложеніемъ денежныхъ жертвъ на обновленіе Нило-Сорской обители. Не мало удивлялся этому отецъ Никонъ и съ благоговѣніемъ принималъ добротныя припошенія христолюбивыхъ жертвователей, и возносилъ за нихъ усердныя къ Богу молитвы. Стекавшіяся такимъ образомъ съ разныхъ мѣстъ пожертвованія дали ему возможность въ теченіи трехъ лѣтъ почти вновь обстроить весь свой монастырь: построены были новыя настоятельскія и братскія келіи, трапези, келарня и прочія хозяйственныя службы; обнесена была вокругъ нихъ деревянная ограда, потомъ внѣ монастыря, у колодца и прудка, выкопанныхъ руками преподобнаго Нила, гдѣ онъ и жилъ, устроена часовня и небольшая келья, для успокоенія и уединенія отца Никона, любившаго туда по временамъ удаляться изъ обители. Довольно было приобрѣтено церковной ризницы и утвари; заведено было приличное церковное пѣніе, столповое и потное, котораго самъ о. Никонъ былъ знатокъ и любитель; служба церковная совершалась чинно, продолжительно и благоговѣнно, что вскорѣ начало привлекать въ

Ило-Сорскую пустынь многихъ богомольцевъ, не только изъ окрестныхъ, но и изъ даленныхъ мѣстъ. Пришлось поэтому отцу Никону устроить и помѣщеніе для богомольцевъ у стѣнъ своей обители: онъ построилъ удобную гостинницу и всегда старался, чтобы богомольцы находили въ ней пріютъ и ласку. Всѣ зданія обители, хотя были деревянныя, смиренныя по виду, отличались прочностью и опрятностью. Пустынная обитель процвѣла именно какъ кринь, въ своей глухой, болотной, лѣсной дебри, процвѣла не только зданіями, но и благочестивымъ подвижническимъ житіемъ своего строителя и братіи. Слухъ объ этомъ достигъ сѣверной столицы: тамъ благочестивые люди стали интересоваться лично отцемъ Никономъ, стали присылать ему пожертвованія, стали вызывать его для личнаго знакомства въ С.-Петербургъ. Таковы были особенно Шереметева и Потемкина и нѣкоторыя другія именитыя особы петербургской знати, среди роскоши столичной и богатства не забывавшія и благочестія христіанскаго. Неохотно ѣхалъ отецъ Никонъ въ Петербургъ, но поѣздка эта была очень полезна его обители. Ласково принятый тамъ во многихъ знатныхъ домахъ, произвелъ онъ тамъ собою самое хорошее впечатлѣніе: смиренный, благочестивый, обладавшій даромъ духовнаго разсужденія и учительства, сльмѣлъ онъ вопрошавшимъ его о спасеніи души сказать слово душеполезное и наставленіе душеспасительное. Пишущему строки сіи доставалось лично слышать отъ покойной Татіаны Борисовны Потемкиной, одной изъ знатныхъ особъ, принимавшихъ тогда, въ свои дома отца Никона и выслушавшихъ его духовныя совѣты, самый восторженный о немъ отзывъ. „Это былъ старецъ смиренный и простой по наружности, говорила Татіана Борисовна, — и когда впервые увидѣла я его у себя въ гостинной, невольно подумала: какой онъ мужикъ во всемъ! Однако когда сталъ онъ говорить со мною, то вдругъ что-то особенное почувствовала я въ себѣ: точно видѣлъ онъ меня всю насквозь, всѣ изгибы души моей были открыты предъ его пронизательными глазами, и говорилъ онъ мнѣ много такого, чего я никогда не забуду. Нужно сказать вамъ, что я, женщина замужняя,

сблизившись съ графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесминской, какъ извѣсно дѣвственницей и ревнительницей дѣвства, начала сожалѣть о своемъ замужествѣ, подчасъ даже мечтала о разводѣ и поступленіи въ монастырь, хотя душевно любила и уважала своего мужа. Мнѣ казалось, что любовь къ Богу нельзя совмѣстить съ любовью къ мужу, потому происходила во мнѣ борьба, изъ которой не находила я себѣ исхода. Естественно не смѣла я и заикнуться предъ посѣтившимъ меня, мало знаемымъ мною, стропителемъ Нило-Сорскимъ отцемъ Никономъ, объ этой моей душевной борьбѣ; но каковы были мои изумленіе и ужасъ, когда онъ самъ отчетливо сталъ говорить мнѣ все то, что я чувствовала и испытала въ этой борьбѣ! Онъ рѣшительно воспретилъ мнѣ именованіе Божіимъ искать развода и поступать въ монастырь, совѣтывалъ живя въ мірѣ и супружествѣ служить Богу добрыми дѣлами, и строго подтвердилъ мнѣ, что то, что Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ. Точно ношу тяжелую снялъ съ меня тогда отецъ Никонъ, и я этого никогда не забуду: при помощи его совѣтовъ, я стала въ то положеніе христіанской супруги, въ которомъ и теперь пребываю. Никакіе доводы графини Орловой-Чесминской не вліяли потомъ уже на меня, и даже самъ архимандритъ Юрьева монастыря, отецъ Фотій далеко показался мнѣ не тѣмъ, чѣмъ былъ для меня отецъ Никонъ. Я очень рада была ему послужить чѣмъ могла для его святой обители, помогла и деньгами, помогла и связями своими при Дворѣ. Старцу желалось выхлопотать самостоятельность своей обители, на это встрѣтило по началу не малыя препятствія въ духовномъ вѣдомствѣ. Однако въ послѣдствіи Богъ помогъ это ему выхлопотать, при помони еще нѣкоторыхъ расположенныхъ къ нему высокопоставленныхъ лицъ. Одно казалось мнѣ только довольно странно: святая и смиренная личность отца Никона не понравилась графинѣ Орловой-Чесминской, вообще любившей и покровительствовавшей подвижникамъ. Когда съ письмомъ моимъ явился къ ней отецъ Никонъ, она очень холодно съ нимъ обошлась и малымъ чѣмъ помогла нуждамъ его обители. Въ послѣдствіи при свиданіяхъ моихъ съ графиней, я не разъ заводила съ

нею разговоръ объ отцѣ Никонѣ, но всякій разъ она видимо уклонялась высказать о немъ свое мнѣніе. Она точно боялась самаго напоминанія о немъ, изъ чего я заключаю, не было ли тому виною какое-либо прозорливо-вѣрное слово старца, ей не пожеланію сказанное *). Во время поѣздки своей въ Петербургъ, отецъ Никонъ сталъ лично извѣстенъ не только архипастырю своему—митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму, но и другимъ архипастырямъ—членамъ святѣйшаго Синода, между прочимъ митрополитамъ—Филарету Московскому и Филарету Кіевскому. Къ первому изъ нихъ, въ числѣ черновыхъ писемъ отца Никона, сохранилось письмо, къ сожалѣнію безъ года и числа мѣсяца, ясно показывающее, что старецъ пользовался милостями великаго первосвятителя московскаго. Андрей Николаевичъ Муравьевъ, благоговѣйный рабъ Божій, тоже знавалъ отца Никона и видалъ его въ Петербургъ, во время пріѣздовъ его туда по дѣламъ обители, что между прочимъ упомянуто и въ его книгахъ: „Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ,“ и „Русская Фиваида на сѣверѣ.“ Въ послѣдней описывая свое свиданіе съ отцемъ Никономъ, уже во время его покоя, когда нашель онъ его въ схимѣ, исхудалымъ и постарѣвшимъ и не возобновилъ прежняго знакомства съ нимъ, онъ только упомянулъ о семъ знакомствѣ, какъ о фактѣ ему памятномъ. Досталось мнѣ слышать воспоминанія о петербургскомъ пребываніи отца Никона еще отъ одной моей знакомой помѣщицы Курской губерніи, дѣвицы преклонныхъ лѣтъ и благочестиваго настроенія души. Во время молодости своей, будучи дѣвушкой лѣтъ 16-ти, гостила она въ Петербургѣ у одной своей родственницы, богомольной старушки, богатой и знатной. Съ ней былъ знакомъ отецъ Никонъ и бывая въ Петербургѣ, всегда ее посѣщаль. Бывало прійдетъ старецъ въ поношенной суконной рясѣ и никого не спрашивая, прямо идетъ въ моленную

---

*) Воспоминанія эти объ отцѣ Никонѣ слышалъ я лично отъ Татьяны Борисовны Потемкиной въ 1868 году, въ имѣніи ея въ Святыхъ горахъ, и тогда же ихъ записалъ, почему за вѣрность дѣлъ воцѣтъ ручаюсь. *Авт.*

комнату хозяйки. Здѣсь надѣнетъ на себя епитрахиль и начинаетъ молебень съ акаѳистомъ Богоматери. Самъ читаетъ и поетъ, такъ хорошо, что бывало заслушаешься. Голосъ у него было не высокій, но очень звучный и пріятный. Хозяйка всегда была рада этому гостю: всѣхъ домочадцевъ своихъ бывало соберетъ слушать молитвословія и наставленія. Покончивъ молебень, старецъ поздравствуетъ съ хозяйкой, благословитъ ее и всѣхъ ея домочадцевъ, сядетъ тутъ же въ моленной на стуль и взявъ Евангеліе, начнаетъ его читать понемногу и толковать прочитанное примѣнительно къ нуждамъ и потребностямъ слушателей своихъ. Я была рѣзвая дѣвочка, не утерплю, зашумлю, заговорю съ кѣмъ-либо при этомъ чтеніи. Хозяйка остановитъ меня, велитъ не шумѣть, но старецъ точно ничего не слыша и не замѣчая, продолжаетъ свое чтеніе. И вотъ невольно и я притихну, стану вслушиваться, принимать въ душу свою слова его чтенія, и невольно слезы выступаютъ при этомъ на глазахъ. А старецъ, хотя и читаетъ, но все видитъ и замѣчаетъ. Покончивъ чтеніе, подзоветъ къ себѣ, погладитъ по головѣ и скажетъ ласково: „Умница ты у меня сегодня, всплакнула для Бога, это хорошо: плачь-такъ, дочь моя, почаще, эти слезы драгоцѣнны предъ Богомъ.“ А то бывало и меня заставитъ вслухъ читать Четы-Минеи, или творенія преп. Ефрема Сирина, самъ же слушаетъ, а потомъ остановитъ и станетъ разъяснять прочитанное мною, просто, но вразумительно и трогательно, такъ что всѣ мы, слушавшіе, его, бывало расплачемся. Одно время старецъ около мѣсяца проживалъ въ Петербургѣ и очень часто бывалъ у моей родственницы. Онъ благословилъ ее иконой преподобнаго Нила-Сорскаго своей работы, и эта икона послѣ ея смерти досталась въ благословеніе отъ нея мнѣ, и я теперь берегу ее какъ святыню, въ память добраго старца отца Никона.“

Возвратившись изъ Петербурга, отецъ Никонъ прилагалъ особое стараніе, чтобы удовлетворять духовныя нужды приходившихъ въ обитель его богомольцевъ, но тутъ большее стѣсненіе и скорбь причиняли ему малые и ветхіе храмы Божіи его обители. Двѣ небольшія деревянныя церкви—Срѣтенская и Предтеченская, стоявшія

Почти рядомъ, были столь малы, что въ послѣдней изъ нихъ, гдѣ была рака мощей преподобнаго чудотворца Нила, не могла помѣститься даже вся братія обители, а богомольцы по большей части стояли лѣтнимъ временемъ внѣ церкви при богослуженіи, что очень огорчало ревностнаго строителя. Теплая церковь Покровская тоже была мала, весьма непрочной постройки, грозила паденіемъ и требовала немедленной починки. Въ обители собралась небольшая сумма денегъ, оставшаяся отъ монастырскихъ построекъ, изъ пожертвованій иногородныхъ и петербургскихъ. Отецъ Никонъ задумалъ по началу возобновить на сѣи деньги эту болѣе требовавшую починки Покровскую церковь, и собирался ѣхать къ архимандриту Иннокентію, чтобы о семъ съ нимъ посоветываться и испросить его благословенія на предполагаемую перестройку Покровской церкви. Но архимандритъ Иннокентій, довольно часто посѣщавшій Нило-Сорскую пустынь и любившій отъ души отца Николая, самъ пріѣхалъ къ нему и завелъ разговоръ о неудовлетворительности храмовъ Божіихъ обители. Когда отецъ Никонъ сообщилъ ему свое предположеніе касательно перестройки Покровской церкви, отецъ Иннокентій сказалъ ему, что не только эта церковь, но и остальные двѣ столь ветхи, что требуютъ неминуемой перестройки. „Вотъ что скажу я тебѣ, старецъ, говорилъ архимандритъ: давно уже у меня это на мысли: чѣмъ поправлять и перестраивать эти ветхія деревянныя церкви, лучше одну, да каменную построить. Богъ поможетъ и угодникъ Божій будетъ споспѣшествовать.“ Удивлялся этимъ словамъ архимандрита отецъ Никонъ и не мало обрадовался, ибо самъ былъ тѣхъ же мыслей, и не разъ подумывалъ о постройкѣ каменной церкви, но не смѣлъ о семъ сказать архимандриту, въ виду неизмѣнія къ подобной постройкѣ средствъ въ его обители. Но теперь когда архимандритъ самъ объ этомъ заговорилъ, счелъ онъ это за указаніе воли Божіей и вдохновенно сказалъ: „миѣ, отче, давно эта мысль покою не даетъ, и желаніе великое есть ее осуществить; теперь же изъ словъ вашихъ вижу, что такъ Богу угодно. Только чтобы храмъ Божій былъ во имя Успенія Богоматери, и я не сомнѣ-

ваюсь, что помощью Пресвятыя Гогородицы все потребное для его постройки будет послано.“ Съ тѣхъ поръ, съ благословенія архимандрита Иннокентія, отецъ Никонъ сталъ готовить матеріалы для постройки каменной церкви, архимандритъ же послалъ отъ себя прошеніе, къ своему духовному начальству о разрѣшеніи построить въ Нило-Сорской пустыни, вмѣсто имѣвшихся въ ней ветхихъ деревянныхъ церквей, одной каменной трехпрестольной церкви. Въ это время случилось небольшое искушеніе для отца Никона: благорасположенному къ нему архимандриту приближенные къ нему люди успѣли наговорить, будто отецъ Никонъ недоволенъ настоятельствомъ своимъ въ Нило-Сорской пустыни, какъ подвѣдомой Кирилло-Бѣлозерскому монастырю и небогатой средствами, и что бывши въ Петербургѣ, хлопоталъ онъ о переводѣ его въ иную самостоятельную и болѣе богатую обитель. Архимандритъ Иннокентій, искренно полюбившій старца, не совѣмъ довѣрялъ этимъ слухамъ, но вдругъ получаетъ требованіе отъ Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Серафима, отпустить отца Никона въ строители Антоніево-Дымскаго монастыря. Требованіемъ этимъ отецъ Иннокентій былъ очень огорченъ, предполагая, что идетъ оно съ согласія самого отца Никона, по его желанію и просьбѣ. Вытребовавъ къ себѣ отца Никона, объявилъ онъ ему требованіе митрополита и съ огорченіемъ сказалъ: „что старецъ, ты видно самъ хочешь оставить пустынь нашу и насъ?“ Но каково было его удивленіе, когда отецъ Никонъ сталъ всячески отказываться отъ новаго назначенія, и убѣдительно просилъ его написать митрополиту, что онъ по объту, Богу данному, не можетъ оставить Нило-Сорской пустыни, по болѣзненности своей отнюдь не можетъ вонести новоназначаемой ему должности. Услышавъ это архимандритъ Иннокентій несказанно обрадовался, и заключивъ старца въ свои объятія, сказалъ ему: „ну, старецъ Божій, теперь я и ангелу не повѣрю, если что зло о тебѣ скажетъ, ибо вижу, что ты не ищешь ничего, кромѣ того, что хочетъ Богъ. Слава Богу, ты меня вполне теперь успокоилъ.“ Архимандритъ написалъ отъ себя митрополиту о нежеланіи Никона ос-

тавлять Нило-Сорскую пустынь и о крайней его болѣзненности, и просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ его служенія, что митрополитъ и исполнилъ. Съ тѣхъ поръ архимандритъ Иннокентій вполне уже во всемъ довѣрялъ отцу Никону, не слушалъ наговоровъ людскихъ и всячески способствовалъ ему въ благоустроеніи внутреннемъ и внѣшнемъ Нило-Сорской пустыни. Но вскорѣ затѣмъ самъ отецъ Иннокентій былъ переведенъ настоятелемъ въ Иверскій Валдайскій монастырь, а на его мѣсто въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь настоятелемъ былъ назначенъ архимандритъ Рафаиль. Новый настоятель тоже полюбилъ отца Никона, ибо видѣлъ въ немъ ревностнаго и боголюбиваго труженика, весьма полезнаго для завѣдываемой имъ обители. Съ благословенія архимандрита Рафаила заложенъ былъ руками отца Никона каменный трехпрестольный храмъ въ Нило-Сорской пустыни надъ гробомъ преподобнаго чудотворца Нила, въ послѣдствіи сдѣлавшійся пятипрестольнымъ. Для этого нужно было ветхія деревянныя церкви—Срѣтенскую и Предтеченскую разобрать, и насыпной холмъ, гдѣ онѣ стояли, нѣсколько разровнять. Отецъ Никонъ въ память преподобнаго Нила пожелалъ сохранить малую Предтеченскую церковь, стоявшую много лѣтъ надъ его ракой. Онъ бережно разобралъ эту церковь и перенесъ за ограду монастыря, къ колодцу, по преданію, вырытому самимъ преподобнымъ Ниломъ, гдѣ была нѣкогда и его келья. Тутъ поставилъ онъ въ обновленномъ видѣ эту малую деревянную церковку и въ ней собралъ древнія иконы изъ обѣихъ разобранныхъ церквей, священную же раку преподобнаго Нила, на время постройки каменной церкви, прочно оградилъ досками и всячески заботился о ея неприкосновенности. Въ новомъ каменномъ храмѣ, мѣсто посмертнаго покоя Сорскаго чудотворца, святыми мощами почивающаго подъ спудомъ въ нѣдрахъ земли приходилось почти посрединѣ храма, и это давало возможность не нарушать цѣлость почвы вокругъ раки. При работахъ для приготовленія почвы подъ стѣны новаго храма, холмъ насыпанный на болотной почвѣ руками преподобнаго Нила и его учениковъ, пришлось частію снять, частію разровнять, и такъ какъ въ древно-

сти вокругъ церквей на холмѣ этомъ было братское кладбище, то при разравниваніи холма найдено было много человѣческихъ костей. Кости эти очень мелко лежали въ землѣ, не выше аршина въ глубину, и были тщательно собраны отцемъ Никономъ въ одну общую могилу, устроенную тутъ же близъ церкви, При этомъ собираніи имъ смертныхъ сихъ останковъ, въ одномъ мѣстѣ, неподалеку отъ раки преподобнаго Нила, вырыты были человѣческія кости, отличавшіяся особою желтизною и благоуханнымъ отъ нихъ запахомъ: точно капли мѣла видѣлись на этихъ костяхъ, что неволью обратило вниманіе отца Никона. Онъ особенно собралъ ихъ въ деревянный ящикъ, и поставилъ въ своей келии, съ намѣреніемъ въ послѣдствіи, при построеніи церкви честно погребсти ихъ въ ней на томъ-же мѣстѣ, гдѣ онѣ были обреты. Волей Божіею это обстоятельство послужило источникомъ и причиною многихъ тяжкихъ скорбей и горестныхъ испытаній для отца Никона. Врагъ всякаго добра воздвигъ на него гоненіе жестокое чрезъ людей. Добраго подвижника къ этому испытанію, требовавшему отъ него великой крѣпости духа, Господь приготавлилъ сновидѣніями: то видѣлся ему во снѣ большой крестъ на которомъ предлежало ему быть распяту, то путь, покрытый колючимъ терніемъ, по которому нужно было ему идти; наконецъ однажды, утомленный трудами и заботами по построенію храма, при которомъ не рѣдко и самъ собственноручно работалъ, прилегъ онъ отдохнуть, и видитъ въ тонкомъ снѣ, точно солнечный лучъ возсіялъ надъ нимъ съ высоты небесной, за которымъ шествовали къ нему нѣсколько святодѣльныхъ мужей, а за ними самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Желая пасть къ ногамъ Его и поклониться ему богоподобно, не могъ онъ этого сдѣлать отъ расслабленія чувствъ и неизяснимой радости отъ этого видѣнія. Господь благословилъ его и сказалъ: „тебѣ нужно быть отъ меня спасену!“ Никонъ подумалъ, слыша эти милостивыя Господни слова: „какъ мнѣ спасену бують и за что, столь великому грѣшнику?“ — „Такъ мнѣ угодно, отвѣчалъ на мысль его Господь, но только прежде нужно тебѣ много пострадать.“ Этимъ закончилось видѣніе, оставивъ въ душѣ отца Никона ощу-

щеніе неизъяснимой духовной радости. Въ числѣ Нило-Сорской братіи былъ одинъ іеромонахъ, изъ духовнаго званія, окончившій курсъ соминаріи, по имени Израиль. Онъ былъ, повидимому весьма благочестивъ, и за это пользовался довѣріемъ и любовію отца Никона, самъ же питалъ къ нему тайную зависть и недоброжелательство. Обрѣтеныя отцемъ Никономъ при копаніи рововъ церковныхъ благоуханныя кости, которыя затѣмъ хранилъ онъ въ своей келли, дали поводъ этому іеромонаху написать доносъ новгородскому епархіальному начальству, что строитель Нило-Сорской пустыни іеромонахъ Никонъ самовольно откопалъ святыя мощи преподобнаго Нила Сорскаго чудотворца и неблагоговѣнно хранить ихъ въ своей келли, въ особомъ ковчегѣ. Доносъ этотъ возбудилъ слѣдственное дѣло; была прислана слѣдственная коммисія отъ епархіальнаго начальства, для дознанія на мѣстѣ, въ Нило-Сорской пустыни, о всѣхъ дѣйствіяхъ по этому поводу строителя іеромонаха, Никона, и хотя доносъ во многомъ не оправдался,—мѣсто посмертнаго покоя преподобнаго Нила найдено цѣлымъ и неразрытымъ, съ стоявшею надъ нимъ его гробницей,—тѣмъ не менѣе, за самовольный поступокъ удержанія найденныхъ костей въ своей келли и за недонесеніе о семъ своему духовному начальству, іеромонахъ Никонъ былъ епархіальнымъ начальствомъ отрѣшенъ отъ стропительской должности въ Нило-Сорской пустыни, запрещенъ на одинъ годъ въ священнослуженіи, рукоблагословеніи и ношеніи монашеской одежды, и сосланъ на заточеніе въ Иверскій Валдайскій монастырь, подъ строгій присмотръ настоятеля, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи годичной епитиміи, если окажется признаки исправленія, разрѣшить ему священнослуженіе и ношеніе монашеской одежды, но навсегда остаться въ числѣ Иверскаго братства. Указъ о семъ Новгородской духовной консисторіи послѣдовалъ 14 ноября 1844 года, и тѣмъ закончилось почти трехлѣтнее пребываніе подъ судомъ отца Никона, принесшее ему много скорбныхъ и горькихъ испытаній. Лишенный священства и монашества, подъ именемъ только Никона посланъ былъ онъ 27 ноября 1844 года въ Иверскій монастырь. Скорбно было ему разлучаться съ возлюб-

ленною ему Нило-Сорской пустынью, Богомъ назначеннымъ ему жребіемъ, гдѣ все такъ мило было его душѣ; но дѣлать было нечего, пришлось покориться испытанію и идти въ ссылку. „Благо мнѣ, яко смириль мя еси, яко да научуся оправданіямъ твоимъ!“ сими словами псалмопѣвецъ утѣшалъ себя въ великой скорби своей отецъ Никонъ, и безропотно покорился волѣ о немъ Божіей. Немалымъ утѣшеніемъ ему въ ссылкѣ въ Иверскомъ монастырѣ, послужилъ тамошній настоятель, хорошо знавшій его и любившій, архимандритъ Иннокентій. Съ любовью принялъ онъ въ обитель свою истомленного долгимъ слѣдствіемъ отца Никона и, какъ могъ, успокоилъ его подъ покровомъ Иверскія Богоматери. Обитель Иверская, расположенная на островѣ Валдайскаго озера была очень хорошимъ пріютомъ для отца Никона; богатая зданіями и святыней, обитель эта содержала чинъ богослуженія церковнаго вполне удовлетворительно для его боголюбивой души; было въ ней и довольно уединенно; но тѣмъ не менѣе душа его томилась и скорбѣла въ разлукѣ съ любимою имъ пустынью преподобнаго Нила. Скорбѣлъ онъ сильно и неутѣшно, особенно въ началѣ пребыванія своего въ Иверскомъ монастырѣ; но тутъ постигла его утѣшеніемъ благодатнымъ сама Владычица Пресвятая Богородица, и вдохнула въ него силу и крѣпость мужественно нести крестъ постигшихъ его скорбей. Выше сказано было, что еще въ Кривозерской пустыни сдѣлалъ онъ для себя въ уменьшенномъ видѣ вѣрный списокъ съ тамошней чудотворной иконы Іерусалимскія Богоматери, и что при освященіи новонаписанной иконы одинъ прозорливый старецъ пророчески предсказалъ имѣющія открыться въ ней благодатныя свойства. Она съ тѣхъ поръ была неразлучною спутницей отца Никона во всѣхъ его странствіяхъ; была съ нимъ и въ Надѣвской пустыни, и въ Нило-Сорской пустыни, сопутствовалъ ему и въ ссылку въ Иверскій монастырь. Находясь здѣсь въ великой скорби, изливалъ онъ скорбь свою въ молитвахъ предъ этою святою иконою Богоматери, прося Ея, милосердную и всеблагую утѣшительницу всѣхъ скорбящихъ, не оставить его несчастнаго въ подобномъ невыно имомъ скорбномъ состояніи

духа, но подать ему облегченіе и силу, благодушно переносить постигшее его испытаніе. Однажды вечеромъ окончивъ свое молитвенное правило, почувствовалъ онъ сильный приступъ жгучей скорби, отъ котораго даже ослабѣлъ тѣломъ, присѣлъ на стулъ противъ этой святой иконы и какъ бы забылся легкою дремотой. Вдругъ осіялъ его свѣтлый лучъ отъ иконы Богоматери и послышался гласъ отъ нея: „Что ты такъ скорбишь сильно и изнемогаешь? Не скорби, скоро будешь утѣшенъ.“ Услышавъ этотъ дивный гласъ, Никонъ упалъ со стула на полъ и лежалъ на немъ какъ разслабленный, не имѣя силъ двинуть ни однимъ своимъ членомъ. И вотъ вторично послышался ему гласъ отъ иконы: „Будешь опять въ Нило-Сорской пустыни, и въ скитѣ храмъ святаго Предтечи освятится, и ты будешь въ схимѣ.“ Нужно сказать въ объясненіе этого, что Никонъ, скорбя о разлученіи своемъ съ Нило-Сорскою пустынью, между прочимъ особенно скорбѣлъ о томъ, что древній деревянный храмъ Предтечи, стоявшій прежде надъ гробомъ преподобнаго Нила и потомъ перенесенный имъ за ограду, къ колодцу преподобнаго, гдѣ устроилъ онъ себѣ небольшой скитъ, оставленъ имъ неосвященнымъ. Онъ искренно желалъ со временемъ уединиться при этомъ храмѣ и въ святой схимѣ подвизаться при немъ во спасеніе. И вотъ все это обѣщаетъ ему гласъ отъ иконы Богоматери, и симъ благимъ обѣтованіемъ несказанно утѣшаетъ его скорбящую душу. Съ тѣхъ поръ почувствовалъ онъ видимое облегченіе своей скорби, и внимая умомъ благему обѣтованію Владычицъ, искренно вѣрилъ въ его исполненіе, ждалъ этого терпѣливо и бодро несъ свою эпитимію. Отецъ архимандритъ Иннокентій всячески утѣшалъ его, такъ что отецъ Никонъ вспоминая въ послѣдствіи объ этомъ времени заточенія своего говорилъ: „это было мнѣ не заточеніе, а покой сладкій, ибо былъ я въ гостяхъ у Пресвятыя Владычицы и угодника Божія праведнаго Іакова Боровицкаго *) и у добраго отца

*) Въ Иверскомъ Галдаѣскомъ монастырѣ, какъ извѣстно, находится чудотворная икона Иерскія Богматери и открыто почи-
вають святая мощи праведнаго Іакова Боровицкаго чудотворца,

моего и благодѣтеля, архимандрита Иннокентія.“ Дѣйствительно, послѣ многихъ трудовъ и заботъ отца Никона въ Нило-Сорской пустыни, пребываніе въ Иверской обители могло показаться ему упокоеніемъ. Здѣсь никѣмъ и ничѣмъ не развлекаемый, зналъ онъ только церковь Божию, да свою келью, гдѣ упражнялся въ молитвѣ и чтеніи душеспасительномъ, занимался и иконописаніемъ. Оно написалъ между прочимъ, во время пребыванія своего въ Иверскомъ монастырѣ, три вѣрныхъ по размѣру и изображенію списка съ чудотворной иконы Иверской Богоматери, изъ которыхъ одинъ послать въ любимую свою Нило-Сорскую пустынь. Скорбно было ему лишеніе священнодѣйствія и монашеской одежды въ первой годъ пребыванія его въ Иверскомъ монастырѣ, но отецъ архимандритъ Иннокентій постарался ранѣе истеченія годичнаго срока его запрещенія выхлопотать ему разрѣшеніе священнодѣйствовать и носить монашескую одежду, то-есть рясу, мантию и клобукъ. Это было не малою отрадой для отца Никона, ибо опять могъ онъ попрежнему часто литургисать и поддерживать душу свою хлѣбомъ небеснымъ тѣла и крови Христовыхъ. Вѣрилъ онъ въ неложное обѣтованіе Богоматери, что опять будетъ онъ въ Нило-Сорской пустыни; но годы шли и повидимому предстояло ему навсегда остаться въ числѣ братства Иверскаго монастыря. Не малое искушеніе для вѣры и упованія, подвижника Божія! О немъ какъ бы забыли люди; въ Нило-Сорской пустыни былъ иной строитель, каменная церковь пустыни той выстроилась и освятилась, братія стала свыкаться съ новымъ строителемъ, утвержденнымъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, который приводилъ пустынь къ благоустройству внѣшнему, при помощи благотворительныхъ лицъ, снисканныхъ для пустыни отцемъ Никономъ, только самъ онъ былъ вдали отъ любимой своей пустыни, Богомъ даннаго ему жребія. Истекалъ уже третій годъ разлуки его съ нею и пребыванія его въ Иверскомъ монастырѣ. Опять постигъ его скорбный ударъ: благодѣтель его и другъ духовный,

---

его-же память 23 октября. Обѣ святцы сіи принесены сюда основателемъ обители—святѣйшимъ патріархомъ Никонномъ.

отецъ архимандритъ Иннокентій скончался, и съ нимъ потерялъ онъ не только покровителя и утѣшителя, но и надежду—современемъ переселиться опять въ Нило-Сорскую пустынь, ибо отецъ Иннокентій, тоже очень любившій эту пустынь и хорошо знавшій все то добро, которое сдѣлано для нея отцемъ Никономъ, имъ же вызваннымъ туда изъ Надѣвской пустыни, искренно хлопоталъ предъ епархіальнымъ начальствомъ о возвращеніи о. Никона хотя на житье въ ту пустынь, ибо болѣе ничего и не жалалъ себѣ отецъ Никонъ, кромѣ этого вожделѣннаго возвращенія въ любимую свою пустынь; со смертію же архимандрита Иннокентія возможность этого возвращенія видимо для него отдалялась. Горько оплакивалъ онъ архимандрита Иннокентія и всегда о немъ съ большимъ уваженіемъ и признательностью потомъ вспоминалъ, всю же надежду свою затѣмъ возложилъ на Богоматерь и непрестанно молилъ Ее исполнить, имже сама знаетъ судьбами, свое обѣтованіе и возвратить его въ Нило-Сорскую пустынь. И Владычица міра вняла молитвамъ его и чудно устроила его возвращеніе. Благочестивая Татіана Борисовна Потемкина, имѣвшая помѣстье въ Новгородской губерніи—село Гостиллицу, лѣтомъ 1847 года тамъ гостила и вздумала оттуда проѣхать на богомолье въ Иверскій монастырь. Она хотя и слышала о невзгодѣ постигшей отца Никона и о томъ, что онъ болѣе не настоятельствуетъ въ Нило-Сорской пустыни, но совсѣмъ не знала, что онъ заточенъ въ Иверскомъ монастырѣ. Пріѣхавъ въ этотъ монастырь на богомолье, она была очень удивлена, когда въ церкви отецъ Никонъ подошелъ къ ней и о себѣ напомнилъ. Разспросивъ его подробно обо всемъ съ нимъ бывшемъ, и какъ попалъ онъ въ Иверскій монастырь, приняла она большое въ немъ участіе и обѣщала по возможности за него хлопотать въ Петербургѣ. „Тронулъ меня угнетенный видъ старца отца Никона, вспоминала въ послѣдствіи Татіана Борисовна; былъ онъ точно сирота на чужбинѣ и я невольно прослезилась, слушая его скорбную повѣсть, какъ и зачѣмъ попалъ онъ въ Иверскій монастырь. Пріѣхавъ по осени въ Петербургъ изъ Гостиллицы, начала я хлопотать у знакомыхъ мнѣ членовъ Святѣшаго Синода, не-

льзя ли старца снова отпустить изъ Иверскаго монастыря въ Нило-Сорскую пустынь. Но мнѣ сказали, что это невозможно, ибо заточенъ онъ туда по указу Государя, что одинъ только Государь и можетъ облегчить участь заточника. Была я вхожа во дворецъ, пользовалась милостями Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны. Разъ, бывши во дворцѣ, воспользовалась я случаемъ и рассказала въ присутствіи Государя и Государыни о своемъ путешествіи въ Иверскій монастырь, и какъ встрѣтила тамъ стараго знакомаго отца Никона, при чемъ подробно изложила его исторію, заявила, что строгій онъ подвижникъ, сосланъ въ заточеніе по неправильному доносу и вотъ теперь одного только и жалаеть, чтобы позволено было ему возвратиться въ любимую его Нило-Сорскую пустынь, и тамъ дожить свой вѣкъ въ подвигахъ пустынныхъ. Государыня Александра Θεодоровна очень заинтересовалась моимъ рассказомъ и спросила меня: „отчего же это старцу нельзя возвратиться въ Нило-Сорскую пустынь?“ Я отвѣчала, что онъ сосланъ въ Иверскій монастырь по указу Государя, и что поэтому одинъ Государь только и можетъ разрѣшить ему оттуда выйти въ Нило-Сорскую пустынь. Государыня, обратившись къ Государю, начала просить его, дать старцу это разрѣшеніе. Я тоже присоединила свои просьбы объ этомъ къ Государю и онъ былъ такъ милостивъ, что обѣщалъ намъ повелѣть чрезъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода возвратить отца Никона на житье въ Нило-Сорскую пустынь. Боялась я очень, что Государь, среди множества заботъ государственныхъ, позабудетъ объ этомъ сказать оберъ-прокурору, и заботилась навести потомъ справки у сего послѣдняго объ этомъ. Но я узнала, что Государь слово свое исполнилъ, повелѣлъ возвратить старца въ Нило-Сорскую пустынь, о чемъ уже посланъ и указъ въ Новгородскую духовную консисторію. *) Дѣйствительно, Высочайшее повелѣніе объ этомъ, указъ Святѣйшаго Синода отъ 14 ноября 1847 года, было получено въ новго-

---

*) Эти воспоминанія Татьяны Борисовны Потемкиной тоже лично мною отъ нея слышаны и тогда же записаны въ 1868 году.

родской духовной консисторіи, вслѣдствіи чего она указомъ своимъ отъ 29 ноября тогоже года и перемѣстила іеромонаха Никона въ Нило-Сорскую пустынь, подъ бдительный надзоръ настоятеля. Старецъ впрочемъ не долго пожилъ въ Нило-Сорской обители, но съ благословенія ся настоятеля переселися въ скитъ святаго Предтечи, находившійся за оградой обители, подлѣ колодца и прудка, ископанныхъ, по преданію, руками самого Нила Сорскаго чудотворца. Еще во время настоятельства своего въ Нило-Сорской пустыни, отецъ Никонъ построилъ тутъ себѣ для уединенія небольшую келлію, внутри всю ее росписалъ своими руками изображеніями святыхъ и душепоспасительными изреченіями, и нерѣдко удалялся въ нее на отдыхъ и безмолвіе отъ суеты настоятельской своей должности. Теперь же по возвращеніи своемъ въ любимую свою пустынь, онъ избралъ этотъ небольшой скитокъ своимъ мѣстожительствомъ и ревностно сталъ заботиться о его благоустройствѣ. Привезъ онъ съ собою и святую икону Іерусалимскія Богоматери, составлявшую неоцѣнимое его сокровище и духовное утѣшеніе ему въ скорбяхъ. Съ нею никакъ не думалъ онъ когда-либо разлучаться; но Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ угодно было даровать эту благодати причастную икону на благословеніе русской на Аѳонѣ обители святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона, о чемъ іеромонъ Никонъ повеленіе отъ нея самой получилъ въ тайнственномъ видѣніи, почему и послалъ икону эту 8 ноября 1850 года въ русскую Пантелеимонову на Аѳонѣ обитель, съ слѣдующими на оборотной сторонѣ иконы надписями: 1) „Посвящается въ Русскій Святогорскій монастырь святая икона сія, по благоволенію Пресвятыя Богородицы. 2) Сія святая икона, написана въ 1825 г. отъ воплощенія Бога Слова, въ Великой Россіи, въ Кривозерской общежительной пустыни, грѣшнымъ іеромонахомъ Никономъ, и нынѣ еще находящимся въ Нило-Сорской пустыни, который и усерствуетъ по особенному Промысла Божія внушенію, благодати причастную икону сію, въ святую обитель святаго великомученика Христова и цѣлителя Пантелеимона русскую, что на святой горѣ Аѳонской, въ вѣчное наслѣдіе, благоволеніемъ Бога

и Пресвятая Богородицы. Аминь, Въ лѣто 1850-е, мѣсяца ноября въ 8-й день сіе подписалъ убогій старецъ Нило-Сорскія пустыни іеромонахъ Николъ.“ Послѣ этой надписи, начертанъ портретъ отца Никона съ свиткомъ въ рукѣ, въ коемъ написано: „Помяни мя, о Владычице Богородице, во жребіи твоємъ, раба твоего Никона!“ Въ концѣ еще 3-я надпись: „Виждь, Владычице, усердное исполненіе воли твоея; благоволи удостоити мя недостойнаго спасаемыхъ доли, матерски о семъ умоляющи твоего Сына и всѣхъ Творца!“ По полученіи въ русскомъ Пантелеимоновомъ на Афонѣ монастырѣ этой святой Іерусалимской Богоматерней иконы, старцы монастыря написали отцу Никону письмо, въ которомъ просили его, чтобы онъ по мѣрѣ возможности, объяснилъ имъ: какое особенное внушеніе и благоволеніе Божіе и Царицы небесной было ему къ препровожденію въ монастырь ихъ этой иконы? Отецъ Николъ отвѣтилъ имъ письмомъ отъ 12-го декабря 1852 года, въ которомъ объясняетъ слѣдующее:

„Святая эта Владычицы икона писана своимъ достоинствомъ около 30 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще іеродіакономъ и жилъ въ Кривоезерской пустынной обители (Костромской губерніи), гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери Іерусалимскія, которую сподобился я недостойный возобновить. По происходящимъ до-днесь многимъ чудотвореніямъ отъ сей иконы, я по силѣ немощи моея, со всякимъ усердіемъ и вѣрой, началъ писать вѣрную (кромѣ мѣры) копію съ той чудотворной иконы и помощію Владычицы совершилъ. При самомъ освященіи той иконы было знаменіе и нѣкто нѣчто прорекъ о ней, что уже ясно и сбылось. Вслѣдъ за симъ многія совершались благодатныя дѣйствія. Когда же, по волѣ Божіей, я убогій переселился въ обитель, почти вовсе заустѣвшую, преподобнаго Нила чудотворца Сорскаго, и это святая икона всюду была неразлучна съ моимъ достоинствомъ; а во время испытанія моего въ Иверскомъ монастырѣ (Новгородской губерніи), это было дѣйствительное мое пристанище и успокоеніе утомляемому волнами скорбей,—это пластырь сердцу и душѣ. Но что много говорить? Видѣлъ и силу

благодатную, явленно пребывающую при этой святой иконѣ—гласъ, цѣленіе болѣзней, отъ огня спасеніе и иныя чудеса. Никогда и никакимъ образомъ не намѣренъ я былъ разлучиться по жизнь мою съ этимъ спасительнымъ сокровищемъ; но Божій промысль и Пресвятыя Богоматери устроилъ иначе. Бѣруйте, отцы святіи, и не сомнѣвайтесь, что эта святая икона вашей обители дорована отъ Промысла Божія благоволеніемъ небесной Царицы, а подробнаго -о семъ описанія отъ моеї худости не приложите требовать. Но да не оскорблю васъ, еще мало и о семъ нѣчто скажу. За два съ небольшимъ мѣсяца предъ отправленіемъ иконы, въ топочкѣ, мнится мнѣ, снѣ видѣлъ я, думаю, святую гору Аѳонскую. Я и другой кто-то, казалось, начали восходить на оную. Другой, бывший при мнѣ, былъ моимъ руководителемъ: ибо онъ, какъ говорилъ, бывалъ на Святой горѣ. И такъ приближались мы къ каменистой, изъ утесовъ составленной, горѣ; съ какимъ трудомъ восходили на нее, и описать нѣтъ словъ. Товарищъ мой быстро, съ какимъ-то немовѣрнымъ удобствомъ, возвышался, а я, съ боязнью и трудностью ему слѣдуя, взбирался за нимъ. Наконецъ достигли въ какомъ-то краю, и тутъ мой руководитель сталъ невидимъ, (Я полагаю навѣрно, что это былъ мой святой старецъ—преподобный Ниль Сорскій, который, какъ извѣстно изъ житія его, пребывалъ на святой горѣ довольное время, и съ Аѳона перенесъ уставъ скитскій въ Россію и былъ онаго первоначальникъ въ Сорской пустыни). Тутъ подвигъ и страхъ: казалось, совсѣмъ не было возможности взойти по каменистымъ утесамъ; однако я рѣшился идти, и какъ-то скоро очутился на равнинѣ у вратъ храма. Радость, смѣшанная со страхомъ и благоговѣніемъ, исполнала мою душу и сердце. Тутъ я непосредственно узрѣлъ, вопервыхъ, близъ самага входа сѣдящую на престолѣ, необыкновенно прекрасную жену. Она была одѣта бѣлыми, какъ снѣгъ, одеждами. Взглядъ ня крайне любезенъ и умиленъ. Она, увидя меня; сказала: „какъ ты счастливо и скоро сюда вошелъ!“—и тогда же подала мня на лицѣ что-то бѣлое, какъ-бы млеко, и сказала: „Прими, это тебѣ нужно, ты утомился.“ Вкуса пріятной сладости ска-

зять не могу. Здѣсь-то непояснимое и несказанное сказано отъ Божественной жены, и повелѣно то, что и учинено. (Благоволено и велѣно святую икону послать въ Аѳонскій русскій монастырь святаго Пантелеимона). До сего предѣла объясненіе... Тутъ видѣль я еще верхъ Аѳона; до конца его было уже не очень далеко, но крайне круто и голый камень; и не зная, что это за верхъ, спросилъ находившихся тутъ монаховъ, и мнѣ отвѣчали: „это верхъ Аѳона.“—По отправленіи святой иконы на Аѳонъ сбылось все обѣщанное благодатію Владычицы, и именно: 1) Скитъ Нило-Сорской пустыни сдѣланъ самостоятельнымъ; 2) церковь на мѣстѣ жительства преподобнаго Нила, во имя святаго Предтечи, стоявшая десять лѣтъ неосвященною, освящена; 3) мое давнее желаніе облечься во святую схиму и пребываніе при храмѣ Предтечи, гдѣ была келья преподобнаго Нила, чуднымъ образомъ исполнилось, и прочее все сбылось вскорѣ, благодатною силой и милосердымъ промысленіемъ Божіе Матери. Прославимъ, еозвеличимъ чудную нашу общую Промыслительницу, Попечительницу и Покровительницу. Слава, величіе и честь Приснодѣвѣ Маріи Богородицѣ!“ *)

Сими словами закончилъ письмо свое Отець Никонъ помѣщенное въ печатномъ сказаніи о сей святой иконѣ русскаго Пантелеимонова на Аѳонѣ монастыря; въ собраніи же рукописныхъ тетрадей старца находимъ и то письмо, которое писано имъ при отправкѣ святой иконы на Аѳонскую гору къ настоятелю и братіи тогоже монастыря, отъ 8 ноября 1850 года:

*) Преславная эта икона Богоматери Іерусалимской находится въ Покровскомъ соборномъ храмѣ русскаго Пантелеимонова на Аѳонѣ монастыря, надъ царскими вратами. На всеночныхъ бдѣніяхъ на Богородичныя праздники и въ воскресные дни, по окончаніи вечерняго богослуженія, она съ подобающею честью опускается предъ царскія врата, и предъ нею читается акаѳистъ Богоматери, по окончаніи коего, братія обители, по чину, подходятъ къ святой иконѣ и положивъ земные поклоны, благоговѣнно къ ней прикладываются. См. книгу „Вышній покровъ надъ Аѳономъ,“ изданіе 4, 1871 года, страницы 103—107.

„Преподобные отцы, жители святой горы Аѳона, блаженные обитатели обители святыя, именованіемъ Русскимъ намъ сродственные и свойственные, благословите русскаго убогаго старца! Васъ, вопервыхъ, предпочтеннѣйшій авва, отецъ игумень, въ духѣ иноческаго смиренія и чувствительности, всеусерднѣе прошу: эту святую икону Владычицы, съ полнотою душевнаго усердія, вѣры и любви отпускаемую мною, принять въ русской обители святаго великомученика Пантелеимона на вѣчное время и оную охранять съ прочими святынями обители. Зане такъ благоволила о семъ Божія Матерь. Съ любовью и вѣрой примите этотъ залогъ милости всемилостивыя Владычицы на васъ и обитель вашу, и въ пламенѣющихъ любовью и смиреннѣйшихъ святоиноческихъ вашихъ молитвахъ помните недостойнаго и всѣхъ грѣшнѣйшаго старца Никона, духомъ неразлучно пребывающаго съ вождѣннымъ изображеніемъ Богоматери и моего сладчайшаго Спасителя. Вѣрьте, святые отцы, что это не простое дѣло или случай. Нѣтъ. Пятьдесятъ лѣтъ моей убогой жизни протекло; никогда и на умъ непріходило что-либо подобное. А эта святая икона мною недостойнымъ написана совѣмъ не на этотъ конецъ, и въ моемъ сердцѣ было совѣмъ иное о ней намѣреніе. Но благоволеніемъ Бога моего и всѣхъ Владычицы, вотъ что совершилось. И я грѣшный радуюсь, что плодъ моихъ убогихъ трудовъ будетъ въ жребіи Матери Божіей и спребудетъ въ пользу вѣрныхъ рабовъ Ея и въ радость моего достоинства. Слава Богу и Богородицѣ! Аминь. О, какъ бы я желалъ со сладостію любви и вѣры облобызать и самую персть святаго Аѳона! Одно воспоминаніе о немъ неисповѣдимо сладко моему утомленному духу. Но уже невидна никакой возможности къ достиженію этого величайшаго на землѣ для меня блага. Крайняя слабость и болѣзненность вовсе отнимаетъ эту надежду, исключая только всемогущую силу Бога и Богородицы, коихъ промыслу и волѣ всесовершенно вручаю себя, и вашимъ, отцы святые, святымъ молитвамъ. Вашего преподобія и святыни послѣднѣйшій рабъ и слуга, пустыни преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго чудотворца многогрѣшный старецъ недостойный іеромонахъ Никонъ.“

По отправленіи на Аѳонъ святой иконы Богоматери Іерусалимскія на другой годъ, въ 1851 году, Нило-Сорская пустынь, состоявшая припискою къ Кирилло-Вѣлозерскому монастырю. Святѣйшимъ Синодомъ возстановлена самостоятельною, и іеромонахъ Никонъ причисленъ къ ея братству. Самостоятельность обителя преподобнаго Нила составляла всегда искреннее желаніе старца Никона. Съ самаго переселенія своего въ эту пустынь, онъ видѣлъ, что зависимость ея отъ Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря не столько способствовала ея процвѣтанію внутреннему и внѣшнему, сколько тормозила самыя благія иногда его начинанія въ этомъ отношеніи, почему, еще въ должности строителя пустыни, бывши въ С.-Петербургѣ, онъ чрезъ усердствующихъ къ нему благодѣтелей началъ ходатайствовать о возстановленіи самостоятельности обителя Сорскаго чудотворца. Сначала это ходатайство встрѣтило не мало препятствій, а послѣдовавшая затѣмъ скорбная исторія съ самимъ старцемъ и заточеніе его въ Іверскомъ монастырѣ, окончательно лишили его возможности вести это дѣло лично. Оно перешло въ вѣдѣніе его преемника и наконецъ увѣнчалось успѣхомъ, который былъ весьма утѣшителенъ для отца Никона, искренно всегда ревновавшаго о благѣ дорогой ему Нило-Сорской пустыни. Со времени переселенія своего въ эту пустынь изъ Іверскаго монастыря, онъ хотя и не принималъ видимаго участія въ дѣлахъ ея, тѣмъ не менѣе нравственнымъ авторитетомъ своимъ и благимъ подвижническимъ примѣромъ руководилъ ко благу и строителя, и братію пустыни, глубоко его уважавшихъ. Съ 8 Февраля по 1 Августа 1852 года, онъ, за отсутствіемъ строителя по дѣламъ служебнымъ, управлялъ вмѣсто него Нило-Сорскою пустынью. Особенное попеченіе прилагалъ онъ о томъ, чтобы древній храмъ Предтечи, стоявшій нѣкогда надъ гробомъ преподобнаго Нила, потомъ перенесенный имъ за ограду на мѣсто пустынной келліи преподобнаго Нила и остававшійся около 10 лѣтъ неоконченнымъ и неосвященнымъ, по случаю постигшихъ его скорбей и отсутствія изъ Нило-Сорской пустыни, привести къ окончанію и освятить, чего и удалось ему достигнуть въ томъ же 1852 году. 15

ноября сего года совершилось освященіе этого малаго деревяннаго храма, священнаго памятника древности, если и не современнаго самому преподобному Нилу, то очень близкаго къ нему по времени своего построения. Обновленный и украшенный святыми иконами, древними и новописанными рукой отца Никона, много въ этомъ потрудившагося, храмъ сей привлекалъ взоры своею древностью и священной красотой. На другой день по освященіи храмъ Предтечи, 16 ноября 1852 года, отецъ Никонъ, по давнему своему желанію, принялъ постриженіе въ великій ангельскій образъ, святую схиму, при чемъ въ честь преподобнаго Нила Сорскаго чудотворца принялъ его имя, и сталъ уединенно жить и подвизаться при пустынномъ Предтечевскомъ храмѣ, напоминая подвигами своими подвиги прежняго обитателя сего мѣста, теперь соименнаго ему, Сорскаго чудотворца. Водвореніе подвижника Божія въ Нило-Сорской пустыни имѣло самое благотворное для нея послѣдствіе: во время трехлѣтняго отсутствія его въ Иверскомъ монастырѣ, пустынь стала видимо упадать и средствами матеріальными и подвижническимъ духомъ братіи; теперь же все измѣнилось въ ней къ лучшему, ибо было кому привлекать въ пустынь боголюбивыхъ посѣтителей и воодушевлять братію словомъ душеполезнымъ и примѣромъ подвижничества высокаго. Смиранный старецъ уклонявшійся отъ всякаго превозношенія, втайнѣ проходившій свой подвигъ, тѣмъ не менѣе помимо воли своей, былъ свѣтильникомъ благочестія для своихъ ближнихъ. Онъ свѣтилъ добрыми дѣлами своими, за которыя люди прославляли Отца небеснаго Бога и во множествѣ стекались въ Нило-Сорскую пустынь—одни, чтобы принять благословеніе и получить наставленіе духовное отъ старца іеросхимонаха, другіе, чтобы посвятить себя подвигамъ иноческимъ подъ его руководствомъ. Получавшіе отъ старца блага духовныя жертвовали въ нее деньгами, вещами и припасами. Живя въ скитѣ своемъ при Предтечевой церкви, старецъ Ниль принималъ посѣтителей, давалъ совѣты духовныя и рѣдко когда имѣлъ свободныя минуты для отдыха. Во то время священнослужителей еще мало было въ обители, а онъ ревновалъ, что-

бы ни одинъ день не проходилъ въ ней безъ божественной литургіи, почему ежедневно самъ служилъ, не щадя своихъ силъ и покоя. Литургисать всегда составляло для него высшее утѣшеніе духовное, и онъ считалъ тотъ день потеряннымъ для себя, если почему-либо не литургисалъ или хотя не присутствовалъ при литургіи. Кроткій, смиренный; весь сосредоточенный въ себя, старецъ привлекалъ къ себѣ и свѣтскихъ и духовныхъ постытелей обители. Въ то время благочиннымъ монастырей того края состоялъ настоятель Кирилло-Новозерскаго монастыря, архимандритъ Іаковъ. По должности благочиннической посѣщалъ онъ Нило-Сорскую пустынь съ особымъ всегда утѣшеніемъ духовнымъ, и не заходя въ обитель, прямо съ пути направлялся въ скитъ старца Нила, къ которому питалъ великую о Христѣ любовь, дружбу и уваженіе. Старецъ тоже очень любилъ и чтить отца архимандрита; послѣдній откровенно говорилъ съ нимъ, пользовался его совѣтами и указапіями и нерѣдко выслушивалъ отъ него даже обличенія своимъ немощамъ. Повидавшись со старцемъ и насладившись бесѣдой его, входилъ отецъ архимандритъ, по своей благочиннической должности, въ Нило-Сорскую обитель и всячески старался примѣромъ своимъ поддерживать въ ней уваженіе къ старцу, бывшему истиннымъ ея благодѣтелемъ и духовною красотой. Въ памяти своей отецъ архимандритъ Іаковъ сохранялъ не мало дивныхъ событій съ старцемъ Ниломъ, которыхъ былъ онъ свидѣлемъ и очевидцемъ. Посѣщая старца Нила, отецъ Іаковъ очень желалъ видѣть и его у себя въ гостяхъ въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ; неоднократно приглашалъ его къ себѣ, предлагая прислать за нимъ лошадей; но старецъ, по любви своей къ уединенію, все отказывался отъ поѣздки къ нему подъ разными предлогами, что не мало огорчало отца архимандрита. Но однажды, совершенно неожиданно, вдругъ является къ нему въ Кирилло-Новозерскій монастырь старецъ іерусалимскій Ниль и рассказываетъ ему слѣдующее: „Разъ заснулъ я немного и вижу, что подходитъ ко мнѣ какой то челоѣкъ въ монашеской одеждѣ. Я спросилъ его „кто ты?“— „Я Кириллъ Новозерскій, отвѣчалъ онъ

мѣ и продолжать: ты желалъ посѣтить мою обитель, но по сіе время этого не исполнилъ. Вотъ я самъ пришелъ звать тебя къ себѣ. Иди, теперь для этого время самое благоприятное.“ При этихъ словахъ я проснулся и видѣлъ явно, что святолѣпный мужъ отворилъ двери моей келліи и вышелъ изъ нея. И вотъ я тотчасъ, ни-мало не медля, пѣшій пошелъ въ Новоезерскій монастырь.“ Старецъ пошелъ, какъ былъ въ келліи, въ легкомъ холщевомъ балахонѣ и босой, не смотря на то, что время стояло ненастное и холодное. Въ городѣ Бѣлозерскѣ обночевалъ онъ въ домѣ знакомаго купца Меркушина, но повидимому мало спалъ ночью, а болѣе бодрствовалъ въ молитвѣ. Рано утромъ, пока хозяева дома еще почивали, тайкомъ ушелъ онъ изъ ихъ дома и отправился въ дальнѣйшій путь. Въ образѣ нищаго шелъ уважаемый во всей той окрестности старецъ и всячески старался не быть узнанъ отъ встрѣчавшихся съ нимъ путниковъ. Но вотъ повстрѣчалась съ нимъ помѣщица Рядина, ѣхавшая изъ Бѣлозерска въ свое имѣніе. На Солмызскомъ перелѣсткѣ увидѣла она нищаго старца, идущаго не безъ труда босыми ногами по мерзлой землѣ. Всмотрѣвшись въ лице старца, къ великому своему удивленію и ужасу узнала она въ немъ великаго подвижника Нило-Сорской пустыни отца Нила. „Вы ли это, батюшка, отецъ Ниль,“ крикнула она ему, остановивши ѣкипажъ и бросившись къ нему съ поклономъ. „Я, грѣшнѣйшій Ниль,“ смиренно отвѣчалъ ей старецъ. Старецъ весь продрогъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, окоченѣвшимъ отъ холода и еле могъ говорить. Сердобольная помѣщица уговорила его сѣсть въ ея крытый возокъ, укутала его мѣховымъ одѣяломъ и сама привезла его въ Новоезерскій монастырь. Несказанно радъ былъ ему настоятель новоезерскій—отецъ архимандритъ Іаковъ, принялъ его какъ ангела Божія и закидалъ вопросами, какъ случилось съ нимъ это дивное путешествіе и какъ рѣшился онъ по такому холоду въ такой легкой одеждѣ путешествовать да еще пѣшкомъ и босой. „По особому откровенію Божію и при помощи Божіей, пришелъ я посѣтить васъ,“ отвѣчалъ ему старецъ и просилъ проводить его въ церковь къ ракъ святыхъ мощей преподоб-

наго Кирилла Новоезерскаго чудотворца, на вскрытіи почивающаго въ томъ монастырѣ. При поклоненіи святымъ мощамъ преподобнаго Кирилла старецъ Ниль сказалъ отцу Іакову: „Я видѣлъ раку преподобнаго паискосъ стоящую, и изъ раки всталъ самъ преподобный Кирилль и сказалъ мнѣ: „Вотъ я и ты спасены, но въ обители моеи много безпорядковъ!“ Какіе это были безпорядки, архимандритъ Іаковъ сейчасъ понялъ, ибо поступивъ недавно настоятелемъ въ Новосерскіи монастырь; видѣлъ онъ и самъ нѣкоторую правственную распущенность въ тамошней братіи, нерѣдко нетрезвость, тогда какъ преподобнымъ Кирилломъ было строго заповѣдано стнудю не приносить въ его монастырь и не имѣть въ немъ хмѣльныхъ напитковъ, а также не дозволять женщинамъ ходить по кельямъ братскимъ, Сознавшись чистосердечно предъ старцемъ во всѣхъ сихъ несправностяхъ своей обители, о. Іаковъ далъ ему обѣщаніе все это прекратить въ обители преподобнаго Кирилла, и просилъ его помолиться угоднику Божію, чтобы не гнѣвался онъ на него, и помогъ ему все исправить по его законоположенію. „Вижу и понимаю теперь, зачѣмъ призвалъ васъ сюда преподобный Кирилль,“ говорилъ отецъ Іаковъ старцу, и съ тѣхъ поръ съ особою ревностью сталъ искоренять въ обители Новоезерской нетрезвость и возбранять посѣщенія женскаго пола, въ чемъ на время настоятельства тамъ и успѣвалъ. Во время пребыванія старца Нила у отца Іакова, гостилъ у него его родной отецъ, старецъ—заштатный священникъ Тульской губерніи и встрѣча съ нимъ старца Нила была самая трогательная. Оба старца съ любовію облобызались какъ родные братья и долго смотрѣли другъ на друга, какъ-бы знакомясь душами своими, свѣтившимися въ ихъ кроткихъ старческихъ взорахъ. Въ тоже время, для снятія фотографическаго портрета съ своего родителя, былъ приглашенъ отцемъ архимандритомъ Іаковомъ фотографъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, отецъ Іаковъ сталъ упрашивать отца Нила, позволить и съ него снять фотографическій портретъ. Очень неохотно согласился на это старецъ, и то единственно чтобы не огорчить любимаго имъ отца архимандрита.

Портретъ съ старца былъ снятъ и довольно удачно: онъ сталъ драгоценностью для почитателей старца Божія, ибо весьма вѣрно изображаетъ святолюбныя черты его лица. Во время пребыванія старца Никола у отца архимандрита Иакова, посѣтили послѣдняго благодѣявшія его обители помѣщницы—госпожи Лѣсковы. Отецъ Иаковъ убѣдительно просилъ отца Никола выйти къ нимъ въ его пріемную комнату и утѣшить ихъ своею бесѣдой и благословіемъ. Старецъ на это не согласился и до тѣхъ поръ не вышелъ изъ своей келліи, пока помѣщницы не уѣхали отъ отца архимандрита. Послѣ отъѣзда ихъ, онъ внушительно сказалъ отцу архимандриту: „на будущее время не принимайте женщинъ въ своихъ кельяхъ, чтобы тѣмъ не подавать дурнаго примѣра своей братіи.“ Отецъ архимандритъ объяснилъ ему, что уѣхавшіе помѣщницы благодѣютъ его обители, и что принимаетъ онъ ихъ у себя съ совѣта и пожеланію своей братіи. Но старецъ стоялъ на своемъ и сказалъ съ нѣкоторой строгостью: „А я совѣтую вамъ не принимать ихъ въ свою келлію, ибо монаху не слѣдуетъ бесѣдовать съ женщинами.“ Отецъ архимандритъ обѣщалъ ему остерегаться женскихъ посѣщеній. Съ этого времени отецъ архимандритъ Иаковъ проникнулся къ старцу еще большею о Христвъ любовью и уваженіемъ, и самъ старецъ сталъ къ нему въ самыя откровенныя духовно-родственныя отношенія. Онъ цѣнилъ въ отцѣ Иаковѣ ревность къ иноческому житію и благоустройству его обители, ибо и самъ онъ велъ примѣрно подвижническую жизнь, и подвѣдомствѣнную ему братію умѣлъ направлять къ преуспѣянію духовному. Старецъ неоднократно изъявлялъ искреннее желаніе видѣть отца Иакова настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, болѣе близкаго къ его пустыни и требовавшаго настоятеля благопекуннаго для поднятія въ немъ упадавшаго иноческаго житія, и говорилъ, что рано или поздно исполнится это его желаніе и отецъ Иаковъ будетъ настоятелемъ обители преподобнаго Кирилло-Бѣлозерскаго чудотворца, что дѣйствительно потомъ и исполнилось. Отецъ Иаковъ совершенно неожиданно для себя былъ переведенъ изъ Невоезерскаго въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, который нашель

требовавшимъ многихъ отъ него трудовъ и заботъ для улучшения его внутренняго и въ которомъ и доселѣ трудится онъ для блага духовнаго ввѣренной ему святой обители. Здѣсь по сосѣдству съ Нило-Сорскую пустыню, отецъ Іаковъ имѣлъ возможность чаще видѣться съ старцемъ Ниломъ и пользоваться его душеполезными бесѣдами. Съ обычной прямоюю своєю старецъ предлагалъ ему свои замѣчанія и совѣты и отецъ Іаковъ всегда принималъ ихъ съ любовію и старался осуществлять. Такъ по окончаніи академическаго курса, въ бытность наставникомъ харьковской семинаріи, отцу Іакову приходилось нерѣдко заниматься учеными трудами глубокимъ вечеромъ и ночью, при чемъ иногда овладѣвала имъ сильная дремота. Для устройства ея и для возбужденія мысленной дѣятельности, онъ сталъ нюхать табакъ и это со временемъ обратилось у него въ привычку, отъ которой въ послѣдствіи, при всемъ желаніи ее оставить, онъ никакъ не могъ отстать. Однажды, во время бесѣды своей съ старцемъ Ниломъ, пожаловался онъ ему на свое безсиліе въ борьбѣ съ этою тяготившею его привычкою. Старецъ рѣшительно ему на это сказалъ: „Вы можете ее оставить.“— „Въ томъ-то и дѣло, отче, что не могу ее оставить.“ возразилъ ему отецъ Іаковъ. Но старецъ еще болѣе внушительнымъ тономъ и съ несомненною увѣренностью опять ему сказалъ: „Да, вы можете ее оставить, и я увѣрепъ, что съ этого времени на всегда ее оставите.“ Слова эти были имъ сказаны съ такою увѣренностью, что она невольно сообщила и отцу Іакову. Возложившись на св. молитвы старца Божія, началъ онъ удерживаться отъ употребленія нюхательнаго табаку и къ великому своему удивленію не чувствовалъ никакого къ нему влеченія, тогда какъ прежде при всѣхъ попыткахъ бросить его, не могъ никакъ сего достигнуть. Освободившись съ тѣхъ поръ навсегда отъ тяготившей его привычки, приписалъ онъ это единственно благодатному дѣйствію святыхъ молитвъ старца Нила. Что старецъ Божій не чуждъ былъ многихъ даровъ благодати Божіей и что молитвы его сильны были предъ Господомъ, тому бывали многія доказательства въ его жизни. Бывшій нѣкоторое время келейникомъ при немъ, а потомъ

ієродіаконъ Нило-Сорской пустыни, въ послѣдствіи настоятель Филиппо-Ирапскаго монастыря Новгородской епархіи, отецъ Герасимъ, въ запискахъ своихъ сохранилъ нѣсколько подобныхъ сказаній объ отцѣ Нилѣ, нѣкоторыя же записаны Нило-Сорскимъ инокомъ, отцемъ Ѳеодоромъ, проходившимъ послушаніе гостинника въ пустыни и имѣвшимъ возможность часто видѣть въ богомольцахъ, посѣтившихъ пустынь, дивныя послѣдствія молитвъ и наставленій старца, или слышать о нихъ. Самъ старецъ рѣдко когда даже выходилъ къ посѣтителямъ, а къ женщинамъ никогда не выходилъ и не вступалъ съ ними въ бесѣды; самый входъ въ скитъ его былъ воспрещенъ женскому полу; отвѣчалъ же на вопросы большею частію или устно чрезъ келейника своего, или чрезъ записки, на которыхъ онъ начертывалъ собственноручно карандашемъ отвѣты. Рассказываетъ отецъ Герасимъ, что любилъ старецъ, если нѣтъ богомольцевъ, уединенно прохаживаться изъ скита своего по дорожкѣ въ монастырь. Дойдетъ до рѣчки Сорки, посидитъ на лавочкѣ и пойдетъ себѣ далѣе въ пустынную лѣсную чащу. Такъ однажды, въ келейномъ бѣломъ балахончикѣ, съ скуфейкой на головѣ и посошкомъ въ рукѣ, пошелъ онъ въ обычную свою прогулку, смотря по обычаю своему въ землю и углубляясь въ молитву умную. Вдругъ послышался ему сильный крикъ и ревъ. Смотритъ, впереди идетъ толпа богомольцевъ въ пустынь, и среди ихъ женщина, одержимая бѣснованіемъ; увидѣвъ его издали, она упала въ судорогахъ на землю, и испускала дикіе крики. По мѣрѣ приближенія къ ней старца, она все болѣе неистово кричала и корчилась въ конвульсіяхъ. Старецъ подошелъ къ ней, осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и произнесъ надъ ней молитву. И она тотчасъ же утихла, встала и тихо побрела за другими богомольцами въ обитель, а старецъ пошелъ своею дорогою далѣе. Пришедъ въ гостинницю, богомольцы рассказали гостиннику о своей встрѣчѣ по дорогѣ съ нѣкимъ старичкомъ въ бѣломъ балахончикѣ и скуфейкѣ, и о томъ, какъ приближеніе его смутило бывшую съ ними бѣсноватую, и какъ затѣмъ благословеніе его и молитва ее умиротворили. Гостинникъ сейчасъ понялъ, что это былъ

старецъ Ниль, о чемъ и объязилъ богомольцамъ; они очень сожалѣли, что не зная сего, не приняли отъ него благословенія. Бѣсноватая же, во все время пребыванія своего въ Нило-Сорской пустыни, вела себя тихо и благоговѣнно; посѣщала церковную службу, усердно молилась и съ надеждой на полное исцѣленіе молитвами старца, пошла домой. Случилось однажды прійти въ гостиницу обители нѣсколькимъ женщинамъ богомолкамъ. Изъ числа ихъ двѣ госпожи благородныя, просили гостинника отца Феодора, нельзя ли имъ видѣть старца Нила, лично принять его благословеніе и объяснить ему свои нужды духовныя. Гостинникъ сказалъ имъ, что женщины старецъ къ себѣ отнюдь не принимаетъ и видѣться имъ съ нимъ нельзя. Тогда госпожи эти просили его передать старцу отъ нихъ записки и попросить его заочно о молитвѣ и благословеніи имъ на путь дальній—въ Соловецкій монастырь, куда они направились. Отецъ Феодоръ отнесъ старцу ихъ записки и словесно передалъ ему просьбу ихъ о молитвѣ и благословеніи въ далекій путь. Старецъ взялъ записки, надѣлъ на себя епитрахиль и молитвенно помянулъ бывшія въ запискахъ имена о здравіи и за упокой; затѣмъ взялъ святой воды налилъ ее въ бутылку, прочиталъ надъ ней молитву и подавъ ее гостиннику, сказалъ: „отдай эту воду тѣмъ женщинамъ, пусть онѣ вкусятъ отъ нея и умоются ею да есть тамъ съ ними еще больная женщина, пусть ее напоятъ и умоютъ этою водой.“—„Батюшка, никакой больной женщины тамъ съ ними тѣтъ,“ возразилъ ему гостинникъ. „Увидишь,“ отвѣчалъ ему старецъ. Тотъ поклонился ему и пошелъ въ гостиницу; по дороге встрѣтили его госпожи, которыхъ записки носилъ онъ къ старцу, благоговѣнно взяли отъ него святую воду и пились ею и умылись, и вмѣстѣ съ нимъ приняли въ гостиницу. Приходятъ и видятъ, что на полу тамъ лежитъ женщина и сильно бьется; нѣсколько другихъ женщинъ стояли предъ нею и ничѣмъ не могли ей помочь. Отецъ Феодоръ понялъ теперь слова прозорливаго старца и испѣшилъ данною имъ святою водою напоить эту женщину и умыть ей лице. Какъ только это было сдѣлано больная очнулась, пришла въ себя и почувствовала себя

совершенно здоровою. — Однажды въ Предтечевомъ скиту, гдѣ жилъ старецъ Нилъ, двери ограды какъ-то позабыли запереть. И вотъ одна женщина богомолка случайно зашла туда въ середину ограды, но вдругъ почувствовала себя очень дурно: она упала на землю, стала трястись всѣмъ тѣломъ и испускать крики отъ сильной боли во всѣхъ членахъ. На крикъ ея вышелъ изъ келіи своей старецъ Нилъ и покрывъ ее полой своей мантии, помоллся надъ ней Богу. Послѣ этого женщина почувствовала себя здоровою и мирно отпущена была старцемъ, съ наставленіемъ впредь не любопытствовать и не проникать туда, гдѣ запрещено женамъ бывать. Естественно, что слава о благодатныхъ дарахъ подвижника Божія далеко разносилась по лицу земли русской: какъ крикъ сильный, въ глубинѣ пустыни Сорской, цвѣлъ онъ и благоухалъ духовно, привлекая къ себѣ людей благочестивыхъ, не утратившихъ способности обонять то таинственное благовоніе Духа Божія, которое издаютъ избранные Его сосуды. Посѣтители, бывшіе въ Нило-Сорской пустыни изъ разныхъ мѣстъ Россіи, разныхъ званій и состояній, выносили самое отрадное впечатленіе отъ словъ и молитвъ благодатнаго старца Нила. Въ 1855 году посѣтилъ старца извѣстный боголюбивый путешественникъ по святымъ мѣстамъ Андрей Николасвичъ Муравьевъ. Въ своей „Оивайдѣ на сѣверѣ“ онъ такъ описываетъ свиданіе свое со старцемъ Ниломъ. „Мы пріѣхали, пишетъ онъ, въ скитъ послѣ вечера, и чтобы не тревожить братіи, прошли мимо пустыни въ отдѣльную келлію бывшаго строителя, который началъ дѣло обновленія пустыни и потомъ уединился на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла джигина преподобнаго Нила за мельницей. Туда перенесъ онъ и древнюю деревянную церковь Предтечи, со всѣми ея древними иконами, и соорудивъ себѣ келью въ саду, близъ кладезя Преподобнаго, подвизается тамъ по мѣрѣ силъ: его рукодѣліе—иконопись. Я видѣлъ его лѣтъ за двадцать предъ симъ въ сѣверной столицѣ, когда еще въ полной силѣ возраста пріѣзжалъ онъ ходатайствовать о самобытности своей пустыни. Какъ изумился я, когда теперь мнѣ отперъ двери уединенной церкви согбенный годами и совсѣмъ изсохшій старецъ, въ одеждѣ схим-

нической, ибо онъ уже давно облекся въ сей великій образъ, принявъ имя блаженнаго основателя пустыни! Истинно слово псаломское: „Человѣкъ, яко трава, днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако одцвѣтетъ!“ (Пс. 102, 15). Тотъ-же человѣкъ встрѣчалъ меня и онъ уже казался мнѣ другимъ; дѣйствительно протекло столько времени, что и по вѣншности и по внутренности могъ онъ измѣниться. Меня не узналъ онъ и вѣроятно не помнилъ, да и могло ли придти ему на мысль, что мы встрѣтимся въ сей дикой пустыни?“ (Русская Оиваида на сѣверѣ, стр. 348).

— Къ старцу-подвижнику Нило-Сорской пустыни благоговѣли даже раскольники, которыхъ немало въ томъ краѣ; они видѣли въ немъ живое напоминаніе подвижничества древняго. Старецъ обращался съ ними въ духѣ любви Христовой, какъ съ немощными духомъ, заблудшими, которыхъ и старался направить на путь обращенія и соединенія съ святою церковью, что не рѣдко ему и удавалось. Упорствовавшіе до того въ расколѣ, послѣ бесѣды съ старцемъ, дѣлались расположенными къ истинной святой церкви, входили въ ея спасительную ограду и дѣлались ея чадами вѣрными, благословляя благодатнаго старца, вліявшаго на нихъ не столько словопреніями, какъ внутреннею силой своего слова. Такъ одна купчиха города Ълзозерска, Акилина Григорьевна Потанина, родившаяся въ расколѣ, вступивъ въ бракъ съ православнымъ и благочестивымъ купцомъ Дмитріемъ Алексіевичемъ Потанинымъ, несмотря на его убѣжденія и просьбы, все придерживалась мнѣній раскольническихъ и крестилась двуперстно, что очень огорчало ея мужа. Наконецъ соскучившись убѣжденіями мужа, она сказала ему, что обратится съ вопросомъ объ этомъ къ старцу Нилу, и что скажетъ онъ ей, то она и исполнитъ. Пріѣхавъ въ Нило-Сорскую пустынь, она послала къ старцу записку съ вопросомъ: какъ ей креститься двуперстно или триперстно. Старецъ запиской же совѣтывалъ ей осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ триперстно, по православному. Потанина приняла совѣтъ старца съ благоговеніемъ, начала креститься по православному, оставила всякія сношенія съ раскольниками и стала вѣрною послѣдовательницею святой православной церкви, а за-

писку старца, какъ святыню, хранила у себя съ благоговѣніемъ. Пришелъ разъ къ старцу, раскольничій начетчикъ изъ Череповскаго уѣзда, который готовился быть попомъ въ своемъ толкѣ. Начетчикъ былъ очень свѣдушъ въ книгахъ Священнаго Писанія и святыхъ отцевъ, но толковалъ ихъ по своему, въ пользу своего раскольничьяго толка, и немало смущалъ своими рѣчами православныхъ. Вздумалъ онъ и съ старцемъ Ниломъ вступить въ словопреніе, но старецъ, вышелъ къ нему прямо ему сказалъ: „Ты не попъ, а волкъ, овецъ всѣхъ переѣшь и самъ въ адъ пойдешь.“ Тотъ началъ было ему говорить заранѣе приготовленную свою рѣчь, но старецъ опять повторилъ ему прежнія свои слова, и съ такою увѣренностью и силой, что раскольникъ заплакалъ и упалъ ему въ ноги, прося избавить его отъ ада. Поговоривъ съ нимъ, старецъ своими кроткими и мудрыми рѣчами такъ смягчилъ закоснѣлое его сердце, что онъ сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ: вернувшись домой, присоединился къ святой православной церкви и сталъ великимъ ревнителемъ ея и побѣдоноснымъ обличителемъ расколуучителей. Всѣ подобныя благодатныя дары старца Нила привлекали къ нему посѣтителей въ большомъ числѣ: люди шли къ нему въ Нило-Сорскую пустынь, какъ къ прозорливцу и врачу духовному, и хотя по смиренію своему онъ всячески удалялся всякаго отъ народа почета, тѣмъ не менѣе народъ чтилъ его высоко и уваженіе къ нему выражалъ пожертвованіями и благотвореніями Нило-Сорской обители. Убогая до толѣ обитель эта начала получать чрезъ старца Нила доходы отъ богомольцевъ очень обильныя, которые, покрывая всѣ ея расходы по содержанію братіи и ремонту зданій, составили и запасный порядочный капиталъ. Съ благословенія старца Нила, на этотъ капиталъ были возведены вмѣсто деревянныхъ каменныя зданія настоятельскихъ и братскихъ келлій и обведены каменною же прочною оградой, такъ что обитель приняла видъ благоустроеннаго и по внѣшности монастыря. При устройствѣ каменной ограды, стоявшій на святыхъ воротахъ бывшей деревянной ограды деревянный же храмъ во имя Покрова Богоматери, построенный отцемъ Ниломъ еще при началѣ строитель-

ства его въ Нило-Сорской пустыни, былъ разобранъ; къ построению же на мѣстѣ его каменнаго храма не хватило у обителѣ средствъ. Скорбѣя объ этомъ, строитель пустыни отецъ Нектарій пришелъ въ скитъ къ отцу Нилу и сказалъ ему: „Помоги намъ, отче, въ устройствѣ храма Покрова Пресвятыя Богородицы на святыхъ вратахъ.“ — „Чѣмъ же помогу я вамъ, нищій душой и тѣломъ,“ отвѣчалъ ему старецъ не безъ скорби, и проводивъ строителя, погрузился въ тонкій сонъ, и вотъ слышитъ таинственный голосъ: „вотъ, какъ бы вы имѣли храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы, то жили бы вполне благополучно. Зачѣмъ лишаете вы себя этого храма?“ При сихъ словахъ старецъ пробудился и ощутилъ великій страхъ въ душѣ своей. Немедля пришелъ онъ къ отцу строителю, повѣдалъ ему все слышанное имъ во снѣ и сказалъ: „отецъ Нектарій, съ Богомъ начинайте строить храмъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, я помогу вамъ въ этомъ; хотя теперь не имѣю никакихъ къ тому средствъ, но вѣрую и надѣюсь на помощь Божію.“ Ободренный этими словами, строитель приступилъ къ постройкѣ Покровскаго храма, а старецъ Нилъ со всѣхъ сторонъ сталъ получать денежные письма съ пожертвованіями на этотъ предметъ, которыми помогаль строителю при постройкѣ и содѣйствовалъ ея скорому окончанію. Онъ крѣпко уповалъ на Бога, и Богъ не посрамилъ его упованія: нищій тѣломъ онъ, давалъ большія иногда суммы отцу строителю на постройку этой церкви, говоря кротко: „это Богъ послалъ, возьмите на построение святаго храма.“ Въ 1861 году начали постройку Покровскаго храма, а 1862 года 4 декабря онъ былъ уже освященъ. Въ самомъ дѣлѣ постройкѣ этой церкви старецъ Нилъ принималъ живѣйшее участіе, руководилъ и наблюдалъ за постройкой, нерѣдко даже самъ кирпичи носилъ рабочимъ: возьметъ бывало по кирпичику въ обѣ руки и идетъ себѣ тихонько съ молитвой на устахъ къ мѣсту кладки храма. Тутъ положить кирпичи, и за новыми идти, а когда братія осталавливали его, чтобы не томилъ такъ свою старость, то онъ бывало кротко отвѣтитъ святоотеческимъ словомъ: „томлю томяшаго мя,“ и продолжаетъ свой трудъ. Рос-

писаніемъ стѣнъ внутри Покровской церкви старецъ тоже ревностно занимался: по старости своей не могъ онъ уже самъ расписывать ея стѣны лѣнками святыхъ, но самъ составилъ общій планъ сего росписанія, назначивъ, гдѣ и какое священное изображеніе написать, и даже самыя очерки ликовъ самъ своею рукою дѣлалъ, для чего, не смотря на старческіе свои годы, по устроеннымъ лѣсамъ, поднимался на значительную высоту храма къ самому куполу. Вся иконостасная и стѣнная иконопись Покровской церкви произведена въ древнемъ Греко-Русскомъ стилѣ, и поражаетъ своею священной красотой. Въ одно почти время съ построеніемъ Покровской церкви, въ томъ же 1861 году, старецъ Ндль, тоже по особенному откровенію и внушенію Божию, началъ строить себѣ новую деревянную келлію на востокъ отъ стараго Предтечева скита, въ 100 сажняхъ разстоянія отъ него, въ лѣсной болотистой чащѣ. Тутъ же подлѣ новой келліи своей построилъ онъ небольшую деревянную двухэтажную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и при ней двѣ малыя отдѣльныя другъ отъ друга деревянныя часовни, изъ коихъ одну назвалъ Голгооой, а другую Геосиманіей. При нихъ своими руками выкопалъ онъ два большіхъ прудка, расчистилъ землю подъ огородъ и садъ, и все это мѣсто обнесъ скромною деревянною оградой, назвавъ его Богородичнымъ Успенскимъ скитомъ. Нерѣдко именовалъ онъ его и Геосиманскимъ скитомъ, или святымъ Богородичнымъ домомъ. Въ этотъ новый скитокъ старецъ перешелъ на постоянное жительство, и въ немъ провелъ остальные десять лѣтъ своей подвижнической жизни. По словамъ отца Герасима, побужденіемъ къ устройству этого новаго скита было для старца желаніе болѣе строгой уединенной жизни, которому старый Предтечевъ скитотъ его, по открытому своему мѣстоположенію, не такъ удовлетворялъ. Затѣмъ надъ мѣстомъ новаго скита было ему таинственное явленіе Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, которое окончательно убѣдило его устроить тамъ храмъ Божій и келлію себѣ для подвиговъ пустынныхъ. Богъ послалъ для этого нищему духомъ и тѣломъ старцу все потребныя средства, и скитъ Богородичный возникъ очень ско-

ро въ пустыни лѣсной. Впрочемъ; еще гораздо ранѣе его построения, было въ Нило-Сорской пустыни таинственное откровеніе другому блаженному избраннику Божію, что на томъ мѣстѣ возсіяетъ обильная Божія благодать. Время тутъ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ дивномъ избранникѣ Божіемъ, который въ тиши и безвѣстности Нило-Сорской пустыни, подъ вліяніемъ благого подвижническаго примѣра старца Нила, и самъ достигъ высокой степени совершенства духовнаго. Это былъ рясофорный монахъ Нило-Сорской пустыни Іоаннъ Шапошиковъ, котораго вся братія по преимуществу звала Иваномъ Семеновичемъ. Родомъ изъ города Галича Костромской губерніи, сынъ мѣщанина, онъ въ отроческихъ еще годахъ былъ пораженъ параличемъ, отъ котораго плохо владѣлъ правою рукой и обѣими ногами, такъ что безъ помощи палки не могъ ходить. Питая великое усердіе къ угоднику Божію, преподобному Кириллу Новозерскому чудотворцу, бывшему уроженцу тогоже города Галича, Иванъ Семеновичъ въ юношескихъ годахъ пришелъ въ Новозерскій монастырь къ своему родному угоднику Божію, и пожелалъ тамъ посвятить себя иноческимъ подвигамъ. Но тамъ не долго пришлось ему пожить: какъ увѣчный и немощный, немогшій трудиться наравнѣ съ прочими послушниками, былъ онъ вскорѣ изгнанъ изъ обители, не за что иное, какъ за свое увѣчье. Прийдя въ Нило-Сорскую пустынь, былъ онъ принятъ въ ней ласково и привѣтливо, но тѣмъ не менѣе очень тосковалъ по Новозерскомъ монастырѣ, въ которомъ болѣе всего привлекалъ его угодникъ Божій Кириллъ своими нетлѣнными и цѣльбоносными мощами. Долго томился онъ сильною тоской, отъ которой не находилъ себѣ покоя ни днемъ ни ночью, и даже въ храмѣ Божіемъ, при богослуженіи, часто переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ изстуженный умомъ. Но когда нужна человѣку помощь свыше къ подкрѣвленію его немощи и унывающаго духа, тогда она и подается ему благовременно благостию Творца, дивнаго во святыхъ. Угодникъ Божій, преподобный Нилъ Сорскій чудотворецъ посѣтилъ благодатию увѣчнаго послушника Іоанна и помогъ ему избавиться отъ угнетавшей его тоски,

Разъ, зыинимъ временемъ, стоялъ Иванъ Семеновичъ въ церкви подлѣ печи во время всенощнаго бдѣнія подь какой-то праздиикъ. Столъ въ столъ горестномъ расположеніи духа, что мало даже себя помнилъ и ничего не слыхалъ, что пѣлось и читалось въ церкви. Думалъ все о Новосерерскомъ монастырѣ и пламенно желалъ опять въ него возвратиться. Вдрупъ видитъ ясно незнакомаго старца въ схимпической одждѣ, который вышелъ изъ олтаря, подошелъ къ нему и сказалъ: „ну, видно не хочешь ты служить мнѣ. Если такъ, то иди обратно къ преподобному Кириллу.“ При этихъ словахъ правою рукою своей чувствительно хлопнулъ его по плечу. Юанинъ хотѣлъ ему поклониться, но явившійся сталъ предь нимъ невидимъ. Видъ явившагося былъ во всемъ сходенъ съ иконой преподобнаго Нила Сорскаго, и онъ глубоко увѣровалъ, что это пменно самъ угодиикъ Божій его посѣтилъ. Вѣра эта подкрѣплялась въ немъ ощущеніемъ необычайной радости въ душѣ его; прежняго смущенія и тоски какъ не бывало; онъ съ тѣхъ поръ совершенно успокоился и рѣшился па всегда остаться въ Нило-Сорской пустыни. Иванъ Семеновичъ, отличавшійся необыкновенною простотой и младенческимъ незлобіемъ, вскорѣ сталъ любимцемъ всей Нило-Сорской братіи. Надъ собою всякую укоризну, пасмѣшку и даже удары терпѣлъ онъ кротко и незлобливо; но другаго, ближняго своего, при немъ никто не тронь, не обидь, сейчасъ заступится. Бывало молодые послушники по неразумію глумятся надъ нимъ какъ надъ малоумнымъ: то помоями его обольютъ, то замазываютъ сажею, онъ ни слова имъ, улыбаются, какъ будто радъ сему, а жаловаться за это старшимъ никогда и не подумаетъ. Жизнь проводилъ онъ строго-подвижническую, изнурая плоть свою трудами и не давая ей нимапѣйшаго покоя. Несмотря на увѣчье свое, проходилъ онъ послушаніе трапезнаго въ теченіе 12 лѣтъ, накрывалъ въ трапезѣ столы, собиралъ посуду, перемывалъ ее, самъ даже печи въ транезѣ топилъ. За все это время келліей и одромъ для отдохновенія служила ему кухонная печь въ трапезѣ. Тамъ, на голыхъ кирпичахъ, положены были пего доски, на которыхъ онъ и спалъ; вмѣсто же изголовья служилъ

ему деревянный обрубокъ, и такъ неизмѣнно, въ одномъ и томъ же видѣ, находился его одръ. Самъ онъ въ теченіе 20-лѣтняго пребыванія своего въ Нило-Сорской пустыни, никогда не бывалъ въ банѣ и не позволялъ себѣ омыватъ тѣло. Ни обуви, ни теплыхъ сапогъ зимою онъ не носилъ: всегда босой въ вѣтхомъ подрясникѣ, одинаковомъ зимою и лѣтомъ. Рубашку холщевую если разъ надѣнетъ, то носить ее бывало до тѣхъ поръ, пока она вся не истлѣетъ и не распадется отъ вѣтхости. Кромѣ того, на голомъ тѣлѣ носилъ онъ постоянно желѣзные вериги въ полпуда вѣсомъ, и стеръ ихъ на своемъ вѣку двѣ перемѣны. Если случайно кто увидитъ его въ одной рубахѣ при трудахъ послушанія, то страшно было смотрѣть на его тѣло: отъ веригъ однѣ язвы виднѣлись на немъ, и кровь сочилась изъ нихъ. Но добрый труженикъ не обращалъ на это вниманія, точно не ощущалъ боли въ своемъ тѣлѣ отъ этихъ язвъ и отнюдь никогда не соглашался снять съ себя вериги и залечить причиненныя ими язвы. Только незадолго до смерти своей снялъ онъ ихъ и положилъ подъ свою койку, какъ доспѣхи побѣдныя своего терпѣнія. Несмотря на свое увѣчье, что почти не владелъ правою рукой, Иванъ Семеновичъ умѣлъ хорошо писать святыя иконы, украшать ихъ ризами изъ фольги, вырѣзывать изъ дерева затѣйливыя рѣзные кіоты, и все это дѣлалъ онъ одною лѣвою рукой, при помощи самыхъ простыхъ, незатѣйливыхъ инструментовъ. На эти занятія уходили у него всѣ досуги его между молитвою церковною и келейною и послушаніемъ, такъ что никто не видалъ его празднымъ. Искусство его было удивительно для многихъ, и иные, видя его калѣчество, но хотѣли даже вѣрить, что онъ самъ мастеритъ такія вещи. Такъ въ Нило-Сорской пустыни, въ Тихвинской часовнѣ, до сихъ поръ цѣла икона преподобнаго Нила Сорскаго, работы Ивана Семеновича, на которой и риза имъ самимъ сдѣлана очень искусно; а въ теплой церкви пустыни имѣется деревянный рѣзной кіотъ къ иконѣ Тихвинскія Божіей Матери съ очень замысловатою и сложною рѣзью, который тоже сооруженъ Иваномъ Семеновичемъ при помощи простаго ножа. Даже имянныя печати умѣлъ онъ вырѣзывать,

и такъ искусно, что оставалось лишь удивляться его дарованіямъ. Когда сталъ онъ ослабѣвать здоровьемъ, дали ему особую келью въ обители и смѣнили съ послушанія трапезаря, но въ кельѣ своей монастырской онъ рѣдко нрбывалъ: недалеко отъ ограды, въ чащѣ лѣсной, среди непроходимой болотной пустыни, построилъ онъ себѣ небольшую келью и тамъ проводилъ отшельническую жизнь, вѣдомую единому Богу. Въ келью эту ходилъ онъ ежедневно изъ монастырской своей кельи и тамъ подвизался въ постѣ и молитвѣ: она до сихъ поръ уцѣлѣла въ Нило-Сорской пустыни, по дорогѣ отъ нея къ Бѣлозерску, только лѣсъ вырубленъ, и дотолѣ непроходимая пустыня стала теперь всѣми видима отъ этого Духовное преуспѣяніе увѣчнаго Ивана Семеновича выражалось благодатною прозорливостію. Бывало въ церкви ви на кого изъ братіи пристально онъ посмотритъ или погрозится пальцемъ, всѣ уже знали, что не даромъ это. И прозорливецъ всегда бывало улучить время такового брата обличить наединѣ, что непристойными мыслями въ церкви былъ занятъ, или съ злобою въ сердцѣ на кого-либо въ церкви стоялъ, точно видѣлъ онъ насквозь внутреннее устройство челоуѣка. И всегда обличенія его были справедливы и вызывали чувства въ обличаемыхъ, ибо бывали растворены чистою о Христѣ любовію и младенческимъ незлобіемъ обличителя. Однажды пришелъ въ обитель крестьянинъ среднихъ лѣтъ, малограмотный и прелпростый по наружности, и поступилъ въ число братіи. Иванъ Семеновичъ видимо полюбилъ его и все ему говорилъ: „живи, живи здѣсь въ монастырѣ, впоследствии будешь строителемъ его.“ Крестьянинъ этотъ, по имени Теодоръ, дѣйствительно пожилъ въ обители Нило-Сорской, былъ въ ней постриженъ въ иночество съ именемъ Теофана, сподобился іеромонашества, и наконецъ избранъ былъ въ строители, каковую должность и проходилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей еще при жизни Ивана Семеновича, котораго онъ читилъ и уважалъ безпредѣльно, называя его истиннымъ своимъ отцемъ и признавая его избранникомъ Божиимъ. И другимъ послушникамъ обители нерѣдко говаривалъ Иванъ Семеновичъ прозорливо, иному говорилъ: „поживешь здѣсь,

уйдешь въ мѣръ и тамъ женишься;“ другому: ты вапшъ, здѣсь останешься,“ и такъ бывало и сбывалось въ точности. Къ старцу Нилу Иванъ Семеновичъ питалъ великое уваженіе и благоговѣніе, и старецъ тоже относился къ нему, какъ къ соотанинику своему и другу о Христѣ. За нѣсколько времени до устроченія старцемъ Ниломъ новаго Успенскаго скита, Иванъ Семеновичъ ночью видѣлъ изъ своей пустынной келліи огненный столпъ на этомъ мѣстѣ, на который долго смотрѣлъ съ ужасомъ и удивленіемъ, и потомъ многимъ изъ братіи рассказывалъ, предсказывая духовную славу сего мѣста. Добраго подвижника Ивана Семеновича, подъ конецъ жизни его въ Нило-Сорской пустыни, 1857 года 10 октября постригли въ рясофоръ; сталъ онъ рясофорнымъ монахомъ Іоанномъ, и въ этомъ званіи мирною христіанскою кончиною перешелъ въ страну загробную, 1863 года 13 мая, оставивъ послѣ себя въ Нило-Сорской пустыни самую благочестивую память. Погребенъ онъ въ Предтеченскомъ скиту старца Нила; на могилѣ его стоитъ деревянный крестъ и выросло рябиновое дерево. Какъ просто былъ старецъ Божій въ жизни своей, такъ проста и его могила, чуждая всякихъ лишннихъ украшеній.

Кромѣ Ивана Семеновича, при жизни старца Нила отличались благочестіемъ и трудами подвижническими еще нѣкоторыя лица изъ его братіи. Такъ замѣчательны были вышепомянутый строитель Нило-Сорской пустыни, отецъ Θεофанъ и родной братъ его по плоти іеросхимонахъ Сергій. Уроженцы Новгородской губерніи, Череповскаго уѣзда, изъ крестьянъ Судбицкой волости, оба брата были женаты, имѣли семью. Въ свободное отъ сельскаго хозяйства время, любили они заниматься чтеніемъ св. Писанія и другихъ духовныхъ книгъ, собирали къ себѣ въ домъ поселятъ своего поселка, громко прочитывали имъ житія святыхъ и разные отрывки изъ св. писанія, и на основаніи ихъ бесѣдовали съ ними о спасеніи души. Простодушныя бесѣды ихъ и чтенія очень нравились поселянамъ. Къ христіолюбивымъ братьямъ стали сходитья и изъ другихъ селеній любители слова Божія; иные обращались къ нимъ за совѣтами по хозяйству и дѣламъ семейнымъ, и оба брата, какъ могли, служили благу

близкихъ своихъ. Наконецъ братья ясно почувствовали въ себѣ званіе Божіе къ подвигамъ иноческимъ, рѣшились навсегда оставить міръ и яже въ мірѣ и поступить на жительство въ монастырь. Съ согласія своихъ семействъ, въ 1835 году оба брата, Сергій и Ѳеодоръ, пришли въ Нило-Сорскую пустынь, въ то время бывшую въ незавидномъ положеніи, завиствшую отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и далеко неблагоустроенную. Добрымъ труженикамъ понравилась убогость пустыни, удаленность ея отъ міра и жалолюдство: здѣсь рѣшились они трудиться о Господѣ, терпѣть всякую нужду и подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Женъ своихъ убѣдили они поступить въ недалекій Горицкій Воскресенскій женскій монастырь; съ ними вмѣстѣ поступили туда же и дочери ихъ, сыновей же своихъ Сергій взялъ къ себѣ въ Нило-Сорскую пустынь, и такимъ образомъ все семейство ихъ нашло себѣ мирное пристанище отъ тревоженій мірскихъ въ стѣнахъ иноческихъ обителей. Съ водвореніемъ въ Нило-Сорской пустыни старца Нила, оба брата стали къ нему въ самыя близкія духовныя отношенія, были дѣятельными помощниками его къ благоустроенію и возсозданію изъ прежняго запустѣнія Нило-Сорской пустыни, и пользовались отъѣнными его довѣріемъ и любовію. Постриженные въ иночество съ именами Симеона и Ѳеофана, были они затѣмъ рукоположены во іеромонахи, и послѣ старца Нила болѣе всѣхъ послужили внутреннему духовному преуспѣянію своей пустынной обители. Симеонъ былъ сдѣланъ братскимъ духовникомъ, проходилъ жизнь уединенную, съ старцемъ Ниломъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ духовно, былъ спостникомъ и сотаинникомъ его въ полномъ смыслѣ, нерѣдко подкрѣплялъ его при подвигахъ и скорбяхъ своими увѣщаніями и совѣтами, и до самой кончины старца Нила служилъ ему великою поддержкой и утѣшеніемъ. Ѳеофанъ былъ неоднократно посылаемъ старцемъ Ниломъ въ С.-Петербургъ и другія города за сборомъ въ пользу своей убогой обители и умѣлъ всегда найти ей благотворителей. Простодушный до юродства, искренно благочестивый и строгій къ себѣ, обладалъ онъ даромъ вліять на души и своими простыми благочестивыми рѣчами вызывать въ

пихъ умиленіе. Одна почтенная особа, видѣвшая его въ С.-Петербургѣ, и теперь воспоминаетъ, какъ встрѣтила она его на Невскомъ проспектѣ, съ взерошенными волосами въ ветхой рясѣ, скоро идущимъ и ни на кого вниманія не обращающимъ. Потомъ увидѣла она его въ домѣ одной своей знакомой, пменитой и благочестивой старушки, гдѣ отецъ Теофанъ видимо былъ давнимъ хорошимъ знакомымъ. Здѣсь поразили онъ ее своими рѣчами, простыми и вмѣстѣ глубоко трогательными. Выслушавъ ихъ, она измѣнила о немъ свое прежнее неблагоприятное мнѣніе, составленное судя по его странной наружности, и потомъ искренно его уважала, какъ истиннаго подвижника и проповѣдника благочестія. Назначенный потомъ строителемъ Нило-Сорской пустыни, отецъ Теофанъ не мало потрудился для блага ея духовнаго, и въ непрерывныхъ трудахъ окончилъ тамъ свою жизнь, еще при жизни старца Нила, отличавшаго его всегда особою своею любовью. Брату же его, іеромонаху Симеону судилъ Богъ пережить старца Нила. У нихъ было заключено межъ собою условіе, что если кто изъ нихъ другаго переживетъ, то чтобы оставшійся неуспѣтельно литургисалъ въ теченіи 40 дней за упокой почившаго. Когда старецъ Ниль скончался, іеромонахъ Симеонъ въ точности исполнилъ это условіе, и въ скитской церкви старца Нила 40 дней литургисалъ о упокоеніи его души. Вообще часто литургисать было потребностью душевною для отца Симеона,—онъ и въ чреду и безъ чреды очень часто литургисалъ и никогда этимъ не тяготился, даже охотно бралъ на себя исполнять чреду литургисанія за другихъ, пока позволяли его силы и здоровье. Въ 1876 году припалъ онъ постриженіе въ схиму, съ именемъ Сергія, и выстроивъ руками своими уединенную келью въ лѣсу за оградой обители, уединенно подвизался въ ней во спасеніе души. Келья его въ лѣсу окружена была высокимъ плетнемъ, ибо не желалъ ни самъ смотрѣть на людей подвижникъ, ни быть предметомъ созерцанія человѣческаго, и созрѣвая душою, все болѣе погружался въ глубину святаго смиренія, при которомъ подвижники стараются утаивать отъ людей свои подвиги. Отецъ Сергій проводилъ въ пус-

тыни своей жизнь высокую, но такъ тайно, что она вѣдома была только Богу. Послушникъ его, впоследствии іеродіаконъ, при немъ жившій, зналъ лишь малую часть его подвиговъ, которые утаивалъ онъ даже и отъ него весьма искусно. Старецъ былъ кротокъ, незлобивъ, со всѣми привѣтливъ, готовъ былъ всякому нуждающемуся помочь, всякаго скорбящаго утѣшить. Любилъ молчаніе, но если бывало нужно кому дать наставленіе духовное, то онъ благоискусно это дѣлалъ, и слово его духовное отличалось опытною, состраданіемъ къ ближнимъ и искреннею любовью. Старецъ іеросхимонахъ Сергій почилъ о Господѣ преподобною кончиною, 1879 года 6 мая, на 78 году своей жизни, изъ числа которыхъ 44 года провелъ въ подвигахъ иноческихъ, безвыходно въ Нило-Сорской пустыни.—Замѣчательны были еще по жизни благочестиво-подвижнической въ Нило-Сорской пустыни во дни старца Нила монахи Илія и Николай. Илія уроженецъ Петербургской губерніи и уѣзда, родомъ изъ крестьянъ, былъ женатъ; овдовѣвъ ходилъ по міру въ образѣ нищаго странника, нанимался на земляныя работы, которыя добросовѣстно исполнялъ, стараясь встать поранѣе хозяина работъ, и очень скорбѣлъ, если когда случалось ему просыпаться и быть будиому хозяиномъ своимъ на работу. Трудолюбіемъ своимъ составилъ онъ себѣ капиталъ, сталъ купцомъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ имѣлъ каменный домъ стоимостью въ 20000 рублей. Будучи уже около 50 лѣтъ, бросилъ онъ міръ и поступилъ въ Нило-Сорскую пустынь. Здѣсь остатокъ жизни своей проводилъ онъ въ строгомъ подвижничествѣ, пользовался расположеніемъ старца Нила и по его совѣтамъ и наставленіямъ проходилъ подвиги поста и молитвы. Не молодой годами, превосходилъ онъ многихъ своею ревностію къ подвигамъ, и въ короткій сравнительно срокъ достигши духовнаго совершенства, блаженно почилъ о Господѣ. Старецъ Нилъ не присутствовалъ при его кончинѣ. Въ скиту своемъ въ началѣ литургіи, совершая проскомидію въ алтарѣ, онъ духовно предугадалъ кончину Иліи, и въ самую минуту смерти его онъ вынулъ частицу изъ просфоры о увѣковѣніи его со святыми. Кончина эта была въ субботу, и о ней старецъ Нилъ нашсалъ

записку братіи, въ которой говоритъ: „Чудная суббота, покой брату нашему Іліи, и абіе судъ. Ей, блаженъ путь, въ онъже идеши днесъ душе, яко готово есть тебѣ мѣсто упокоенія. А я, братія моя любимая, не буду тѣлесно присутствовать при погребеніи блаженнаго брата. развѣ духомъ, немощію бо есть одержимъ. Въ часть, когда разлучалась душа покойнаго брата, я убогій совершалъ св. литургію. Творя проскомидію, сперва вынулъ часть за здравіе его, а потомъ пришелъ помысль, что надо вынуть часть за новопреставленнаго монаха Ілію, что и сотворилъ.—Монахъ Николай, уроженецъ Новгород. губерніи. Череповскаго уѣзда, до поступленія въ обитель былъ женатъ и до 1850 года, живя въ своемъ семействѣ, проводилъ жизнь благочестивую и честную, неупустительно во всѣ воскресные и праздничные дни посѣщалъ церковь Божию, благоговѣнно выстаивалъ службы церковныя, любилъ трезвость и воздержаніе въ пищѣ и питіи, къ чему приучалъ и дѣтей своихъ; отечески наставляя ихъ на все доброе, онъ училъ ихъ молиться Богу, любить Бога и ближнихъ. Всякому нуждающемуся всегда готовъ былъ помочь, и по заповѣди Христовой дѣлился съ ближними своими иногда послѣднимъ. Всѣ окрестные жители знали его и любили, видя въ немъ примѣръ благочестія, Съ молодыхъ лѣтъ тайлъ онъ въ себѣ намѣреніе поступить въ монахи, чтобы служить единому Богу: обстоятельства жизни его въ молодости сему воспрепятствовали, но ставъ семьяниномъ, онъ старался расположить къ монашеству и свсихъ четырехъ сыновей. Уже старцемъ почтеннымъ сподобился онъ остатокъ дней своихъ провести въ обители иноческой: поступилъ съ сыновьями своими въ Нило-Сорскую пустынь и въ ней подвизался ревностно въ постѣ и молитвѣ. Сего благочестиваго старца очень возлюбилъ старецъ Нилъ, а сына его Герасима взялъ къ себѣ въ келейники и отличалъ его своимъ довѣріемъ и любовію. Отцу Герасиму, впоследствии строителю Филиппо-Ирапскаго монастыря, Новгородской губерніи, Череповскаго уѣзда, ближайшему свидѣтелю и очевидцу благой жизни старца Нила, записавшему ее довольно точно. обязанности мы сохраненіемъ тѣхъ многочисленныхъ подробностей о ней, которыя такъ

дороги по своей достовѣрности для почитателей старца Нила. Старецъ Николай, подвигомъ добрымъ подвизавшись въ Нило-Сорской пустыни, въ ней скончался инокомъ. 1880 года 29 Юня, оставивъ по себѣ благу ю память своимъ благочестіемъ, безропотнымъ послушаніемъ, терпѣніемъ и любовью ко всѣмъ, не только друзьямъ, но и врагамъ, ибо врагъ рода человѣческаго искушалъ его скорбями отъ клеветы человѣческой, но тѣмъ только послужилъ преуспѣянію его духовному. Оставивъ въ сыновьяхъ своихъ добрыхъ наслѣдниковъ своего подвижническаго житія, монахъ Николай собою какъ бы заключаетъ ликъ избранниковъ Божіихъ, при жизни старца Нила, его окружавшихъ и духовно свѣтившихъ въ Нило-Сорской пустыни, какъ при полной лунѣ свѣтятъ яркія звѣзды на ночномъ небосклонѣ.

Повѣдавъ о жизни благой учениковъ старца Нила, его духовныхъ питомцевъ, возвратимся къ продолженію повѣсти о собственной его жизни. Онъ не принималъ участія въ управленіи Нило-Сорскою пустынью, но живя затворнически въ скиту своемъ, имѣлъ на нее самое благотворное вліяніе во многихъ отношеніяхъ. Обладая чудною прозорливостью, старецъ весьма часто призывалъ къ себѣ тѣхъ изъ братій, которые нуждались въ утѣшеніи, въ поддержкѣ духовной на подвижническомъ пути, и съ свойственною ему опытностью дѣйствовалъ всегда благоуспѣшно. Всякіе споры, всякую вражду и неудовольствія среди братіи, умѣлъ онъ всегда во время искоренить, не дать имъ разгорѣться до душегубительнаго пожара. И братія привыкли къ подобнымъ дѣйствіямъ старца, вѣрили, что все открыто предъ его прозорливыми очами, и что онъ видитъ ихъ недостатки лучше ихъ самихъ. Ослушники воли и совѣтовъ старца нерѣдко были видимо за это наказаны Богомъ. Такъ однажды одинъ инокъ Нило-Сорской пустыни, приближенный къ бывшему тамъ строителю Арсенію, когда этотъ послѣдній перешелъ на строительство въ Филиппо-Ирапскій монастырь, пожелалъ ему сопутствовать туда и перейти въ его монастырь. Пришедъ за совѣтомъ о семъ къ старцу Нилу, услышалъ онъ отъ него рѣзкое обличеніе въ челоуѣкоугодіи. Старецъ сказалъ ему: „отецъ Арсеній не долго останется въ

Филиппо-Ирапскомъ монастырѣ и много обойдетъ настоятельскихъ мѣстъ. Ты за нимъ не угонишься и отстанешь отъ него; поэтому совѣтую тебѣ лучше оставаться здѣсь, въ Нило-Сорской пустыни, иначе будешь горько, но поздно раскаяваться.“ Инокъ не послушалъ словъ старца, и его предсказанія впослѣдствіи въ точности сбылись. Туже прозорливость проявлялъ старецъ и въ отношеніи мірянъ, его посѣщавшихъ. Разъ пришла къ нему родная племянница его—дѣвица Лариса, которая съ малолѣтства, вслѣдствіе разслабленія всѣхъ членовъ тѣла неспособна была ни къ какой работѣ и влачила самую жалкую жизнь, нерѣдко бывшую ей самой въ тягость. Прійдя къ дядѣ своему, старцу Нилу, плакалась она ему на свое увѣчье и горькую судьбу. „Что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ жить?“ спросила она его между прочимъ. „Иди въ Горницкій монастырь и живи тамъ,“ сказалъ ей старецъ.—„Да меня увѣчную туда не примутъ, я не способна работать и послушанія проходить,“ возразила Лариса.—„Иди съ Богомъ, повторилъ старецъ, примутъ тебя, будешь здорова, будешь работать и послушаніе проходить для св. обители; имѣй только вѣру въ Бога, и Онъ даруетъ тебѣ силу.“ Дѣвица послушалась, пришла въ Горницкій монастырь; тамъ ее приняли изъ уваженія къ старцу, ея дядѣ, и что же? вскорѣ по постушеніи своемъ въ эту обитель, она вполне выздоровѣла, разслабленія прежняго въ ней какъ не бывало; стала она ревностно проходить послушанія монастырскія, трудиться въ самыхъ тяжелыхъ работахъ, и легко и радостно все это совершала, къ общему удивленію всѣхъ сестеръ Горницкой обители, видѣвшихъ и знавшихъ ее прежде вполне разслабленною, ни къ какому труду неспособною. Разъ пришли въ Нило-Сорскую пустынь двѣ женщины, которыя шли изъ Соловецкаго монастыря. Просили онѣ гостинника—монаха Θεодора и спросить имъ благословенія и молитвъ у старца Нила, при чемъ одна изъ нихъ вынула просфору, положила на нее деньги и просила передать ее старцу, съ просьбой вынуть изъ ней часть за упокой Михаила. Исполняя желаніе посѣтительницы, гостинникъ снесъ ея просфору старцу и передалъ ему ея просбу. Старецъ просфору взялъ, по денегъ не взялъ, и отдавая ихъ на-

Бадъ гостиннику, сказалъ: „Денегъ этихъ мнѣ не нужно; скажи давшей ихъ, чтобы не присылала ихъ мнѣ и по почтѣ, какъ думаетъ, ибо поминать Михаила я не буду.“ — „Батюшка, женщина эта въ большой скорби, все плачетъ, не огорчайте ее отказомъ, который совершенно можетъ ее убить,“ возразилъ ему гостинникъ. — Ну, если кромѣ меня кто возьметъ его поминать, пусть поминаетъ а я не могу. Пусть проситъ священника, который допустилъ это, пусть онъ и поминаетъ,“ сказалъ старецъ, не видя и не зная женщины, которая просила его о поминовении. Гостинникъ не смѣлъ болѣе вопрошать старца, ушелъ отъ него, и прійдя въ гостинницу въ точности передалъ слова его женщинѣ. Ему очень хотѣлось узнать отъ нея подробности этой исторіи, чтобы понять, почему старецъ отказался поминать Михаила. Отозвавъ въ особую комнату женщину ту, онъ просилъ ее рассказать ему откровенно, что все это значитъ, ибо видимо крылась тутъ нѣкая тайна, Богомъ открытая прозорливому старцу. Женщина со многими слезами рассказала ему, что Михаилъ ее былъ баринъ, съ которымъ въ молодости имѣла она незаконную связь; затѣмъ понравилась барину ея младшая сестра, съ которою тоже вступилъ онъ въ незаконную связь, имѣлъ отъ нея дѣтей и на 35 году жизни своей скоропостижно умеръ, не напутствованный святыми тайнами. На утро гостинникъ пошелъ къ старцу, передалъ ему все сказанное ему женщиной тою, и просилъ у него прощенія, что неразумною просьбой ея утруждалъ. Старецъ, молча выслушавъ его рассказъ, грустно покачалъ головой и сказалъ: „Что тебѣ еще тутъ объяснять,—знай одно, что Богъ отъ любодѣевъ и за любодѣевъ молитвы не пріемлетъ, доколѣ не оставятъ они своего беззаконія.“ Тутъ же гостинникъ, монахъ Теодоръ, неоднократно былъ посылаемъ за сборомъ въ разные города Россіи, бывалъ во многихъ губерніяхъ и имѣлъ тамъ знакомыхъ, благотворившихъ чрезъ него Нило-Сорской пустыни. Въ селѣ Парскомъ, Костромской губерніи, одна женщина Марья Космина, имѣла обыкновеніе пересылать чрезъ него старцу Нилу бутылку лампаднаго масла. Принимая масло это, старецъ Виль обыкновенно говорилъ: „спаси ее Господи!“ Разъ

привозить Θεодоръ старцу Нилу по прежнему обычаю бутылку масла отъ Маріи Косьминой. „Хорошо ли масло?“ спрашиваетъ старецъ.—Кажется хорошо, батюшка,“ отвѣчалъ ему Θεодоръ, недоумѣвая, къ чему этотъ вопросъ. „Хорошо ли? повторилъ опять старецъ,—не пылко ли?“—„Нѣтъ, хорошо,“ повторилъ Θεодоръ. Тогда старецъ; перекрестившись трижды: „Спаси ее Господи! спаси ее Господи! спаси ее Господи!“ Въ полномъ недоумѣніи о значеніи этихъ словъ старца, оставилъ его Θεодоръ, не смѣя его вопрошать о настоящемъ ихъ значеніи. и лишь предчувствуя, что въ нихъ таится таинственный смыслъ. Вскорѣ послѣ этого, въ селѣ Парскомъ случился пожаръ; всѣ дома улицы, гдѣ жила Марія Косьмина, сдѣлались жертвой пламени; но лишь дошло оно до ея дома, какъ вдругъ повернуло назадъ, оставивъ домъ ея цѣлымъ и невредимымъ. Узнавъ объ этомъ событіи, монахъ Θεодоръ ясно понялъ, что къ нему именно относились загадочные слова старца, и что молитвы его преподобныя спасли домъ почитавшей его женщины.

Старецъ Ниль, пока позволяли ему силы и зрѣніе, не оставлялъ иконописанія. Любилъ онъ это занятіе и приступалъ къ нему съ благоговѣніемъ и молитвой, какъ къ дѣлу Божію. Особенно любилъ онъ изображать лики Матери Божіей и Ея предвѣчнаго Сына, Богомладенца Христа. Мы уже знаемъ, что руками своими сподобился онъ написать вѣрные списки съ Богоматернимъ чудотворныхъ иконъ—Іерусалимскія и Иверскія; впервые изъ нихъ прославленъ знаменіями Божіей благодати, и по особому внушенію свыше отосланъ старцемъ на Аѳонъ, въ русскій Паптелемоновъ монастырь. Лишившись сей святости, сего благоднаго утѣшенія боголюбивой души своей, старецъ Ниль, приготовившись постомъ и молитвой, приступилъ къ написанію для своей кельи иконы Богоматери, именуемая Кипрскою, или Кикіотисскою, которую и написалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Икона эта, имъ же и освященная, долгое время находилась въ его кельи и была свидѣтельницей его молитвенныхъ бдѣній, слезъ и воздыханій. Икона сія тоже ознаменована нѣкоторыми проявленіями Божіей благодати: такъ угасшая предъ нею лампада, неоднократно са-

ма собою возжигалась въ глазахъ старца, и слезы въ ней умножались такъ, что доставало его для горѣнія на многіе дни. Это бывало во дни болѣзни старца, когда самъ онъ не имѣлъ силъ поправить лампаду, и ясно свидѣтельствоваало, что труды рѣкъ его въ написаніи сей святой иконы благословлены Богомъ. Эта же самая икона, по словамъ старца, не разъ спасала келью его отъ пожара и отъ разбойниковъ, и его самого, отъ явной смерти. Вотъ что пишетъ онъ о сей иконѣ въ своихъ запискахъ: „Есть у меня великое утѣшеніе въ кельи, святая и чудная, не погрѣшу если назову и чудотворная икона Пресвятыя Богородицы. Она нарицается Кикіотисскою или просто Кипрекою. Это сокровище для меня грѣшнаго неопѣнимо. Я видѣлъ ясно дивныя отъ нея бывшія и бывающія чудеса. Былъ во едино время нужное гласъ съ лучею свѣтлою отъ нея. Предъ этою святою иконою, въ вечеръ глубокъ, я грѣшный читалъ по обыкновенію акаѣиствъ Богородицѣ, и вдругъ въ окно келіи кто-то застучалъ и заговорилъ. Я открылъ завѣску, смотрю, кто. Человѣкъ, показуя большой ножъ, называетъ меня по имени и требуетъ денегъ, угрожаетъ ножемъ, говоря: „либо давай деньги, либо убью.“ Назначаетъ и число денегъ. Я ему говорю, что нѣтъ у меня столько денегъ; если бы были, я бы тебѣ съ любовію отдалъ. Онъ ярится, топаетъ ногами, требуетъ настоятельно. Я ему говорю: „вотъ есть четвертакъ, возьми его, если угодно, а больше нѣтъ у меня.“ Онъ много говорилъ, наконецъ сказалъ: „ну, давай хоть его.“ Я взявши свѣчу, въ мантии и епитрахили, вышелъ къ нему изъ келіи и увидѣлъ человѣка, покрывшаго свою голову своею одеждою. Я далъ ему четвертакъ, сказавъ: „если бы были деньги, то я бы съ любовію тебѣ далъ.“ И онъ тихо сказалъ: „ну Богъ съ тобою, оставайся съ миромъ,“ и пошелъ въ лѣсъ. Чудное дѣло, тогда вовсе былъ я безъ страха, и видѣлъ явственно заступленіе Владычицы. Но вдругъ кознь и дѣйствіе врага показалось: только что взошелъ я въ келію, онъ навелъ на меня необыкновенный страхъ, такъ что едва могъ перенести его, чуть не вышелъ изъ келіи. Но Владычица и здѣсь скорую явила мнѣ милость, и исчезъ совершенно вражій страхъ.“ Свѣтлы

икона эта еще при жизни старца украшена однимъ благодѣтелемъ его серебряною ризою, и нынѣ находится на горнемъ мѣстѣ теплой церкви Нило-Сорской пустыни, гдѣ предъ нею теплится неугасимая лампада, и постытели пустыни питаютъ къ ней большое благоговѣніе, равно и братія, ибо неоднократно видимы были отъ нея явныя знаменія и исцѣленія. По словамъ одного епископа пустыни, потухшая лампада возжигалась предъ нею сама собою въ церкви, гдѣ она теперь находится со смерти старца и прелекаетъ къ себѣ благоговѣніе благочестивыхъ душъ. Въ подтвержденіе святости иконъ, написанныхъ и освященныхъ старцемъ, не лишне будетъ сказать со словъ келейника его, отца Герасима, какъ старецъ совершалъ самое освященіе ново-написанныхъ имъ иконъ. Намѣреваясь писать икону особенно большаго размѣра, старецъ усугублялъ постъ и молитву, а по написаніи иконы ставилъ ее въ своей келліи и звалъ обычно келейника своего на всенощное бдѣніе. „Что за праздникъ у насъ завтра, батюшка?“ спросить бывало его келейникъ.—„У меня завтра табельный день,“ отвѣчаетъ старецъ и укажетъ на ново-написанную икону. Бдѣніе отправляетъ тому святому, чье изображеніе на иконѣ, и продолжается всенощная около 4 часовъ, полною праздничною службой. Затѣмъ на утро, отслуживъ по обычаю свою раннюю литургію, совершаетъ водосвятный молебенъ, прочитываетъ положенныя молитвы на освященіе иконы, окропляетъ ее святой водой, благоговѣнно ей потомъ поклоняется и лобызаетъ ее,—и готова святая икона, святая во истинну, ибо освящена усердными молитвами видимаго избранника Божія. Дивно ли поэтому, что иконы, имъ писанныя и освященные, оказывали благодатныя дѣйствія. Любилъ старецъ Нилъ продолжительныя всенощныя бдѣнія, особенно подъ великіе Господскіе и Богородичныя праздники: онъ старался подражать уставу афонскихъ монастырей и какъ можно долѣе продолжать всенощное бдѣніе. Около 12-ти часовъ сряду длилось у него вообще праздничное богослуженіе въ подобные дни. Конечно не многіе могли выносить подобную долгую службу, и мало было охотниковъ раздѣлять ее съ старцемъ; но онъ этого и не

Искалъ, самъ съ келейникомъ своимъ, иногда съ двумя, съ тремя единомысленными братіями, начать и кончить онъ подобное бдѣніе во славу Божию. Пѣніе и чтеніе у старца было не спѣшное, внятное и протяжное; все положенное по уставу церкви выполнялось имъ въ точности, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній; нерѣдко со слезами и плачемъ отправляетъ бывало онъ службу, останавливаясь съ чувствомъ на всякомъ словѣ. Въ 4 часа пополудни подь праздникъ, начиналъ бывало онъ 9-й часъ, потомъ малую вечерню; стихиры и стиховны пѣлъ, неспѣшно и протяжно, потомъ читалъ малое повечеріе, канонъ и акаѳистъ сладчайшему Господу Иисусу, канонъ и акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, канонъ св. Ангелу хранителю и канонъ св. причащенію, въ каковой службѣ и проходило 2½ часа времени. Въ половинѣ 7-го часа пополудни начиналъ всенощное бдѣніе, начинательный псаломъ съ первыхъ стиховъ пѣлъ очень протяжно, а прочіе читалъ неспѣшно, прибавляя къ каждому стиху припѣвы: „дивны дѣла твои Господи!“ и—„вся премудростію сотворилъ еси!“ Конецъ псалма опять протяжно пѣлъ. „Блаженъ мужъ,“ 1 антифонъ весь пѣлъ весьма протяжнымъ напѣвомъ, прибавляя къ каждому стиху: „Аллилуіа.“ На „Господи возвахъ,“ какъ стихи, такъ и стихиры, пѣлъ неспѣшно, по гласамъ, такъ же и стихиры литійныя и стиховны. Каѳизмы всѣ вычитывалъ неспѣша, сѣдальны же пѣлъ сидя, что и было единственнымъ отдохновеніемъ у него для ногъ. Два полвелейныхъ псалма всѣ пѣлъ на распѣвъ по стихамъ, весьма продолжительно, также и величаніе съ стихами избраннаго псалма, въ точности по количеству стиховъ, съ величаніемъ послѣ cadaго стиха. Полвелейные сѣдальны и антифоны тоже пѣлъ неспѣшно. На канонахъ ирмосы пѣлъ по дважды, также и катавасію, а тропари исполнялъ на 12, распѣвомъ на гласъ, подобно тому какъ поется канонъ Пасхи. На праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, по 6-ой пѣсни канона, прочитывалъ акаѳистъ Успенію Богоматери со всѣми молитвами. Хвалитны какъ псалмы, такъ и стихиры, пѣлъ протяжнымъ напѣвомъ на гласъ. Затѣмъ славословіе великое и первый часъ тоже не скоро у него совершались; и конча-

дось всенощное его бдѣніе далеко за полночь, занявъ около 6 часовъ времени. Затѣмъ сейчасъ же прочитывалъ молитвы къ св. причащенію, по окончаніи которыхъ начиналъ проскомидію и очень долго ее совершалъ, неууступливо помпная при ней живыхъ и усопшихъ въ большомъ количествѣ. Совершивъ проскомидію, служилъ водосвятный молебенъ и потомъ божественную литургію. На праздникъ Успенія Богоматери, — храмовой его скита, — вслѣдъ за литургіей совершалъ крестный ходъ вокругъ скита, при чемъ читалъ снова канонъ и акаѳистъ Успенію Богоматери, съ остановкою 4 раза для крошенія св: водою зданій скита и его ограды; затѣмъ провозглашалъ многолѣтіе Государю и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, митрополиту и настоятелю пустыни съ братіей, и тѣмъ завершалъ богослуженіе дня, употребивъ на него около 3¼ часовъ времени. Въ сложности вся служба, почти безъ перерывовъ продолжалась у него 12 часовъ. Къ 5 часамъ утра праздничная служба вся у него обычно кончалась, ибо любилъ старецъ раннее литургіисаніе, говоря, что на небѣ всегда рано утромъ служба Божія у святыхъ идетъ. Въ будничные дни, всю службу церковную старецъ неууступительно совершалъ въ своей скитской церкви, вечерню, повечеріе съ канонами, утреню съ 1 часомъ. Совершалъ ее по большей части одинъ, а на литургію приходили къ нему два-три пѣвца. Совершалъ самъ и литургіи почти ежедневно, пока былъ въ сплахъ, но совершалъ очень рано, часа въ три пополуночи, потому что по ночамъ онъ рѣдко когда спалъ, а если когда и приходилось ему ночью уснуть, то не чаще двухъ разъ въ недѣлю; днемъ же отдыхалъ очень недолгое время. Отъ подобнаго лишенія нужнаго отдохновенія сномъ, приходилъ онъ иногда въ крайнее изнеможеніе тѣлесное, но духъ превозмогалъ въ немъ надъ немощію плоти, въ чемъ много содѣйствовало ему ежедневное приобщеніе св. Христовыхъ таинъ. Старецъ въ теченіи многихъ лѣтъ жизни своей, ежедневно причащался св. таинъ; въ дни, когда литургіи церковію не положены, приобщался онъ запасными Дарами, и даже въ великій страстной пятокъ, въ глубокой вечеръ приобщался запасными Дара-

ми. Старець признавался келейнику своему, отцу Герасиму, что около 20 лѣтъ провелъ онъ такъ, ежедневно сподобляясь причащенія св. таинъ, и говорилъ, что причащеніе св. таинъ видимо поддерживаетъ силу души его и тѣла. Послѣ причащенія св. таинъ, старецъ имѣлъ обыкновеніе нѣкоторое время проводить въ глубокомъ молчаніи и сосредоточеніи въ самого себя, что и другимъ совѣтовалъ дѣлать, особенно лицамъ, освященнымъ, говоря, что нужно дать, въ тишинѣ и молчаніи, удобство св. тийнамъ воздѣйствовать спасительно и цѣлбно на душу, болящую грѣхами. Когда самъ онъ литургисалъ, то любилъ литургисать уединенно и тяготился присутвіемъ постороннихъ лицъ. Если иногда и допускалъ на свое литургисаніе близкихъ знакомыхъ мужескаго пола или братій обители, по ихъ желанію и просьбѣ, то всегда этимъ видимо отягошался, женскому же полу отнюдь не позволялъ входить не только въ свою скитскую церковь но и въ самую ограду ея. Весьма рѣдко выходилъ онъ иногда за ворота скитской ограды, чтобы благословить знакомыхъ женщинъ—благотворительницъ пустыни, но ни въ какіе разговоры съ ними никогда не вступалъ. Благословить и сейчасъ же уходить, а вопросы о нуждахъ духовныхъ болѣе принималъ на запискахъ, на которыхъ начертывалъ отвѣты карандашемъ и отсылалъ ихъ вопрошавшимъ чрезъ келейника. Иногда же на нѣкоторые вопросы совсѣмъ не отвѣчалъ, и на всѣ просьбы келейника своего отвѣтить что-либо и тѣмъ утѣшить вопрошавшихъ оставался неумолимъ. Однажды лѣтнимъ временемъ старецъ совершалъ божественную литургію въ своей скитской церкви, совершалъ по обычаю своему рано до солнечнаго восхода. Постороннихъ въ церкви никого не было, присутствовали при немъ келейникъ его прислуживавшій въ алтарь и два пѣвца на клиросѣ. Когда старецъ вышелъ читать замвонную молитву, очень внимательно и строго посмотрѣлъ въ уголь церкви за нечкой, что замѣтилъ его келейникъ, раздроблявшій антидоръ по числу присутствовавшихъ въ церкви лицъ. Старець подозвалъ его и велѣлъ положить лишній кусочекъ антидора на тарелку. Недоумѣвая, чтобы это значило, келейникъ исполнилъ его приказаніе, но

по раздачѣ старцемъ антидора, лишній кусочекъ этотъ остался цѣлымъ на тарелкѣ. По окончаніи обѣдни, старецъ говорилъ келейнику своему: зачѣмъ не запрасть онъ двери, церкви, во время совершенія литургіи и пускаютъ туда постороннихъ лицъ. „Батюшка, двери были заперты и постороннихъ въ церкви никого не было“, сказалъ ему келейникъ.—„Какъ никого не было, возразилъ старецъ,—а кто это у печки въ церкви стоялъ?“ сказалъ это и замолчалъ; замолчалъ и келейникъ, ибо замѣтилъ, что старцу было видѣніе, имъ однимъ только усмотрѣнное. Кто былъ видѣнный имъ? вопрошалъ потомъ старца келейникъ, и старецъ понявъ, что кромѣ него никто его не видалъ тамъ, объяснилъ, что видѣлъ онъ въ церкви, въ углу за печкой, стояшаго неизвѣстнаго ему человѣка въ монашеской одеждѣ. „Но не нашего монастыря,“ присовокупилъ старецъ, и болѣе ничего уже о семъ не сказалъ.—Старецъ Ниль былъ истиннымъ постникомъ въ полномъ смыслѣ: обыкновенную пищу его составляли сухарики съ водою въ вчень умѣренномъ количествѣ, и только въ праздники и воскресные дни, послѣ литургіи, позволялъ онъ себѣ выпить чаю, и то не свыше двухъ чашекъ. Рыбы никогда онъ не вкушалъ, молоко же разрѣшалъ въ очень не многіе дни въ году, именно: во всю недѣлю Пасхи, на Рождество Христово и Богоявленіе, на Успеніе Богоматери и на сырной седмицѣ. На весь великій постъ св. Четыредесятницы затворялся онъ въ строгій затворъ въ своей келліи, и содержалъ суровый постъ, весьма рѣдко и мало вкушая даже свою обычную скудную пищу—сухарики съ водой. Выходилъ изъ затвора своего только въ Лазареву субботу вечеромъ, къ всеобщему бдѣнію на недѣлю Вай. Также и послѣ праздника Вознесенія Господня опять затворялся въ своей келліи, и не выходилъ изъ нея до навечерія Пятидесятницы. Умѣренность въ принятіи пищи была отчасти необходимостью для старца,—желудокъ его былъ очень неисправенъ, и причинялъ ему не малыя страданія. Естественныя очищенія желудка бывали у него разъ или два раза въ мѣсяць, не чаще, и сопровождались такою сильною болью, отъ которой старецъ приходилъ въ крайнее изнеможеніе.

Отъ неисправности желудка, старецъ почти постоянно страдалъ сильными головными болями и жаромъ въ головѣ отъ прилива крови. Отъ долгихъ стояній ноги его не рѣдко отекали, опухали какъ бревна, покрывались язвами и причиняли старцу не малая страданія. Но онъ никогда не лечился, и однакожь въ короткое время больныя ноги его сами собою исцѣлялись, припимали обычный свой объемъ и давали ему возможность продолжать свои молитвенныя стоянія. Всякое попеченіе о тѣлѣ было чуждо старцу: проникнутый страхомъ Божиимъ отъ юности, сохранилъ онъ дѣвственную чистоту души и тѣла и былъ столь цѣломудренъ, что никогда не обнажалъ своего тѣла, никогда не ходилъ въ баню и не омывался, рубашку перемѣнялъ очень рѣдко, и не иначе какъ въ темнотѣ, по большей же части носилъ ее до тѣхъ поръ, пока сама она отъ ветхости не изорвется. Рубашки носилъ изъ чернаго коленкора, очень длинныя, въ родѣ хитона; онѣ въ келліи не рѣдко замѣняли ему подрясникъ. По большей части ходилъ босой, надѣвая обувь только въ время службы въ церкви, но и тогда ея видимо тяготился. Старецъ обладалъ свѣтлымъ умомъ и замѣчательною памятью: не получивъ школьнаго образованія, чтеніемъ книгъ душеполезныхъ онъ такъ образовалъ себя, что знаніями своими удивлялъ мужей ученыхъ. Св. писаніе, творенія свято-отеческія, житія святыхъ хранились, какъ въ книгохранилищѣ, въ его памяти: онъ черпалъ изъ нихъ щедрою рукою, и всякую бесѣду свою съ ближними любилъ украшать изрѣченіями изъ нихъ, приличными случаю. Самъ онъ обладалъ врожденнымъ краснорѣчіемъ, и когда былъ еще въ силахъ, нерѣдко поучалъ Нило-Сорскую братію изустными поученіями своего сочиненія въ церкви. Сохранилось нѣсколько подобныхъ поученій его въ рукописяхъ: всѣ они проникнуты духомъ искренняго благочестія и теплою любви къ ближнимъ, носятъ отпечатокъ направленія подвижническаго, и богато наполнены примѣрами и изреченіями святыхъ отцевъ. Старецъ велъ также не малую переписку съ разными духовными и мірскими лицами, близкими ему по духу: въ письмахъ этихъ видно искреннее и нелицемѣрное смиреніе старца. Вездѣ онъ се бя

уничижаетъ, вездѣ ближняго выше себя ставить, рѣдко когда позволяеть себѣ сказать что-либо въ назиданіе духовное ближнему, и то какъ бы не отъ себя, а отъ твореній святыхъ отцевъ, ихъ словами и изреченіями *). Любимымъ занятіемъ старца послѣ иконописи было составленіе священныхъ пѣснопѣній во славу Божию, Богоматери и святыхъ, къ чему имѣлъ онъ особое дарованіе. Церковные каноны, акаѳисты, молитвы въ довольномъ количествѣ были имъ собственноручно писаны, но къ сожалѣнію не всѣ dokonчены. Между прочимъ написаны имъ служба и акаѳистъ преподобному Нилу Сорскому чудотворцу, не имѣвшему до того особой службы. Служба преподобному Нилу, нѣсколько исправленная Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря архимандритомъ Варлаамомъ, въ послѣдствіи архіепископомъ Черниговскимъ, съ разрѣшенія св. Синода, напечатана, акаѳистъ же преподобному, трудовъ старца, доселѣ находится въ рукописи. Имъ же начаты службы церковныя въ честь иконы Богоматери Кипрскія, ея келейной святыни, съ акаѳистомъ; въ честь св. праведнаго Фларета Милостиваго; въ честь преподобнаго Паисія великаго; въ честь преподобнаго Марка Аѳонскаго. Благоговѣя къ памяти святопочившаго старца Саровскія пустыни отца Серафима и признавая въ немъ истиннаго угодника Божія, отецъ Нилъ началъ было и въ честь его составлять службу церковную, на 2 января, — день кончины отца Серафима. Еще остались въ рукописи его трудовъ молитвы къ Богоматери, на каждый день седмицы, преисполненныя теплаго чувства молитвеннаго. Вообще всѣ подобныя творенія старца отличаются духомъ молитвеннымъ и покаяннымъ: видно, что изливались они изъ тайника боголюбивой души его, составляли плодъ ея богомыслия молитвеннаго. Вотъ между прочимъ нѣсколько похвальныхъ кондаковъ и икосовъ изъ неконченнаго имъ акаѳиста Пресвятой Богородицы

Кондакъ 1. „Пѣснь похвальную, любовію и страхомъ Тебѣ приносимую, пріими отъ твоего раба, о Божія Мати Царице: Тебе бо грѣшный имамъ пристанище еси

*) Большая часть писемъ старца, по завѣщанію его, по смерти его преданы огню.

есія, и Тобою избавляемъ отъ всякихъ бѣдъ, умильно зову Тя: радуйся, Мати Божія, неизреченная всѣхъ радости, и мне отчаянному всенадежное спасеніе.“—*Икосъ 1.* „Ангельскихъ силъ Пречестнѣйшую, и святыхъ всѣхъ Пребольшую, Царицу небесе и земли, и твари всея Госпожу и Владычицу, воснѣти дерзая, ужасаюся зѣло яко недостойный, опаче любовію влекомъ, со страхомъ воію къ Ней таковая: радуйся, предъизбранная отъ всѣхъ родовъ Отроковице, радуйся, родшая Царя царей, Госпоже всѣхъ и Царице. Радуйся величествомъ достоинства надъ всѣми превознесенная, радуйся паче всѣхъ небесныхъ чиновъ предпочтенная. Радуйся отъ всѣхъ чиновъ ангельскихъ воспѣваемая и превозносимая, радуйся облеченная въ солнце, и небесная вся озаряющая. Радуйся, отъ небесныхъ и на земная милостивно призирающая, радуйся, вѣрою Тя призывающихъ спасающая. Радуйся, Мати Божія, неизреченная всѣхъ радости и мнѣ отчаянному всенадежное спасеніе.“—*Кондакъ 2.* „Видь, Владычице, и призри милостивно на усердное произволеніе твоего раба, и прими пѣснь сію отъ недостойнаго, подая ми твоими молитвами грѣховъ прощеніе, да и азъ совсѣмъ. Тобою получившими спасеніе, радуюся пою: Аллилуіа,“—*Икосъ 2.* „Разумная вся чиновачалія ангельская, херувими и серафими, пламенными усты воспѣваютъ Тя, Владычице, и вси роды челоуѣчестіа благоговѣють, блажаще Тя, яко истинно сущую Божию Матерь. Азъ же грѣшный, оскверненное имѣи сердце и устѣи нечистыя, како дерзну пѣти Тя? Обаче благая сущи вѣрою мою прими: Ты бо вѣси любве сердечныя влеченіе, и подаеши ми произволеніе приглашати Тебѣ: Радуйся прежде вѣкъ предувѣдѣнная, радуйся, отъ всѣхъ родовъ предъизбранная. Радуйся, челоуѣческаго рода обновленіе, радуйся, пророческихъ прореченій совершенное исполненіе. Радуйся небесе и земли прекрасное одобреніе радуйся ангеломъ и челоуѣкомъ велелѣнное хвалословіе. Радуйся, святителей богокрасная пѣснь, радуйся, Царя царствующихъ порфире и багрянице. Радуйся, небесныи и земными обладающая всѣхъ Царице, радуйся, прелюдобныхъ присноготовая въ подвизѣхъ помощнице. Радуйся, грѣшнымъ споручнице спасенія, радуйся, кающихъ

ся ходатаице нешестидная. Радуйся, Мати Божія, неизреченная всѣхъ радости, и мнѣ отчаянному всепадежное спасеніе.“

Кромѣ церковныхъ пѣснощѣній и молитвословіи, старецъ написалъ еще цѣлую книгу главизнъ душеполезныхъ, и что въ родѣ сборника выписокъ, изъ святоотеческихъ твореній имъ выбранныхъ примѣнительно къ духовнымъ потребамъ современнаго монашества. Объ этой книгѣ онъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ запискахъ, но гдѣ она уцѣлѣла ли послѣ его смерти, или же сожжена вмѣстѣ съ его письмами, остается неизвѣстнымъ. Вотъ что между прочимъ пишетъ о ней старецъ въ своихъ запискахъ: „Еще начата мною писаться книга большая главизнъ, но едва ли совершится, за обдержаніемъ уже меня многопомощностію; есть и совершенные.“ Такимъ образомъ трудолюбивый старецъ немало потрудился и въ писаніи во славу Божию и на пользу душевную ближнихъ своихъ. Господь неоднократно являлъ ему видимое свое благоволеніе, что не мешало однако старцу все болѣе погружаться въ святое эмпирическое: таково свойство святыхъ—чѣмъ святѣе ихъ жизнь, тѣмъ грѣшнѣе видятъ и сознаютъ они себя предъ Богомъ. Когда освящали храмъ въ новомъ Успенскомъ скиту старца, стоялъ онъ въ своей келліи, которая при храмѣ этомъ находилась, весь погруженный въ богомыслие и молитву умную. И вотъ когда по чину начали омыять при освященіи св. престолъ, услышалъ онъ надъ собою дивное ангельское пѣніе: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы твоя!“ Сладостное утѣшеніе отъ пѣнія этого, троекратно повторившагося, наполнило его душу и на нѣсколько дней сохранилось въ ней: какъ бы прислушиваясь въ тайникѣ души своей къ отголоскамъ этого чуднаго пѣнія, старецъ былъ все это время сосредоточенъ въ себѣ, и только неземною радостью сіяло его лице.—Въ одно время старецъ сильно заболѣлъ, не могъ не только служить, но даже и головы поднять, совсѣмъ ослабѣлъ и лежалъ на своемъ ложѣ полумертвъ. Келейникъ его, отецъ Герасимъ, часто его навѣщаль. Такъ продолжалось нѣсколько дней, старцу все не было лучше и положеніе его очень оза-

Жочивало его келейника. Случился Богородичный праздник: накануне его, часу въ 4-мъ пополудни келейникъ пришелъ къ старцу и нашелъ его въ прежнемъ болѣзненномъ положеніи. Спустя часъ времени опять къ нему пришелъ, и къ удивленію своему видитъ, что старецъ уже въ церкви и бодро читаетъ тамъ малое повечеріе, совсѣмъ крѣпкій и здоровый. „Батюшка, давно ли вы встали?“ спросилъ онъ его удивленно. „Да Царица небесная возставила меня отъ одра болѣзни, чтобы могъ я праздновать Ея праздникъ и отслужить Ей,“ отвѣчалъ старецъ и началъ подробно рассказывать свое исцѣленіе. „Когда ты ушелъ отъ меня, я въ большомъ изнеможеніи находился и очень скорбѣлъ, что праздникъ Владычицы останется у меня безъ служенія. Отъ изнеможенія задремалъ, вижу—входитъ ко мнѣ въ келлію молодого вида монахиня въ длинной мантии, подонла ко мнѣ очень близко и говоритъ мнѣ: „Нилъ, я вѣдь монахиня!“ Потомъ спросила меня: „ты боленъ?“ и взявъ кадило, трижды покадила меня. Я тотчасъ проснулся, думалъ ей поклониться, смотрю никого нѣтъ въ келліи. Всталъ съ великою радостью совсѣмъ здоровый, болѣзни какъ не бывало, и вотъ уже прочиталъ здѣсь малую вечерню, кончаю повечеріе, давай съ Богомъ всенощное бдѣніе начинать.“ Начали бдѣніе, продолжали около 4 часовъ; на утро литургію самъ старецъ служилъ, бодро, безъ всякаго ослабленія тѣлеснаго. Съ тѣхъ поръ совершенно отъ болѣзни своей выздоровѣлъ, и по прежнему сталъ подвизаться въ трудахъ молитвенныхъ. За то великое гоненіе терпѣлъ старецъ Божій отъ духовъ нечистыхъ, подвергался отъ нихъ жестокимъ нападеніямъ, особенно подъ конецъ своей жизни. Келейникъ его, отецъ Герасимъ рассказывалъ, что въ одинъ день, по принятіи св. таинъ, старецъ прилежъ на полъ отдохнуть, а онъ съ благословенія старца пошелъ въ обитель, имѣлъ онъ обыкновеніе запираеть на ключъ двери келліи старца, также и калитку скитской ограды. Такъ и теперь сдѣлалъ. Прійдя отъ обѣда въ скитъ, нашелъ онъ старца видимо возмущеннымъ. „Ахъ, рабъ Божій, какіе у меня сейчасъ гости были!“— „Кому же у васъ быть когда всѣ двери келліи и ограды были заперты мною на ключъ;

неужь-то кто чречь ограду перешель къ вамъ?“ возразилъ удивленно келейникъ. Тогда старецъ сталъ ему говорить: „Какъ ушелъ ты обѣдать, келья наполнилась нечистыми и злобными духами, въ самыхъ отвратительныхъ видахъ и подобіяхъ; взяли меня и подняли съ полу до потолка, и сразу опять опустили на полъ; такъ сильно я разбился, что еле дышу. Одинъ изъ нихъ, по-видимому самый злобнѣйшій, заскрежеталъ зубами и сердито сказалъ: „долго ли ты еще проживешь, изможденный и хилый старикъ?“ И вдругъ всѣ исчезли, вотъ не задолго до твоего сюда прихода.“ Келейникъ очень утрашился отъ сего разсказа старца, и очень соболѣзновалъ полученному имъ удару, ибо и безъ того старецъ былъ очень слабъ тѣломъ, а тутъ еще такой сильный ударъ получилъ. Но старецъ бодро и терпѣливо переносилъ страданія отъ него, не страшился козней бѣсовскихъ, и келейника укрѣплялъ не молодушествовать и не бояться. „Богъ съ нами, кто на ны?“ говорилъ старецъ и усугублялъ свои молитвы къ Богу о помощи и защитѣ. Послѣ этого на второй день, около полудня, келейникъ опять пошелъ въ сбитель и опять заперъ на ключъ двери келліи старца и калитку скятской ограды. Когда возвратился онъ къ старцу, тотъ сказалъ ему: „Зачѣмъ, уходя, не запираешь ты дверей келліи?“ Зная, что двери келліи были имъ заперты, келейникъ не оправдывался предъ старцемъ, а только спросилъ его: не было ли у него опять первыхъ посѣтителей? „Да, и сегодня кто-то у меня здѣсь былъ безъ тебя; когда ты ушелъ въ обитель, слышу въ корридорѣ за дверями кто-то молитву творить. Сперва думалъ я, что это ты воротился, но потомъ слышу уже изъ прихожей опять ту же молитву, и попялъ, что это не ты: тихо отвѣтилъ: „аминь.“ Двери открылись, и вошли какъ бы двое, одинъ сталъ возлѣ меня, а другой поодаль отъ меня, и молча на меня глядѣли. Я тоже молчалъ, и даже головы не могъ поднять. Постояли немного и ушли, а кто были они, Богъ вѣсть.“—Съ наступленіемъ 1870 года старецъ Нилъ сталъ видимо ослабѣвать силами тѣлесными. Зрѣніе его помрачилось; е могъ онъ уже самъ служить, не могъ вычитывать по

обычаю своему всю службу церковную, но не оставлялъ ежедневно причащаться св. таинъ. Правило причастное сполна ежедневно вычитывалъ ему келейникъ, и причастившись раннимъ утромъ св. таинъ, старецъ затѣмъ съѣдалъ небольшую часть просфоры съ теплой водой, и тѣмъ только поддерживалъ свое существованіе. Иной пищи онъ уже не вкушалъ и всячески отъ нея отказывался. Мысль о смерти давно была неразлучна съ старцемъ: еще за нѣсколько лѣтъ до смерти своей приготовилъ онъ себѣ молилу близъ алтаря скитской своей церкви, а также и гробъ, который всегда стоялъ въ его келіи на полу. Подлѣ него любилъ онъ ложиться для отдыха и глядя на него, размышлялъ о неизбѣжности часа смертнаго. Погребальныя вещи всѣ были имъ тоже заготовлены заранѣе и хранились въ гробѣ; на крышкѣ его стоялъ павихидный крестъ и чашка скутьей и медомъ. Здѣсь любилъ старецъ цѣть заукойныя литіи, ими заживо отпѣвалъ себя, готовился молитвенно къ переходу въ вѣчность. Написалъ старецъ и духовное завѣщаніе, въ которомъ трогательно и молитвенно обращается къ Нило-Сорской братіи, всѣхъ прощаетъ, у всѣхъ и себѣ прощенія испрашиваетъ, и просить по смерти не забывать его въ молитвахъ. О какомъ-либо стяжаніи и распоряженіи имъ нѣтъ и рѣчи въ этомъ завѣщаніи; старецъ нищій духомъ и тѣломъ, таковымъ явился и покончинѣ: если и получалъ онъ пожертвованія и деньги, то употреблялъ ихъ цѣлостію на тотъ предметъ, на какой пожертвованы, не оставляя себѣ ничего. Такъ вся Нило-Сорская пустынь и оба скита ея — Предтеченскій и Успенскій обстроились, украсились и обезпечились по преимуществу чрезъ посредство старца Нила, который привлекалъ къ себѣ усердіе народное, и получая пожертвованія отъ благотворителей, не таилъ ихъ у себя, но что получалъ, то и отдавалъ или употреблялъ, куда нужно или назначено было данное пожертвованіе, на пользу Нило-Сорской обители и ея скитовъ. На счетъ своихъ келейныхъ убогихъ вещей старецъ прозорливо говорилъ своему келейнику: „теперь если кто проситъ у тебя что-либо на благословеніе изъ моей келіи, подожди давать; а когда я умру, то все

раздай, тогда и тряпки-то всё разберутъ, и, Богъ благословить, давай тогда, пусть поминаютъ меня.“ Такъ и случилось въ точности; толпы народа осаждали келейника старца послѣ его смерти, прося себѣ на память и благословеніе пзъ его келии хоть что-нибудь самое пустое. Кому книжечку, кому пконочку, кому картинку какую, даже всё платочки и утиральнички старца, до 40 дней, все было роздано усердствовавшимъ къ его памяти.—Съ наступленіемъ Іюля 1870 года, старецъ Ниль совсѣмъ ослабѣлъ; видимо близился къ кончинѣ, большею частію лежалъ на полу возлѣ своего гроба, и всѣмъ прямо говорилъ, что скоро-скоро оставитъ онъ юдолю земную. 19 Іюля, въ навечеріе праздника св. пророка Іліи, къ вечеру старецъ, сталъ до нельзя ослабѣвать, не могъ уже приподняться, и когда зазвонили въ обители къ всенощному бдѣнію, съ трудомъ могъ даже перекреститься. Келейникъ его, отецъ Герасимъ, собираясь идти въ церковь на бдѣніе, просилъ у него на это благословеніе. Онъ съ любобію его благословилъ и отпустилъ отъ себя. Возвратившись отъ бдѣнія въ 10 часу вечера, келейникъ привелъ съ собою нѣкоторыхъ изъ братій посѣтить болящаго старца, и только что успѣлъ войти къ нему, видитъ, что старцу очень трудно. Св. Христовыхъ таинъ послѣдніе два дни пріобщался онъ уже изъ рукъ духовника своего, самъ не могъ уже пріобщиться, что до того всегда дѣлалъ. Думали, что старецъ доживетъ до утра и снова причастится св. таинъ, но этого не случилось. Старецъ уже не говорилъ, и только усиленно ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ. Пришедшая братія, вмѣстѣ съ келейникомъ, безмолвно окружали его одръ и замѣтили, что дыханіе его стало прерывисто, вздохи слышались все рѣже и рѣже. Бывшія въ числѣ ихъ іеромонахъ началъ читать отходную молитву; во все время ея старецъ ограждалъ себя неоднократно крестнымъ знаменіемъ. По прочтеніи молитвы, послѣднее крестное знаменіе не могъ уже вполнѣ совершить, рука ослабѣла и упала, и онъ испустилъ духъ. О кончинѣ прснопамятнаго старца трп удара большого колокола извѣстили братію Нило-Сорской пустыни; тотчасъ пришли къ его тѣлу настоятель и вся почти братія пус-

тыни; іеромонахи облекли старца во всю схимонашескую одежду, положили его въ гробъ и поставивъ его тутъ же въ келліи, начали чтеніе надъ нимъ св. Евангелія, которое и не прекращалось до самого его погребенія. Трое сутокъ стояло тѣло старца въ гробу въ его келліи. Старець очень желалъ, чтобы на погребеніи его никого не было изъ постороннихъ посѣтителей, и даже просилъ келейника своего, никого не извѣщать изъ мірянъ о его кончинѣ. Тѣмъ не менѣе слухъ о ней распространился по окрестности, и толпы народа разныхъ званій и состояній наполнили Нило-Сорскую пустынь, чтобы отдать послѣдній долгъ свято чтимому старцу и проводить тѣло его до могилы. Несмотря на теплое время года и трехсуточное стояніе тѣла въ тѣсной душной келліи, никакого запаха смертнаго или разложенія не было примѣтно въ тѣлѣ почившаго старца: напротивъ, легкое вѣяніе ароматное было ощутительно изъ него для многихъ даже изъ мірянъ. 23 Іюля, заупокойная утренняя и ранняя литургія были совершены въ Нило-Сорской пустыни въ соборѣ, а поздняя литургія совершена въ церкви Успенскаго скита старца духовникомъ его—іеромонахомъ Симеономъ, впоследствии іеросхимонахомъ Сергіемъ. Предъ литургіей, тѣло старца вынесено изъ келліи его въ эту церковь, гдѣ и стояло въ продолженіе литургіи, по окончаніи которой настоятелемъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря, архимандритомъ Іаковомъ, въ сослуженіи іеромонаховъ Нило-Сорской пустыни, совершено отпѣваніе старца. Послѣ заупокойной литіи, тѣло его обнесено вокругъ скитской церкви при пѣніи прмосовъ великаго канона и предано землѣ въ заранѣе приготовленной имъ самимъ могилѣ. Могила эта находится подъ поломъ ризницы, пристроенной съ восточной стороны Успенской скитской церкви, подлѣ ея алтаря. Теперь на могилѣ старца находится плита чернаго мрамора, съ надписью о годахъ его рожденія, поступленія въ монастырь, постриженія въ монашество, рукоположенія въ іеродіакона и іеромонаха, постриженія въ схиму и кончины. На этой плитѣ водруженъ крестъ изъ бѣлаго мрамора, предъ которымъ теплится неугасимая лампада. Тутъ же хранятся кадило, спитрахиль и поручи,

старца, которые и употребляются при служеніи панихидъ на его могилѣ, каковыя очень часто здѣсь совершаются усердствующими къ памяти святопочившаго старца. Духовникъ старца—іеромонахъ Симеонъ, по уговору съ нимъ, совершалъ въ Успенской церкви при его гробѣ 40 дней заупокойную по немъ литургію и усердно молился о упокоеніи души его со святыми. То обстоятельство, что старецъ Ниль, въ теченіе многихъ лѣтъ ежедневно сподоблявшійся причащенія св. таинъ, не сподобился причаститься ихъ при своей кончинѣ, немало сокрушало его духовника и друга о Христѣ—отца Симеона. Онъ очень о семъ скорбѣлъ и сокрушался, обвиняя себя, что не былъ при кончинѣ старца. И вотъ однажды ночью во снѣ явился ему іеросхимонахъ Ниль и сказалъ ему: „не скорби о мнѣ, отецъ Симеонъ, я удостоился милости Божіей.“ Сестры Горицкаго Воскресенскаго женскаго монастыря, послѣ кончины приснопамятной настоятельницы своей—игуменіи Маврикіи, усердно молились о упокоеніи ея со святыми. И вотъ однажды одной изъ сестеръ монастыря явилась во снѣ почившая игуменія Маврикія и велѣла передать всѣмъ сестрамъ обители, за нее молившимся, ея благодарность за ихъ о Христѣ къ ней любовь, и сказать имъ, что милостію Божіею и ихъ молитвами, она находится теперь въ блаженной обители, уготованной старцу іеросхимонаху Нилу.—Много посѣтителей бываетъ на гробѣ приснопамятнаго старца Нила. Бывшій келейникъ почившаго отецъ Герасимъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ одно время очень много было посѣтителей на гробѣ старца, и въ самомъ скиту его была замѣтная тѣснота отъ народа. Вдругъ одна женщина, одержимая бѣснованіемъ, стала неистово кричать, упала на землю и корчилась. Бывшіе при ней люди насильно взяли ее и потащили на гробъ старца. Едва могли ее туда втащить, ибо она сильно упиралась и не хотѣла туда идти. Только что приблизили ее къ гробу старца, сейчасъ она утихла, а по отпѣтіи панихиды по немъ, совершенно успокоилась, усердно молилась Богу и съ надеждою на выздоровленіе оставила Нило-Сорскую пустынь.—Въ силу завѣщанія старца молитвенное поминовеніе о немъ

совершается съ любовію и усердіемъ въ Нило-Сорской пустыни; она чтить его память, какъ добраго подвижника Христова, и, послѣ преподобнаго ея основателя— Нила Сорскаго чудотворца, главнаго виновника ея тепершняго духовнаго и вещественнаго процвѣтанія. Да, поистинѣ старецъ іеросхимонахъ Ниль, этотъ дивный образецъ подвижничества вѣка нашего, заслужилъ себѣ вѣчную память, не только въ присной ему Нило-Сорской пустыни, столь много ему обязанной, но и отъ всѣхъ почитающихъ подвижничество и подвижниковъ христіанскихъ, по милости Божіей не оскудѣвающихъ въ отечествѣ нашемъ.

Андрей Ковалевскій.

НИЛО-СОРСКІЯ ПУСТЫНИ ПОДВИЖНИКА

іеросхимонаха Нила, молитвы къ Пресвятой Богородицѣ на всякій день седмицы.

---

1. ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

О Всемилостивая Дѣво Богородице, Мати щедротъ и человѣколюбія, прелюбезная надеждо и упованіе мое! О, Мати пресладкаго, превожделѣннаго и всяку любви превосходящаго Спасителя, Иисуса Христа, Человѣколюбца и Бога моего, Свѣте помраченныя души моя! Къ Тебѣ азъ многогрѣшный и безнадежный припадаю. Тебѣ молюся, Источнице милосердія, Дѣво Маріе, яже бездну милосердія и пучину щедротъ и человѣколюбія рождающая; помилуй мя, помилуй мя, воію Ти болѣзненно, помилуй мя всего уязвленнаго, въ лютыя разбойники впадшаго, и отъ одежды, въ нюже облече мя Отець, увь мнѣ, обнаженнаго. Тѣмъ и лежу нагъ отъ всякаго благотворенія, возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего. Владычице моя Богородице, молю Тя смиренно, воззри на мя милостивымъ твоимъ окомъ, и не возгнушайся мене всего помраченнаго, всего оскверненнаго, всего въ тинѣ сластей и страстей погруженнаго, лютъ падшаго и возстати немоущаго. Умилосердися ўбо

на мя, и даждь ми руку помощи, воздвигни мя изъ глубины грѣховныя, о, Радосте моя! избави мя отъ обышедшихъ мя; просвѣти лице твое на раба твоего, спаси погибающаго, очисти оскверненнаго, возстави падшаго люте: можешь бо вся, яко сущи Мати Бога всемогущаго. Излей на мя елей милосердія твоего, и вypo умиленія точити ми подаждь: Тебѣ бо воистинну едипу надежду стяжахъ въ животъ моему; не отрини убо мене къ Тебѣ притекающаго, но виждь скорбь мою, Дѣво, и души желаніе, и сіе прими и спаси мя, Ходатайце спасенія моего. Аминь.

II. ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Отъ скверныхъ устъ прими моленіе, о, нескверная, чистая и пречистая Дѣво Богородице! и не возгнушайся моихъ словесъ, о, Радосте моя! но призри на мя и помилуй мя, Мати Зиждителя моего. Во время живота моего не остави мене: всѣи бо, Владычице, яко на Тя всю мою надежду возлагаю, и все упованіе мое о Тебѣ есть. Тѣмъ и во время смерти моей предстани ми, Помощнице моя, радости и сладости моя: не остави мене тогда, надеждо моя и не посрами мене тогда. Вѣмъ бо, вѣмъ, Дѣво, яко многихъ грѣховъ повиненъ есмь окаянный, и трепещу помышляя часъ оный; но, Радосте моя, яви ми тогда лице твое, удиви на мнѣ милость твою, Ходатайце спасенія моего; изми мя, Владычице, отъ лютой бѣсовскія, и страшнаго и грознаго испытанія воздушныхъ духовъ, и злобы ихъ избави, и всю тогдашнюю скорбь и печаль на радость преложи, твоимъ присѣщеніемъ. И сподоби безбѣдно прейти ми начала и власти тмы, и достигнути поклонитися и престолѣ славы сѣдѣющему Христу и Богу нашему, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

III. ВО ВТОРНИКЪ.

О, пресвятая Владычице моя Богородице, Ангеловъ и Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ пречестнѣйшая, и всѣхъ святыхъ пресвятѣйшая, Дѣво Мати Божія! спаси мя смиреннаго и грѣшнаго раба твоего: Ты бо всѣи, всемилостивая Госпоже, яко всю мою надежду по Бозѣ на Тя возлагаю, и нѣсть ми инаго прибѣжища спасительнаго, токмо Ты, всеблагая: Ты моя крѣпость, Владычице, Ты моя и сила, Ты мое радованіе въ скорбѣхъ Ты мое пристанище во искушеніихъ, Ты мое исправленіе въ паденіихъ, Ты и спасеніе мое всенадежное, о, Мати Зиждителя и Господа моего! Помози ми, плавающему въ пучинѣ житія сего, лютѣ обуреваемому и бѣдствующему отъ потопленія грѣховнаго. Дажь ми руку помощи, Помощнице моя, и избави мя отъ тменія глубины, да не погрязну въ безднѣ отчаянія: буря бо грѣховъ и страстей возста на мя, и волны беззаконій погружаютъ мя. Но Ты, милосердная Мати, въ пристанище безстрастія настави и спаси мя, безнадежныхъ Надеждо и Ходатаице спасенія моего. Аминь.

IV. ВЪ СРЕДУ.

Богородице, Ты еси упованіе мое, Ты ми еси стѣна и благонадежное пристанище и спасительное прибѣжище, утомляемому страстей нахожденіи. Спаси мя отъ всѣхъ врагъ моихъ, гонящихъ душу мою и ловящихъ ю различными искушеніи: на пути бо семь, по немуже кожду, многія сѣти сокрыша ми; многія соблазны, многія неудобства, многія прелести, многія немощи душевныя и телѣсныя, уловляютъ мя въ паденія грѣховныя. И уже азъ окаянный впадохъ въ сѣти вражія, и связанъ и держимъ есмь ими: и что сотворю, отчаянный азъ, недоумѣю. Аще бо восхощу покаяться, нечувствіемъ и ожесточеніемъ одержимъ есмь; аще же плакати понуждаюся, не имамъ сокрушенія сердчнаго и слезъ ни поне единыя капли. Увы, окаянства моего! увы, бѣдности моеѣ! увы, лишенія моего! Къ кому убо прибѣгну прочее повинный азъ? токмо къ Тебѣ, благоутробная Мати Госпо-

да и Спаса нашего, ненадежныхъ надеждо, стѣно и покрове къ Тебѣ притекающихъ! Не отрини убо мене сквернаго: Тебѣ бо едину въ жизни моей стяжахъ утѣху. Дѣво Маріе Богородице, и къ Тебѣ единѣй во всякой нуждѣ прибѣгаю со дерзновеніемъ: не остави убо мене въ жизни сей и во время смерти моея предстани въ помощь, Помощнице моя, да узрять Тя вси врази мои и постыдятся, Тобою побѣжденніи, Владычице, Ходатаице спасенія моего. Аминь.

V. ВЪ ЧЕТВЕРГЪ.

Кто тебѣ по достоянію ублажити можетъ, пресвятая Дѣво, кіи уста воспѣти способны твое величіе, всякъ смыслъ превосходящее? Вся преславная о Тебѣ содѣянная таинства, Богородице, выше смысла и слова суть; красотѣ дѣвства твоего и пресвѣтлой чистотѣ твоей удивившася Херувимы и ужасошася Серафимы; чудесе бо рождества твоего нетлѣннаго ни человѣческой, ни ангельской языкъ изрещи можетъ. Отъ Тебѣ бо безлѣтній и единородный Сынъ Божій, Богъ Слово, неизреченно воплощся, родися и съ человѣки поживе, и Тя, яко Матерь свою, зѣло возвеличи, Царицу Тя всея твари показа, намъ же извѣстное спасенія пристанище. Тѣмъ вси подъ кровь твою притекающіи, различными скорбями и болѣзнями одержиміи, приемятъ отъ Тебѣ богато утѣшеніе и исцѣленіе, и Тобою отъ бѣдъ спасаются: Ты бо еси воистину Мати всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, печальныхъ радость, больныхъ цѣлительница, юнымъ хранительница, старости жезлъ, праведныхъ похвала, грѣшныхъ спасенія надежда и къ покаянію путеводительница: всѣмъ бо всегда предстательствомъ твоимъ помогаеши и всѣхъ заступаеши. Всеблагая, прибѣгающихъ къ Тебѣ съ вѣрою и любовію. Ты и мнѣ помози, отчаянному дѣяній моихъ ради, Заступнице усердная рода христіанскаго; заступи мя, да не до конца погибну во грѣсѣхъ, ибо не имамъ инаго прибѣжища и покрова, развѣ Тебѣ, Владычице Мати Живота;

не остави убо мене и не презри мя, но яже сама
всѣмъ судьбами. спаси мя, яко благословенъ еси во вѣ-
ки вѣковъ. Аминь.

VI. ВЪ ПЯТОКЪ.

Тебѣ предаю въ защищеніе животь мой, и по Бозѣ
всю надежду спасенія моего на Тя возлагаю, Владычи-
це Дѣво Богородице. Молю Тя, рабъ твой, не презри
мя многія грѣхи имущаго, но впадъ скорбь мою о семъ
и недоумѣніе и подаждь ми ослабу и утѣшеніе, да не
до конца погибну. Простри десницу твою, Чистая, изми
мя отъ тменія дѣлъ моихъ, и постави на чистую па-
жить заповѣдей Христа, Царя и Бога моего, да творю
я присно, Тобою укрѣпляемъ. Отъ грѣховъ моихъ лю-
тыхъ избави мя, Владычице, и покаеніе спасительно
мнѣ ниспосли, къ твоему Сыну и Богу матернимъ хода-
тайствомъ твоимъ. Свѣтъ неизреченный возсіявшая, про-
свѣти мою тму душевную, отъ грѣховъ ей прибывшую.
Радосте моя, избави мя отъ обышедшихъ мя невиди-
мыхъ враговъ: грѣхи бо мои мнози и тяжки суть, врази
мои люты зѣло, смерть близъ, совѣсть моя мя обличаетъ,
геенна огненная устрашаетъ, червь неусыпаемый, скре-
жетъ зубный, тартара тма кромѣшная, въ трепеть мя
приводять, ибо ожидаютъ мя пріяти, злыхъ дѣлъ моихъ
ради. Увы мнѣ! что сотворю тогда, и къ кому прибѣг-
ну, да спасена будетъ душа моя? Къ Тебѣ единѣй, слад-
кая Маріе Богородице, улаждающая на Тя уповающимъ
горесть смерти, и избавляющая взывающихъ къ Тебѣ
отъ лютыя геены. Ты и мнѣ помози, Всеблагая, неиму-
щему тогда иныя помощи, токмо Тебѣ, Всецѣлая Спа-
си мя отъ ужасовъ смертнаго часа и лютости тогда бѣ-
совскія, спаси мя отъ власти духовъ злобныхъ на мы-
тарствахъ воздушныхъ по смерти; яви, молюся Ти, яви
ми тогда пресвѣтлое лице твое, Владычице, и не остави
мя безпомощнаго. О, милосердая Мати! преклонися на
милость ко мнѣ лишенному милости отъ дѣлъ моихъ, и
умоли его же родила еси плотію Христа, Спасителя, и
Бога нашего, насъ ради на крестѣ пречистую кровь свою

изліявшаго, да и азъ причастникъ буду заслугъ Его крестныхъ предъ Отцемъ Его Богомъ, и ихъ ради получу грѣховъ прощеніе и вѣчное спасеніе, и прославлю неизреченное милосердіе твое, Богородице, и твое милостивое предстательство въ безконечныя вѣки. Аминь.

VII. ВЪ СУББОТУ.

Радуйся, Дѣво Богородице, пристанище и предстательство убогія души моя, надеждо сладкая спасенія моего! Радуйся, радость отъ Ангела приѣмшая въ благовѣщеніи имѣющаго воплотитися отъ Тебѣ Бога Слова! Радуйся всѣхъ Зиждителя въ твоихъ ложеснахъ носившая! Радуйся, Бога плотию родшая, міру Спасителя! Радуйся, въ рождествѣ дѣвство нетлѣнно сохранившая! Радуйся отъ волхвовъ дары приѣмшая и поклоненіе ихъ отъ Тебѣ родшемуся видѣвшая, и пастырей преславная о Немъ словеса слышавшая и въ сердцѣ твоємъ слагавшая! Радуйся, отрока Іисуса, Сына твоего и Бога во храмѣ, средѣ законоучителей обрѣтшая радостно! Радуйся, болѣзни лютыя во страданіи, крестномъ распятіи и смерти Сына твоего, пресладкаго Іисуса, испытывавшая, воскресеніемъ же Его тридневнымъ обрадованная свѣтло! Радуйся, вознесеніе Сына твоего и Бога, со ученики Его, во славѣ небеснѣй видѣвшая! Радуйся, отъ Него ниспосланнаго Духа Святаго, въ горницѣ сіонстѣй въ видѣ огненныхъ языковъ нисшедшаго, со ученики Господни приѣмшая! Радуйся, на землѣ ангельски пожившая! Радуйся чистотою и святынею вся ангельскія чины и всѣхъ святыхъ лики превосходящая! Радуйся, возвеличенная славою, пришествіемъ къ Тебѣ Сына твоего и Бога! Радуйся, Того святымъ рукамъ душу твою радостно предавшая! Радуйся, славно превознесенная твоимъ на небеса съ тѣломъ восшествіемъ! Радуйся по представленіи твоємъ боговидцемъ Апостоломъ въ третій день являвшаяся! Радуйся, не небесѣхъ отъ Отца и Сына и Духа Святаго діадимною вѣчнаго царствія увѣнчанная! Радуйся, отъ всѣхъ небесныхъ силъ приснопѣваемая! Радуйся, близъ престола Пресвятыя Троицы на престо-

лѣ славы возсѣдѣющая! Радуйся, Бога съ человѣки примиренія виновнице! Радуйся, небесными и земными господствующая Царице! Радуйся, яко ничтоже невозможно есть твоему ходатайству! Радуйся, яко вси вѣрно къ Тебѣ притекающіи спасаются! Радуйся яко Тобою скорбящій утѣшеніе, болящій исцѣленіе, бѣдствующій благовременну помощь получаютъ! Молю убо Тя, обрадованная Владычице, потреби и во мнѣ печаль грѣховную и даждь ми радость спасенія, даждь ми слезы утѣшительныя, умиленіе всегдашнее, покаяніе истинное и исправленіе совершенное. Не возгнушайся мене, Владычице, но приими милостиво сіи гласы радостныя, мною убогимъ Тебѣ приносимыя, и предстани ми въ помощь во время безпомощія моего, въ часъ страшный оный, егда разлучитися имать душа моя отъ окаяннаго моего тѣла: тогда, молю, предстани ми въ помощь и избави мя, повиннаго во грѣсѣхъ, наказанія за нихъ вѣчнаго, да не явлюся радованіе бѣсомъ и пища гееннѣ огненнѣй. Ей, Владычице моя, не попусти узрѣти души моеѣ страшнаго и грознаго прещенія и истязанія демонскаго, грѣшниковъ уготовавнаго, но предвари и спаси мя раба твоего въ часъ оный ужасный, да славлю тя во вѣки, единая надеждо моя и ходатаице спасенія моего. Аминь.

П Р О П О В Ъ Д Ъ

іеросхимонаха Нила въ день памяти преподобнаго Нила Сорскаго чудотворца, 7 мая.

Празднуя сладкую и всесвященнѣйшую память преподобнаго отца Нашего Нила, внимательно рассмотримъ, какую жизнью и какими добродѣтелями онъ восшелъ на высоту святости и преподобія.

Но прежде рассмотримъ и протолкуемъ титло или названіе—*Преподобный*.

Это названіе имѣетъ происхожденіе отъ слова: подобный. Напримѣръ напишетъ какой-либо живописецъ образъ или портретъ живаго человѣка, и тотъ образъ будетъ подобенъ тому человѣку. Но другой, искуснѣйшій въ семь чудожествѣ, напишетъ съ тогоже человѣка образъ искуснѣе и похожѣе перваго; и первый можетъ назваться подобнымъ живому оному человѣку, а другой, въ сравненіи съ первымъ,—преподобнымъ, т.-е. подобнѣйшимъ перваго.

При сотвореніи человѣка, Богъ сказалъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію.“ (Быт. 1, 26). А посему всякій человѣкъ, въ разумной душѣ своей, имѣетъ образъ и подобіе своего Творца Бога. Но не во всѣхъ соблюдается то подобіе образа Божія. Ибо каждый влагающій себя во многіе грѣхи и скверныя нечистоты и какъ свиня валяющійся въ сквернѣ грѣховной, помрачилъ и обезобразилъ образъ Божій и уподобился несмысленнымъ скотамъ. И о, сколь далеко такой отъ подобія Божія! А которые соблюдаютъ себя отъ грѣховныхъ сквернъ и благоуподобляются своему Господу Богу добрыми дѣлами, въ тѣхъ душевный Божій образъ есть прекрасенъ и свѣтелъ и подобенъ своему Создателю. И чѣмъ усерднѣе кто трудится въ угожденіи Богу, тѣмъ свѣтлѣе сіяетъ въ немъ образъ и подобіе Божіе.

Кто изъ благочестивыхъ мирянъ тщится угодить своему Владыкѣ, живя въ страхѣ Божіемъ и ходя во всѣхъ оправданіяхъ Господнихъ безъ порока, въ душѣ того образъ Божій подобенъ есть Богу. А кто отресея міра,

и воспріять монашеское житіе, касается величайшихъ подвиговъ безсупружнаго жительства и храненія безпорочной чистоты и повседневно подвизается въ умерщвленіи себя, въ душѣ такого, угождающаго Богу болѣе мірянина, образъ Божій есть подобійшій Богу. И потому угодившій Богу въ иночествѣ называется преподобнымъ. Многіе изъ богоугождающихъ удобно уподобляются Христу въ смиреніи, въ кротости, въ милосердіи, въ незлобїи, въ нелицемѣрной любви и въ другихъ добродѣтеляхъ, бывающихъ безъ великаго труда. И преимущественно живущіе въ мірѣ могутъ и должны уподобляться Ему сими добродѣтелями. Не составляетъ чрезвычайнаго труда быть дружелюбнымъ, милостивымъ, кроткимъ, незлобивымъ, смиреннымъ. Какой также трудъ никого не обижать, не убить, не украсть, не пожелать чужаго, не воровать, не лгать, не осуждать, не укорять и упражняться въ прочихъ безъ особаго труда творимыхъ добродѣтеляхъ, которыми благоговѣйно жительствующіе бывають христороподобными? Но весьма мало подобающихъ Христу въ страданіяхъ Его, въ ношеніи со многими трудомъ креста и въ распятіи. Здѣсь зримъ къ виновнику сего нынѣшняго нашего торжества Нилу преподобному. Ибо онъ, чтобы подобіе изобразить въ себѣ Христа распятаго и сотвориться преподобнымъ Ему, взявъ на себя крестъ иночества и, терпѣливо нося оный, повседневно распинался на немъ и умиралъ, говоря ко Христу: „Тебѣ ради умерщвляемъ есмь весь день“ (Пс. 43, 23). О истинный подобіе Христовъ Ниле преподобне! Ты не только подобенъ Христу Господу своему въ духовномъ распятіи твоёмъ, но воистинну и преподобенъ Ему, болѣе иныхъ подобійшій.

Слушатели! смерть есть двоякая: естественная и духовная, иначе смерть грѣху. Естественная есть общая, а духовная—только произволяющимъ. Ибо Господь говорить: „иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой;“ значить, Онъ не принуждастъ никого, а кто самъ хочетъ и произволяетъ. Мы же смотримъ: кому смерть только одна естественная, а преподобному Христову угоднику двѣ: прежде духовная, и потомъ естественная. Не можетъ быть честна предъ Гос-

подомъ смерть естественная, если не предварить духовная. И никто не получить вѣчнаго живота, если не будемъ умирать прежде смерти естественной духовною. И никто не увидеть въ вѣчную жизнь, если не избѣить въ себѣ хрѣховныя вождельнія умерщвленіемъ. О! сколь блаженъ научившійся быть прежде смерти мертвымъ грѣху и прежде погребенія во гробъ погребшій своя страсти въ умерщвленномъ своемъ тѣлѣ!

Такою-то смертію, прежде смерти, повседневно умиралъ преподобный Ниль отецъ нашъ. И когда міръ и діаволь покушались льщеніями своими свести его со креста, всегда обрѣтали его мертвымъ и недѣйственнымъ. Ибо какъ кто гнушается мертваго трупа, ядомаго червями, такъ преподобный Ниль презиралъ сей міръ, какъ мертвый, не имѣющій надежды вѣчнаго живота, непрестанно же ядомый червями повседневныхъ попеченій, молвъ и мятежей. И такъ отъ него отходили міръ съ діаволомъ безъ успѣха и со срамомъ.

Умиралъ преподобный Ниль и плоти своей, распиная всѣ плотскія вождельнія различными умерщвленіями; „яко Христось суши, плоть распинаше (по слову Апостола) — со страстьми и похотьми“ (Гал. 5, 24). О, сколь сильный есть сей нашъ домашній врагъ и мало отъ кого побѣждаемый! Наболѣе же всего, весьма многіе побѣждаются отъ него. А что жалостнѣе всего, иногда одолеваетъ онъ и святыхъ. Столь силенъ врагъ—плоть наша! Сильный и досадный врагъ; ибо всегда нападая, силится одолѣть, и этимъ много оскорбляетъ подвижающагося. Превосходно сказано однимъ святымъ старцемъ: „если кто можетъ понести скорбь плоти, тотъ пусть оставитъ все и бѣжитъ отъ міра сего, какъ Израиль отъ рабства Фараонова. “Достойно разсуждая сіе слово: „скорбь плоти.“ Гдѣ господствуетъ плоть, а духъ порабощенъ ей, тамъ нѣтъ оскорбленія плоти въ сей жизни, но будетъ въ будущей,—въ гсенѣ огненной. А гдѣ духъ тѣщется господствовать надъ плотию: тутъ непрестанная скорбь, тягота и брань противъ плоти, борющейся иногда природными, а иногда отъ искушителя воздвигаемыми грѣховными стремленіями. И тотъ, поистинѣ, есть истинный инокъ, кто можетъ носить скорбь плоти; ибо бремя сіе тя-

жело духу нашему, какъ гнилой трупъ живому человѣку.

Въ исторіи воспоминается нѣкоторый мучитель Тирренскій царь, который мучилъ плѣнниковъ такимъ безчеловѣчнымъ мучительствомъ: трупы мертвыхъ крѣпко привязывали къ живымъ, прилагая лице къ лицу, руки къ рукамъ и ноги къ ногамъ; и живой носилъ мертваго, доколѣ согниетъ трупъ и смрадомъ своимъ уморитъ живаго. О, какое ужасное мучительство!

Подобный есть союзъ тѣла съ духомъ. Грѣхолобивое тѣло, всегда желающее скверныхъ сластей, есть какъ трупъ смердящій. „Возмердѣша, говоритъ св. пр. Давидъ, — и согниша раны моя отъ лица безумія моего“ (Пс. 37, 6). А духъ нудящійся угодить Богу, есть какъ живой человѣкъ, взирающій къ вѣчности. О сколь тяжело живому человѣку носить привязанный къ себѣ мертвый трупъ! О сколь великая тягость есть духу носить, т.-е. терпѣть плотскія грѣховныя похоти и вождельнія! О семъ-то упоминаетъ Апостоль, говоря: „окаяненъ азъ человѣкъ; кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. 7, 24)? Желаніе имамъ разрѣшиться.“ И такъ тотъ есть истинный инокъ и доблественный подвижникъ, кто можетъ непрекосновенно понести скорбь плоти.

Хотящій увѣдать иночество преподобнаго Нила, пусть не испытуетъ явныхъ подвиговъ его. Напрасно будетъ такое испытаніе; ибо смиренномудрѣйшій отецъ нашъ всемирно старался утаить подвиги свои отъ людей, затворяя тѣло въ уединенной келліи въ непроходимой пустынѣ, умъ же и сердце углубляя въ Богъ все втайнѣ творилъ одному вѣдущему Богу: пощенія, непрестанныя молитвы, жесточайшіе труды и различныя умерщвленія плоти; потому что богоносный отецъ нашъ научился отъ величайшихъ свѣтильниковъ міра, просіявшихъ въ иночествѣ, ничего не творить на явленіе людямъ; ибо ищется о древнихъ инокахъ, жительствовавшихъ въ египетскихъ пустыняхъ и скитахъ, что они не считали достойнымъ инока то доброе дѣло, о которомъ другіе знали; но считали свойственною иноку ту одну добродѣтель, о которой кромѣ одного Бога никто изъ людей не зналъ. О, божественнаго мудрованія божественныхъ мужей! О, высоты смиренія въ плоти жившихъ ангеловъ!

И такъ, кто можетъ испытать дѣяніа инока, погруженнаго въ глубину смиренія? Воистину „исчезоша испытующіе испытанія“ иноческихъ дѣяній, „приступитъ бо“ мірской человѣкъ, но „сердце“ смиренномудраго инока „глубоко.“ Такой нравъ истиннаго иночества соблюдалъ въ себѣ преподобный Нилъ, во всѣ дни, даже до честнаго своего преставленія къ Богу. А что всего удивительнѣе, не только въ жизни своей, но и по смерти не хотѣлъ сподобленнымъ быть никакой славы и чести отъ людей, какъ явно изъ завѣщанія, написаннаго имъ ученикамъ его. О чудо, братіе! О, безмѣрнаго и высокотворнаго смиренія великаго отца!

И такъ, зрите всѣ и разумѣйте, что онъ былъ совершеннѣйшій инокъ, добрѣ вѣдущій угашать всѣ разжженные стрѣлы лукаваго и сокрушать всѣ сѣти вражіа. Ибо кто удобно переходитъ хитросплетенныя сѣти діавольскія, какъ не смиренномудрый? Сей великій отецъ нашъ дерзновенно могъ сказать о себѣ апостольское слово: „подвизаюся, не яко воздухъ біяй; но умерщвляю тѣло мое и порабощаю е“ (1 Кор. 9, 26—27); и оное реченіе: „Господи виждь смиреніе мое и трудъ мой.“ Ибо что иное было и все житіе его въ сей плаченной юдоли, какъ не повседневное мученичество? Каждая же капля пота его столь пріятна была Господу, какъ и капли мученической крови, за Христа изліянной. Ибо равночестны суть поты трудолюбиваго подвижника, ради Христовой любви повседневно умерщвляющаго свою плоть, и кровь мученика, умирающаго однимъ часомъ. Потому что пріемлютъ равную благодать и чудодѣйственную силу. Подаютъ ли исцѣленія святые мученики, изліявшіе ради Христа свою кровь; равно и преподобные подаютъ исцѣленія. Чудодѣйствуютъ ли мученики; чудодѣйствуютъ и преподобные. Ибо, угождая Христу, они изліяли многіе поты. Не дивно, что Павловы руки чудодѣйствовали и подавали исцѣленія; ибо, будучи вязаны и біены, много пострадали онѣ за Христа. Но дивно то, что главоотяжи и убрисы его, ничтоже страдавшіе, имѣли ту же силу чудодѣйствія, какъ и самыя Павловы руки, какъ пишется объ этомъ въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ. Равно имѣли чудесающую силу Павловъ потъ, точи-

мый въ трудахъ, какъ и кровь его, въ страданіяхъ проливаемая. Не меньшія суть честности и капли потовъ преподобныхъ, какъ и капли кровей мученическихъ.

Не послѣднѣйшія суть предъ Богомъ изліянія потовъ и твоихъ, преподобный отецъ нашъ Нилъ, всеневный мучениковъ Христовъ. Мы вѣруемъ, что ты столько же угодилъ Богу твоими подвигами, сколько и св. мученики своими страданіями. Вотъ, слушатели, мы узнали преподобіе святаго отца нашего Нила, бывшее въ иночествованіи его, когда на крестѣ своемъ духовномъ распинаясь міру и всѣмъ похотямъ, онъ сораспялся Христу и побѣдилъ всѣ прилоги вражія, сотворившись мертвымъ и недѣйственнымъ грѣху, живымъ же Богу, говоря съ Апостоломъ: „живу же не кому азъ, но живетъ во мнѣ Христовъ“ (Гал. 2, 20).

Ты же, преподобне и богоносне отче нашъ Ниле, нынѣ предстоящій престолу Христову въ церкви торжествующихъ, не забуди насъ съ любовью празднующихъ святую твою память и отъ горняго восшествія назрай нашу худость. Отче нашъ благій! милостивно призрай на чадъ твоихъ. Пастырю нашъ добрый! не презри сего твоего стада. Хотя ты отлученъ отъ грѣшниковъ твоею святынею, но не отлучайся отъ насъ грѣшныхъ милосердіемъ твоимъ, невидимо присутствуй намъ, снабждая рабы твоя и всегда во всемъ пособствуя и творя милостивымъ намъ Владыку и Бога нашего твоими молитвами къ Нему о насъ. Видѣжь обитель, въ которой мы живемъ, освященную твоими священнѣйшими подвигами и потами, и мѣсто, въ которомъ ты много трудился. И буди намъ и всѣмъ, съ любовью почитающимъ тебя, помощникъ, заступникъ, покровитель, защититель, промысленникъ и управитель нашей жизни. Ходатаю нашъ теплый! не премолчи, вопія ко Господу о насъ, и испроси миръ мірови, благовѣрному же Императору нашему—тишину, благоденствіе и одолженіе на враговъ, и всѣмъ временныя и вѣчныя блага. Аминь.